

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 5 1978 сентябрь — октябрь

В номере:

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Л. А. Розанова. Образ сеятеля в революционной и демократической поэзии	3
О. А. Державина. Эпитет в исторической повести XVII века	9
В. Г. Дмитриев. Вторая жизнь басен Крылова	14
Е. И. Гибет. Слово «тишина» у В. Г. Короленко	20
В. П. Ковалев. Речь персонажей автобиографической трилогии А. М. Горького	26
Н. М. Громова. Борьба А. М. Горького с декадентской поэзией	32
В. М. Шаталова. Имя и характер	38
В. В. Образцова. Сравнения в поэзии С. Есенина	45

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

Б. В. Шергин. Рядом или вместе	52
--	----

КУЛЬТУРА РЕЧИ

К. В. Наумов. Речевая характеристика в ленинской публицистике	59
В. Г. Краснов. Образность научного повествования	65
Т. Н. Поповцева. Провинция — периферия	69
Р. П. Рогожникова. Даже и аж	72
В. В. Семенович-Гудкова. Пословицы не умирают	76
Ф. П. Сороколетов. Новое пособие по культуре речи	82

ГРАММАТИКА

- Р. М. Романова. Об интонации вводных и вставных предложений** 87
И. В. Воскресенская. О вневременном значении 89
-

ТЕРМИНОЛОГИЯ

- М. Н. Захарова. Ракета** 93
-

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

- Л. И. Рахманова, Н. И. Формановская. Минута времени** 97
-

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

- В. В. Аниченко. Московское издание Грамматики М. Смотрицкого** 104
Л. В. Вялкина. Николай Михайлович Каринский 111
-

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- Ж. А. Закупра. Мастер. Ремесленник** 115
В. М. Мокиенко. Как зюзя 121
-

ПО КАРТЕ РОССИИ

- А. И. Попов. Шелонь** 126
И. Г. Добродомов. Тьмутаракань и Тамань 129
-

ШКОЛА

- В. А. Иванова. Обучение деловому письму** 134
А. Ю. Купалова. Вопросы синтаксиса в новой программе 142
-

КОНСУЛЬТАЦИИ

- Грамматическая правильность русской речи** 149
-

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ» 18,101,148,152

*На обложке: М. Горький «Детство»
Гравюра В. Толстоногова*

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

ОБРАЗ СЕЯТЕЛЯ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Сеятель — 'сеющий что-либо'; так объяснялось значение этого слова в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847). В. И. Даль слово *семя* толковал так: а) «вещество, содержащее в себе зародыш животный или растительный», б) «потомки, нисходящее поколение». Отсюда *сеять*, *севать* (что?) — 'сажать или рассыпать семена, пускать их в подготовленной почве в рост'. Как будто бы все ясно и оснований для разногласий нет.

Но вот в январской книжке «Отечественных записок» за 1877 год с подписью «Н. Н.» впервые было напечатано стихотворение «Сеятелям». Оно вызвало широкий общественный резонанс и вышедшую за пределы литературы и языка полемику: «Кто же эти *сеятели*?». Следовательно, значение слова *сеятель* в контексте некрасовского стихотворения, не во всем совпав с традиционным, дало основания для разных толкований.

Стихотворение «Сеятелям» имеет, на наш взгляд, более глубокие, чем обычно указывается, жизненные истоки и более протяженное во времени воздействие на развитие русской поэзии.

Весьма ощутимое гражданско-агитационное задание стихотворения, противопоставление сущего и желаемого в образах основных героев — сеятеля и сеятелей «знания на ниву народную» — усиливаются системой вспомогательных образов. Труд, «почва...бесплодная», «семена», «всходы хилые», «доброе...зерно», «полные жита кошницы» — все эти образы предельно четко характеризуют обстоятельства, среду, тот народный мир, к которому устремлены усилия деятеля. Другой ряд вспомогательных образов,

и в частности образ «разумного, доброго, вечного», определяет качество, специфику действий революционеров-просветителей.

В поэтике Некрасова этот образ, несомненно, связан с образами «человеческих стремлений», «Братства, Равенства, Свободы», «веры святой» и «ненависти правой», появившихся в «Песне Еремушке». В общественном мнении как шестидесятников, так и семидесятников, действия людей, послуживших прототипами для некрасовских сеятелей, связывались с агитационно-пропагандистской работой. В этой связи представляет интерес впервые напечатанное в журнале «Дело» (1867, № 10) стихотворение Омутлевского (И. В. Федорова) «Светаёт, товарищ!...»:

Работай лишь с пользой
На ниве людей
Да сей только честные
Мысли на ней.

В. С. Курочкин в стихотворении «На могиле Д. И. Писарева» (1868) ввел образ «зерна» для характеристики идейного мира революционера-просветителя:

Увы! Ты жил, как Добролюбов, мало.
Ты чист, как он; зерна твоих идей
Не подточило опытности жало.

К истолкованию образа «сеятеля знания на ниву народную» как революционера или нити и от ряда народнических документов. Представление о революционной идее в сознании ряда участников народнического движения настолько ассоциировалось с образом зерна, а действия пропагандистов — с действиями земледельца-сеятеля, что когда много лет спустя они обратились к созданию мемуаров, то названные представления и образы, возможно, уже не без воздействия стихотворений Некрасова и самих поэтов-народников, естественно вплетались в общую ткань повествования. Например: «... уже в те далекие времена выдавались среди рабочих такие личности, которые тщательно и бережно выращивали заброшенное в них революционерами семя социализма», и в другом месте: «„Народная воля“ умерла, но семя, брошенное ею в землю, дало всходы...».

По наблюдению Н. В. Осьмакова, поэты-народники подхватили и развили яркий некрасовский образ сеятеля-революционера из стихотворения «Сеятелям». Некрасовский образ сеятеля заинтересовал и поэтов общедемократического направления, в частности сотрудничавшего в «Отечественных записках» и в «Слове» Д. Л. Михаловского. Пафос его стихотворения «Мечтателю» в том, чтобы молодые люди не устремлялись ко «всей вселенной», а занимались прежде всего «полем собственным своим». К ним обращен призыв оросить ниву:

Чтобы жатвою обильней
Вся покрылася она,—
И тогда рукою сильной
Бросишь в мир ты семена.

Через несколько лет поэт-рабочий С. Ф. Рыскин в стихотворении «Памяти русского первопечатника» сравнивает труд деятеля культуры с трудом сеятеля:

Он бросил в родимую землю зерно —
И плод чудотворный приносит оно.

Представляется очевидным, что употребление Некрасовым и его современниками, поэтами народнического и общедемократического направления, слова *сеятель* в стихотворении «Сеятелям» отразило одну из особенностей языкового процесса той поры. Особенность эта была замечена еще Н. В. Шелгуновым: «Может быть, никогда старые слова не расходились так с выражаемым ими новым смыслом, как нынче... Вся деятельность новой литературы заключается именно в том, чтобы сделать смотр словам, сделать их названиями иных вещей, ввести реальное мышление вместо метафизического и номинального, проверить старые понятия новыми фактами и научить думать не словами, а реальным содержанием».

В произведениях рабочих и пролетарских поэтов, во многом учившихся у Некрасова, и у создателей поэзии революционного народничества заметна преемственность не только в идеях, но и в литературных формах. Развитием темы и образа сеятеля, а также использованного для их обозначения лексического ряда, подтверждается наличие и более сложной, в сравнении с отмеченной выше, связи — общих принципов в подходе к действительности и ее художественному изображению («Дума мужика» С. Ф. Шкулёва, «Сеятель» А. Н. Благова, «Гусляр» С. Г. Скитальца).

Следует, пожалуй, вспомнить небольшие произведения А. И. Маширова-Самобытника «После работы» и «Зарницы». Тема посева знаний развертывается в них в двух планах. Их герой — рабочий — после трудового дня садится дома «за свои пленительные книги», то есть он воспринимает всходы кем-то произведенного посева. Но воспринимает не только для себя: «Завтра утром на своей работе Он об них друзьям своим расскажет». А в стихотворении «Зарницы» с помощью романтически-приподнятого образа рождающихся зарниц и прямого обращения к «вздоху оплаканной страницы» показан общественный результат второго посева:

То мощных сил рождаются зарницы,
Они блестят чарующе во мгле,

О, каждый вздох оплаканной страницы,
Ты семя новое в распаханной земле.

Романтический образ «огня живого» и «светлой дали», гипербола («Я сохраню мои огни! Всю жизнь я спаян буду с ними, И день и ночь со мной они!») понадобились Дм. Одинцову, чтобы в стихотворении «Вперед!» показать силу и жизненность действий «сеятеля знания», действий, запечатленных в умной книге.

В произведениях рабочих и пролетарских поэтов при решении интересующей нас темы изменяются не только основные и вспомогательные образы, не только лексико-интонационный строй стиха, но и само представление о том, кто и что может посеять.

У В. Д. Александровского в стихотворении «Тобой мы распяты, город...» (1918) тема будущего связывается не просто с битвами, а с катастрофами настоящего. Отсюда, вероятно, такой экспрессивный и сложный образ посева в условиях мировых противоречий и бурь:

Причастием крови черной
В душе мы вздыбили мрак,
Мы сеем красные зерна
На взрытых огнем горах...

Трагическое по тону стихотворение того же автора «Мать» (1919) строится как напряженнейший диалог матери и уходящего на гражданскую войну сына. В роли сеятеля, сеятеля любви и жизни, выступает здесь мать:

Из века в век
Ты сеешь любовь
На земле
Для того, чтобы вновь и вновь
Человек
Растоптал ее сапогами.

В стихотворениях Н. С. Тихомирова «По Руси» (1917) и «Красная Русь» (1918) в роли пахаря, а затем сеятеля радостей (цветов) новой жизни выступает сама возродившаяся Русь. Ей предлагается «земную грудь широкую» засеять «цветами пестрыми». К ней обращен призыв:

Гей! Гуляй! Лякуй на воле,
Русь свободная от пут.
Засевай цветами поле...

На страницах «Правды» в 1921 году (6 декабря) было напечатано стихотворение Д. Бедного «Семена»; в нем говорилось о том, как поэт Некрасов книгами своими высевает семена знаний о мире на благодатнейшую почву, какой являются умы, души крестьянских детей.

В 1923 году М. Герасимов написал стихотворение «Памяти Неверова». В нем роль сеятелей берут на себя товарищи безвременно ушедшего из жизни писателя:

Верны твоему завету,
Неосуществленным зовам,
Мы смело вспашем землю эту,
Засеем семенем и словом.

Товарищи писателя не только сеятели, а и пахари, возделывающие землю перед посевом. Высевают они, как явствует из стихотворения, и слово, и зерна новой жизни. На наш взгляд, это стихотворение опосредованно связано с одним из существеннейших явлений эпохи: рядовой труженник сам стал хозяином своей судьбы. И пробуждение народной силы, возможность приложить ее в разных сферах, и прежде всего в труде, отразились во многих особенностях тех дней. В частности, далеко не случайно первый золотой советский червонец (1923) назывался «Сеятель». На нем был изображен идущий по вспаханному полю богатырь-крестьянин, производящий новый посев.

С злыми силами стихии неба вступают в единоборство «оратай» и «великий сеятель» из стихотворения И. И. Конова «Россия» (1919). Его трудом и борьбой отмечена жизнь новой России. Оратай своей «железною рукой» управляет «конем крылатым»; «великий сеятель», следующий за ним «с берестяным лукошком С боков отмеченным звездой», «идет нехоженой тропой». И все-таки за ними будущая победа:

Но конь могучий и крылатый,
Сверкая пеной, всё идет,
И всё упорнее оратай
Свой острый красный плуг ведет.

Для многих поэтов после Октября оказались значительными мотив и образ жатвы, раскрывающие тему преемственности нескольких поколений борцов или тему стремительного движения вперед. Соотнесенность образа жатвы с названными темами осознавалась самими участниками борьбы. И. Косарев, например, вспоминая в 20-х годах о рабочих кружках начала века, писал следующее: «Деятелей кружковой работы сейчас уже многих нет в живых, но они были сеятелями идей коммунизма и к ним более, чем к кому-либо, подходят слова поэта Некрасова:

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле ислепать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..».

Итак, слово *сеятель* активно использовалось в демократической поэзии конца XIX и первой трети XX века, восходя в своей

стилевой окраске и частично в значении к некрасовскому стихотворению «Сеятелям», а также к близкой ему по времени и свойствам литературной традиции. Значение слова в народнической и рабочей поэзии не только сохранялось, но и расширялось. Совпадая в основном с некрасовским в названии революционного действия и его признаков, оно указывало на очень разную направленность этого действия. Заметно обновлялось и представление о субъекте этого революционного действия, обращенного к будущему.

Л. А. РОЗАНОВА

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

I. Точное слово

Какое из выделенных слов выбрали А. Н. Толстой и П. П. Бажов?

1. Двое на лыжах (*тихо, тайно, бесшумно, неслышно*) обошли вокруг зимовища. Опираясь на рогатины, стояли, слушали. Месяц (*окружило, очертило, обвело*) бледным кругом, в заиндевелом (*лесу, бору, ваю*) — (*тишина, покой, безмолвие, тишь, спокойствие*). За стеной (*дома, избышки, избы, хаты*) глухо кто-то забормотал. У (*розвальней, саней, санок, повозки*) вздохнула всей утробой лошадь. Сторожевой (*солдат, боец, воин*) дежал, как застывший, усатым (*ликом, лицом, физиономией*) в лунном (*сиянии, свете, серебре*).

2. Данило с сыновьями хоть по другому камню работали, а тоже в этом деле (*понимали, кумекали, соображали, смекали*). И (*мать, матушка, маменька, маманя*) по камню (*рабатывала, трудилась, работала*). Все налюбоваться не могут на Митюхину работу. И то им (*удивительно, непонятно, диво, неясно*), что из простого змеевика да дорожного соку такая (*вещь, поделка, диковина, штука*) вышла. Миге и самому (*приятно, лестно, любо*). Ну, как — работа! Тонкость. (*Ежели, если*) кто понимает, конечно.

II. История слова

Какие из указанных слов собственно русские, а какие заимствованные и из каких языков?

Вигрина, возерат, вьюга, вермишель, велосипед, взбучка.

Ответы на стр. 92

ЭПИТЕТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ XVII ВЕКА

Эпитет как средство положительной или отрицательной характеристики человека был известен древнерусским писателям с давних времен. К ним обращаются создатели летописи, чаще всего отмечая внешние качества героя (... бе бо велик и силен Редедя), автор «Сказания о Борисе и Глебе» (блаженный Борис, окаянный проклятый Святополк); их широко использует автор «Слова о полку Игореве» (вещий Баян, храбрый Мстислав, буйтур Всеволод, грозный великий Святослав, красная Глебовна, поганый половчин и др.). Автор «Моления Даниила Заточника» также хорошо знал эпитет как изобразительное средство языка: свою характеристику «злой жены» он строит на ряде ярких по выразительности эпитетов (жена злообразна, ртаста, челюста, злаязычна...).

В «Повести о нашествии Батыя на Рязань» рядом с традиционными эпитетами-определениями, чаще всего прилагательными (благоверный князь, безбожный Батый, крепкие воеводы), мы читаем: «дружина ласковая», «узорочье и воспитание рязанское». Много ярких и разнообразных эпитетов в житиях, написанных Епифанием Премудрым; есть они, хотя и менее оригинальные, и в «Житии Александра Невского», и в «Казанской истории», и в «Повести о Петре и Февронии». Прибегает к эпитету и сам Иван Грозный, характеризуя своего «корреспондента» Курбского *собакой и изменником*.

События начала XVII века, получившие название «великой смуты», выдвинули ряд незаурядных людей, от которых в той

или иной мере зависели судьбы страны. Это порождало особый интерес к человеку, к человеческой личности и заставляло писателей того времени внимательно вглядываться в образы исторических деятелей своей эпохи, искать разгадки событий в их характерах, помогло им с помощью специально подобранных художественных средств языка создать живые и убедительные портреты наиболее выдающихся современников.

Вполне естественно, что в первую очередь писатели обращаются к образам лиц, стоявших у власти: Борису Годунову, Лжедмитрию I, Василию Шуйскому. В поисках причин «великой смуты» им приходится оглядываться назад и вспоминать годы правления Ивана Грозного и его сына Федора Ивановича, попутно характеризуя того и другого царя. Характеристики названных исторических лиц очень любопытны: они дают ясное представление как о политических взглядах автора, так и о его отношении к тому или иному правителю.

Изображая Ивана Грозного, автор «Летописной книги», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому, строит характеристику царя в основном на эпитетах-прилагательных, противопоставленных друг другу: царь «в науке книжного поучения *доволен, многоречив, за отечество стоятелен, ко ополчению дерзостен*»; но он дерзостен и на убийстве, *жестокосерд, немолчим*.

Тот же прием использует, подходя к анализу образа Грозного, дьяк Иван Тимофеев. По его собственному определению, Грозный — это *истинный* (наследственный и богопомазанный) царь, *еторособиратель* Русской земли, но ведущей чертой его характера, по мнению писателя, является жестокость, *презельная ярость*, направленная на единоверных ему людей — его подданных.

Разгневавшись на них, *яроствий* царь ввел опричнину и этим «всю землю державы своея яко секирою наполю расече»; разделяя взгляды крупного боярства, писатель видит в опричниках темную и злую силу и с глубоким возмущением описывает царских слуг — *бесподобных* опричников, которые, одетые в черное платье, на черных конях, «яко ночь темна видением», рыскали, свирепствуя, и «взором едином, веже смерти прещением, страшаху люди» («Временник» Ивана Тимофеева).

Образ Грозного в изображении Тимофеева — это образ царя-тирана, царя-мучителя, *рабоубителя* и *мироубителя*, насильника и развратника, в сердце которого горит неизлечимая «язва мести, неприкладна скорбию и неизбытна леты», ни с чем несравнимая по тяжести и незабываемая никогда. Выразительные, острые, оригинальные эпитеты-существительные, неологизмы, созданные автором, надолго остаются в памяти читателя.

Иными красками Тимофеев рисует царя Федора Ивановича. Как и многие другие писатели начала XVII века, он изображает Федора *святým* и называет его царствование *благочестивым, от поста просиявшим*; о царе говорится, что он был *«естеством кроток и мног в милостях ко всем и непорочен... житие святого и преподобного своего царствия не кроволюбно, но иночески в постничестве препроводив в молитвах и мольбах с коленопреклонении день и ночь...»*.

Благочестие и кротость *благоюродивого* царя отмечают и другие писатели: по их мнению, Федор — это «свеща страны Русския», «свет православия».

Умело подобранные эпитеты рисуют перед нами образ благочестивого, доброго, кроткого человека, от которого окружающие видели только милость, любовь и ласку. Но, характеризуя так Федора, писатели не скрывают и того, что он, «не радя» о зёмном *мимоходящем* царстве и уйдя в религиозные подвиги, все дело по управлению страной передал своему шурину Борису Годунову. Уклонение царя от своих прямых обязанностей осуждается писателями, так как это, по их мнению, дало возможность Годунову ссылать и казнить неугодных ему лиц и повело за собой убийство царевича Димитрия, по совету того же Годунова сосланного с матерью в Углич.

Если в изображении Грозного и его сына писатели более или менее единодушны, то яркую личность Бориса Годунова они рисуют по-разному. В Повести 1606 года — памфлете, направленном против Бориса Годунова, дается резко отрицательная характеристика царя Бориса. Задачей автора — сторонника Василия Шуйского, по-видимому, одного из монахов Тронце-Сергиева монастыря, было как можно больше очернить Годунова в глазах читателей. Поэтому он специально подбирает для этой цели нужные ему краски, главным образом развернутые эпитеты. Годунов — это *лукавый раб, окаянный святоубийца*; это *ненасыщенная славобесная* утроба, которую прельщает «суетная слава мира сего». Когда *пронырливый* Борис начал гореть «неугасимым огнем властолюбия», у него возникло «злое и лукавое умышление» убить царевича Димитрия. «Зломысленный лукавый проныр», Борис не может угасить в себе «злораспаляемого огня славобесия»: *лукавыми* устами он яко змея излева смертоносный яд (дал приказание убить Димитрия). Убийцы предали царевича *злой погаенной* смерти, после чего Борис «лукавством и неправдой восхитил царство».

Этому *святоубийце* противопоставляется в повести *благонравный, боголюбивый, благородный* князь Василий Шуйский, который *опасно и бодрственно* остерегает от врагов Русскую землю,

Прочие авторы произведений о «Смуте», хотя и очень далеки от стремления идеализировать Годунова, тем не менее совершенно свободно и независимо друг от друга создают более объективный образ бескорыстного, доброго, справедливого, умного человека и внимательного умелого правителя. По их общему признанию, Борис «ради строений всенародных всеми любим бысть». Именно «зряще разум его и правосудие», «праведное и крепкое правление и к людям ласку великую», народ «цзлюбид» его на царский престол в 1598 году. И в то же время все писатели отмечают гордость и властолюбие Бориса, его «бескнижие» (недостаточную начитанность в книгах «священного писания») и с большей или меньшей уверенностью обвиняют его в смерти царевича Димитрия.

Автор «Летописной книги» строит словесный портрет Годунова также на ряде выразительных эпитетов: «Царь же Борис благолепием цветуще и образом своим множество людей превзошед; возрасту посредство имея; муж зело чуден, в разсуждении ума доволен и сладкоречив вельми, благоверен и нищелюбив и строителен зело, о державе своей много попечение имея и многое дивное о себе творяще. Едино же имея неисpravление и от бога отлучение: ко врачем сердечное прилежание и ко властолюбию насытное желание и на прежебывших ему царей ко убийению имея дерзновение, от сего же вездезде восприят».

Этот портрет, созданный современником на основе книжной традиции и личных впечатлений, повторяет характеристику Годунова, данную в самом тексте повести. Там также говорится, что царь Борис отличался красотой, был милостив, благочестив и «велеречив зело». В приведенной характеристике, как мы видим, большое место уделяется положительным качествам Годунова, которым соответствует и его внешность; в то же время красота Бориса в понимании автора не что иное, как маска, скрывающая подлинную сущность его властолюбивой души. Подобную характеристику дают и другие писатели. По словам автора Хронографа 1617 года, Борис «ко мадоимапию же зело бысть ненавистен... естеством светлодушен и нравом милостив, паче же рещи и нищелюбив...».

Дьяк Иван Тимофеев, не сочувствуя политике Бориса, называет его *наскателем*, незаконно захватившим царский престол, и считает Годунова убийцей царевича Димитрия. Но все же, стремясь быть объективным, писатель создает замечательный образ человека и царя; раскрывая как положительные, так и отрицательные его черты, широко использует эпитет: «Егда в равночестных честен бе и по цари [Федоре] вся добре управляя люди, тогда по всему благ являясь, во ответех убо обреташеся сладок кроток, тих, податлив же и любим бываше всем за обиды и неправ-

ды всякия от земли изытельство» (Временник). И в то же время в изображении писателя Годунов — *славоловитель, рабо-царь*, царь не книжочий, а потому «слепой вождь вверенного ему стада». Вступив на престол и получив *преестественный* [несвойственный ему] сан, Борис обманул возлагавшиеся на него надежды: «По получении же того величеством абие претворися и *нестерпим всяко, всем жесток и тяжек* обретесе».

Как видим, Тимофеев рисует годуновский характер в развитии, показывая изменение его после того, как Борис, движимый властолюбием и гордостью, незаконно захватил престол. Легко заметить, что, как и в характеристике Грозного, Тимофеев использует здесь, кроме эпитетов-прилагательных, ряд выразительных неологизмов — эпитетов-существительных (*наскакатель, славоловитель, рабо-царь*), выражающих его отношение к описываемому лицу.

В изображении первого самозванца писатели единодушны. И в Повести 1606 года, и в других памятниках начала XVII века Лжедмитрий I — это *враг, скимен люг, антихрист, Содом и Гомора оставшая главня, непогребенный жертвец, оказанный законпреступник-расстрига*, который «как темен облак воздвигся из не-светимыя тьмы», *кривоверию рачитель*, он читает *богомерзкие* книги, распространяет прелютую ересь. «Бесстыдно вскочив» на царский престол, он живет *блудно и беззаконно, рабско и скотоплепно*. Его жена, иноверка Марина Мнишек — *сквернавица, человекоподобная аспида, ехидна*, залившая кровью Русскую землю.

Эпитет дает возможность писателям XVII века нарисовать убедительные образы не только отдельных лиц, но и характеризовать целые классы общества, с предельной ясностью выражая свое к ним отношение.

Доктор филологических наук
О. А. ДЕРЖАВИНА

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ БАСЕН КРЫЛОВА

Некоторые басни И. А. Крылова были, как известно, откликом на определенные политические события. Крылов в аллегорической форме обличал порядки, царившие в тогдашней России («Волки и овцы», «Щука», «Квартет», «Кот и повар», «Пестрые овцы», «Бритвы», «Осел» и т. д.), и намекал на всем известных лиц, начиная с самого царя («Воспитание льва», «Обоз», «Рыбы пляски»).

Прошло много лет. Люди, события, явления, которые подсказывали баснописцу сюжеты, ушли в прошлое. Казалось бы, политическая сатира Крылова должна стать достоянием историков. Но этого не произошло: в эпоху первой русской революции 1905 года прогрессивные журналисты сумели использовать басни «дедушки Крылова» в борьбе с самодержавием, вновь превратив их в политическое оружие большой силы.

Применявшийся ими прием называется травестированием (перелицовкой, подстановкой). В старую форму они вкладывали иное, социально заостренное содержание. Подписывались такие переделки псевдонимами или не подписывались вовсе, чтобы уберечь авторов от преследований.

Отрицательными персонажами перелицованных басен выступали, как правило, конкретные лица. Постоянной мишенью для многих сатириков служил премьер-министр граф Витте, подписавший позорный для России мир с Японией. Витте считался вдохновителем царского «манифеста 17 октября», который не принес народу ничего, кроме горького разочарования, несмотря на множество содержащихся в нем посулов. Чтобы уличить премьера

во лжи, как нельзя более подошла крыловская басня «Лжец». Новый ее вариант («Отбой», 1906, № 4, без подписи) начинался так (курсивом здесь и далее выделен текст Крылова, оставшийся без изменения):

*Из дальних странствий воротясь,
Какой-то дворянин, совсем даже не князь,
С успехом подписав о мире параграфы,
Пожалован за то был в графы,
И, действуя затем умно, он очень быстро
Попал на пост премьер-министра...*

Витте действительно вернулся «из дальних странствий»; мир был подписан в американском городе Портсмуте. В басне он клянется:

*Что истомленному неволей злой народу
Он даст и не одну свободу,
А целых пять,
Просил ему лишь время дать
И дружески помочь отчизну успокоить,
А он уже сумеет все устроить
И конституцию такую даст народу,
Что просто удивит природу...*

Ему советуют:

*Но если подлинно ваш план так прост,
То, видите ль, лежит к свободе мост,
Он свойство чудное имеет:
Лжец ни один по нем пройти не смеет:
До половины не дойдет —
Провалится и в воду упадет.*

Витте, как и крыловский лжец, отклоняет совет:
Ведь можно и другим путем найти свободу.
Чем на мост нам идти, поищем лучше броду!

Фигурирует Витте и в басне «Ларчик»: здесь он — незадачливый политик, который тщетно пытается решить стоящий перед ним вопрос, хотя, как известно, «ларчик просто открывался»:

*Вот за вопрос принялся он,
Вертит его со всех сторон
И голову свою ломает:
Свободу то дает, то отнимает...*

В басне «Медведь у пчел» изображен один из великих князей, а именно — дядя царя, генерал-адмирал Алексей Александрович, чья грабительская политика в Маньчжурии немало способствовала началу русско-японской войны. У Крылова медведя избрали надсмотрщиком над ульями, а здесь некто Алешка был поставлен надсмотрщиком концессий на Ялу (река в Маньчжурии) и нажился на этом:

*Наворовал Алешка денег много.
Узнали, подняли тревогу.
Какой у нас над вором суд?
Отставку Алексею будто дали
И приказали,
Чтоб уезжал на отдых старый плут. (У Крылова:
«Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут»)*

*Решили, справили, скрепили,
А денег все ж не воротили. [У Крылова — меду]
Алешка улом не ведет:
С Россией скоро распрощался
И в заграницу теплую убрался [У Крылова —
в берлогу]*

*Бургунь-шампанское там пьет
Да у моря погоды ждет.*

В переделках крыловских басен высмеивались и реакционные газеты. Так, Демьян угощает Фоку не ухой, а слушанием черносо-тенного «Нового времени», которое, по словам В. И. Ленина, «ста-ло образцом продажных газет».

*Соседушка, мой свет,
Пожалуйста, послушай!
— Сосед, оглох я совершенно! — Нужды нет,
Еще статеечку прослушай!
...Что за газета! Как черна,
Как будто грязью вся подернута она.
Потешь же, миленький дружочек!
Еще хоть строчечку! Да кланяйся, жена!*

Крылов в конце басни обращался к некоему писателю:
Но если помолчать вовремя не умеешь...

Автор переадресовал это обращение к газете:

Но так как помолчать ты, «Время», не умеешь...

В басне «Мартышка и Очки» в роли мартышки выступает «одна страна», а место очков занимает та куца конституция, которую власти хотели подсунуть русскому народу в 1905 году:

Одна страна слаба уж очень стала,
А за границу слыжала,
Что это зло еще не так большой руки,
Лишь конституцию ей стоит завести.
Комиссий и проектов с дюжину достала,
Вергит законами и так, и сяк:
То влево, то направо их положит,
То даст понюхать, то сама погложет,
Но конституция не действует никак...

Известно, что крыловская Мартышка, разуверившись в очках, «хватила их о камень»; в перелицовке же некая страна (подразумевается царское правительство) «в реакцию ударилась сильнее».

Прочитированные выше переделки крыловских басен были помещены томским журналом «Осы» в конце 1906 года и принадлежали перу одного автора, очень умело использовавшего прием травестирования. Замены вполне равноценны: вместо *гарелочка* — *статеечка*, вместо *ложечка* — *строчечка*... Этот автор подписывался «Ноль»; настоящую фамилию нам установить не удалось.

В некоторых перелицовках действующие лица оставались те же, но в их уста вкладывались совсем иные речи:

*Я все пела бодро, смело:
«Гражданин, вперед иди!»*,—

сообщает Стрекоза.

*Ты все пела? Это дело.
Так поди же, посиди!*—

откликается умудренный опытом Муравей, хорошо знающий, что за такие песни в России сажают в кутузку («Стрекоза», 1906, № 18, автор А. Лазарев).

В крыловской басне «Любопытный» один приятель рассказывает другому о посещении кунсткамеры. В «Разговоре двух приятелей» («Фаланга», 1906, № 2, автор П. Коробцев) вместо кунсткамеры — Россия, которая, впрочем, тоже «чудес палата». Рассказчик перечисляет не «бабочек, букашек, козявок, мушек, таракашек», а матерых реакционеров:

*Каких людей я только не видал!
Там Витте граф, что мир с японцем заключал,
Там Дурново, там граф Толстой,
Там есть и Тренов — генерал,
Который не жалеть патронов приказал,
И Небогатов там, непризнанный герой...*

Слушатель интересуется: «Ну, а свободу-то в России ты приметил?» (у Крылова — слона). И слышит в ответ: «Да разве там она? Свободы я не встретил».

В басне «Осел и Соловей» («Бурелом», 1905, № 1, автор Н. Тарновский) Осел, как и у Крылова, просит Соловья спеть, что тот охотно и делает. Но Осла берет сомнение:

— Уж нет ли в этих песнях непонятных
Каких-нибудь идей превратных?
Поешь прекрасно ты, и звучен голос твой,
Да надобен надзор, мой милый, за тобой.
Го-ро-до-вой!
Сведи в участок Соловья,
Там разберут, брат, эти песни!

Так некоторые басни Крылова, спустя почти сто лет после появления, приобрели новое обличье и сослужили немалую службу русским революционерам в их борьбе с засильем реакции.

Валектин ДМИТРИЕВ

Рисунок В. Толстоногова

ПОЧТА
«РУССКОЙ РЕЧИ»

● ЖМУРКИ, ПРЯТКИ, ГОРОДКИ...

Известно, что все имена существительные современного русского языка имеют либо формы обоих чисел, либо только одного — единственного или множественного.

Существительные только множественного числа обычно распределяются по таким группам: 1) с предметным значением названия частей тела и органов живых существ (поджёлки, уста); наименования предметов одежды (брюки, колготки), обуви (бутсы, спортивки), видов боевого снаряжения (доспехи, латы), музыкальных инструментов (гусли, цимбалы), строений (хоромы, сени) и т. п.; 2) с вещественным значением; наименования продуктов питания (дрожжи, сливки, консервы), отходов производства (опилки, высевки, отруби); 3) с отвлеченным значением: названия действий и процессов (переговоры, выборы, аплодисменты), отрезков времени и явлений природы (сутки, канюкулы, сумерки), торжеств и обрядов (именины, проводы, святки), народных игр, детских забав и спортивных состязаний.

В современных близкородственных языках (русском, украинском, белорусском) названия игр выражаются существительными только множественного числа (русск. *жмурки* — укр. *пiжмурки* — белорусск. *жмўркі*, русск. *скачки* — укр. *скачки*, *перегони* — бело-

русс. *скáчки*); некоторые же существительные приобретают эту форму только в случае употребления их в значении названных игр. Естественно, что при этом их сочетаемость с другими словами резко ограничивается: русск. *игрáть в клáссы* — укр. *грáти в клáси* — белорусск. *гуляць у клáсы*, русск. *игрáть в бáбки и игрá в бáбки* — укр. *грáти в пáци и грá в пáци* — белорусск. *гуляць у бáбки и гульня ў бáбки*.

По-разному складывалась судьба существительных данной группы в русском, украинском и белорусском языках. Одни слова известны трем языкам, другие — только двум или даже одному, включая его диалекты. Всем трем языкам свойственны такие названия: русск. *кéгли* — укр. *кéгли* — белорусск. *кéгли* (название это заимствовано из немецкого языка).

Очень мало названий игр, присущих двум языкам и вовсе не знакомых третьему, или же в двух языках (русском и белорусском), выраженных в форме только множественного числа, а в третьем (украинском) — в форме единственного: русск. *горéлки* — белорусск. *гарбáлки*, ср.: укр. *горюдуб, горидуб*.

В иных случаях два русских синонима только множественного числа соответствуют одному слову единственного в украинском и белорусском; русск. *сáлки, пятнáшки* — укр. *квач* — белорусск. *квач*. Нередки и такие явления, когда в двух языках (русском и украинском) название игры оформляется разными числами одного и того же существительного, которого нет в третьем (белорусском): русск. *игрáть в крéстики* — укр. *грáти в хрéщика*.

Значительно расширяется круг имен существительных, которые обозначают виды игр, характерные для каждого языка и особенно для его говоров. Так, только в русском языке встречаются наименования *игрá в блóшки, игрá в свой сосéди, в уголкí, в óники*, а в диалектах — *игрá в бéлки, в баи́мáчки (жмúрки), в бойцý (в бáбки)* и др.

Многие из этих названий сегодня преданы забвению. В прошлом широко распространенные, они постепенно переходили из активного запаса в пассивный, на смену им пришли совершенно иные, когда-то неизвестные названия: *игрáть в клáссы, игрáть в папáнинцев, игрáть в чапáевцев, игрáть в космона́втов*.

Рядом с юными и старыми названиями игр бытуют вечно молодые наименования: *жмúрки, прýтки, городкí*. И можно сказать, что группа существительных, обозначающих различные виды игр в современном русском, украинском и белорусском языках, и молодая, и старая. В ней и дыхание древности, и свежесть современности.

И. Ж. Якубов

Слово «ТИШИНА» у В. Г. Короленко

В. Г. Короленко скромно назвал свое произведение «Слепой музыкант» этюдом. По существу это повесть, одна из крупных, написанная им после возвращения из ссылки. Печатался этюд в 1886 году в «Русских ведомостях». Произведение, проникнутое чувством гуманизма и оптимизма, настолько привлекло внимание читателей, что при жизни Короленко оно имело более 15 изданий.

В «Слепому музыканте» автор ставит вопрос: может ли человек страдать по «неизведанному и непостижимому»? Петр Попельский стремится к свету в широком понимании этого слова, борется за свое право на «свет», за полноценное место в жизни.

«Ребенок родился в богатой семье Юго-западного края, в глухую полночь» — так начинается Короленко свое произведение. У читателя постепенно создается тревожное настроение. Художник вводит его в область психологических переживаний.

«...Раздался первый крик новорожденного, тихий и жалобный...». Здесь дважды сказано, что губы матери «тихо шептали». Слово *тишина* и производные от него у Короленко нагнетают соответствующие настроения и производят большое впечатление. Мальчик «тихо заплакал», мать «тихо спросила», «в усадьбе все стихло», слышен «тихий плеск реки», и вновь все «спокойно, тихо, невозмутимо», «тихая жизнь», «тихое настроение». Иногда слово *тишина* употребляется по три-четыре раза на странице. Создают лирическое настроение и близкие к понятию «тишина» слова: затишье, молчаливый, смолк, молча, замирая, журчание, тайна, шелест, шепот, вздохи, шурша.

Слово *тихо* в «Слепому музыканте» несет с собой множественность лингвостилистических оттенков. *Тихо* — это украдкой, без суеты, движения, *тихо* — это безмятежно, уединенно, без тревог и

потрясений. *Тихо* и близкие к этому понятию слова взаимно связаны с многочисленными звукообразами: переливами мелодии свирели, шорохами старого сада, шелестом листьев. Слово *тихо* органически сплетается с душевным состоянием Петра. Все его переживания, раздумья о том, что он лишний, тоже даны среди тишины, на фоне песни, «в тишине ночи»; «он слушал лишь шелест листьев да шепот травы или неопределенные вздохи степного ветра».

Большое благотворное влияние на Петра имел его дядя Максим, умный гарибальдиец, ветеран революционной борьбы. Он помогает Петру преодолевать тяжелые переживания. Этому способствует и судьба легендарного героя, слепого бандуриста Юрка, участника военных походов с казачьим атаманом. Юрко с честью был погребен вместе с ним. Их имена хранили народные легенды.

Тишиной овеяна и поездка Попельских на могилу этих героев: «...широкий лопух, высокий куколь на тонких стеблях выделялись из травы и тихо качались от ветра, и Петру был слышен их смутный шепот над заросшею могилкой». Петр читал на плите кончиками пальцев: «...Игнатий прозванием Карий... року божого... пострелен из сайдака стрелю татарскою...».

Старый гарибальдиец, разрушая усадебную ограниченность жизни Петра, сыграл решающую роль в формировании стремлений юноши. Максим делает его участником споров «отцов и детей», споров о романтических настроениях народников, вводит юношу в круг тревожных вопросов времени. «О далеком мире слепой знал только из песен, из истории, из книг. Под задумчивый шепот сада, среди тихих будней усадьбы, он узнавал лишь по рассказам о бурях и волнениях далекой жизни».

Дядя Максим советует Петру, избалованному и недовольному, изведать жизнь слепых нищих. Под влиянием слепого Капдыбы, который «понес свою голоду в огонь и сечу» и потерял зрение, уходит Петр делить с нищими тяжкую участь. Для Петра это был подвиг, своеобразное хождение в народ. «К жужжанию колеса присоединился тихий перебор струн под пальцами юноши». Но в этой части повести невольно соглашаешься с Иохимом (в первой редакции этюда): «Буде Вам, пане, мудрить над ребенком...».

Возможно, что Короленко несознательно так щедро использовал слова *тишина*, *тихо* в своем этюде, интуиция художника подсказала ему окутать этим понятием весь сюжет, все человеческие взаимоотношения и придать произведению глубинное значение, своеобразную тональность.

В «Слепом музыканте» затрагивается и тема народности искусства, его общественной роли.

Петр от природы музыкален. Его привлекает задушевная простота, искренность игры дударя Иохима больше, чем игра матери на фортепьяно. Незатейливая игра Иохима пленила Петра своей простотой и мелодичностью, вошла в его душу: «...Грубый мужик в смазанных сапогах и с мозолистыми руками, носил в себе эту гармонию, это живое чувство природы».

Народная старина, воскрешенная думами, героическое прошлое чаровали музыкальную душу Петра, романтически поднимали, способствовали борьбе с тяжелыми настроениями. Короленко умело показывает, как народная музыка сыграла большую роль в совершенствовании Петра-музыканта.

Мать искала причины задумчивости ребенка, его тяги к народным напевам: «Она услышала вдруг тихие, переливчатые тоны свирели, которые неслись из конюшни, смешиваясь с шорохом южного вечера. Она сразу поняла, что именно эти нехитрые переливы простой мелодии, совпадавшие с фантастическим часом дремоты, так приятно настраивали воспоминания мальчика».

Она сама остановилась, постояла с минуту, прислушиваясь к задушевному напевам малорусской песни, и, совершенно успокоенная, ушла в темную аллею сада к дяде Максиму».

«Хорошо играет Иохим,— подумала она.— Странно, сколько тонкого чувства в этом грубоватом на вид „хлопе“».

И здесь с особенной силой вступает в свои права слово *тихо*: «Был тихий летний вечер»; «На дворе и кругом было тихо»; «...с этим тихим часом стало связываться странное воспоминание»; «Вода чуть-чуть шевелила в этой заводи белые головки кувшинок, ветер не долетал сюда из-за густо разросшихся ив, которые тихо и задумчиво склонялись к темной, спокойной глубине»; «...Каждый оттенок его скорби тотчас же дрожал в чудесной дуд-

ке, тихо срывался с нее и звучно несся вслед за другими, среди чутко слушающего вечера».

Тишина у Короленко превращается в звучащую тишину. В своем «тихом» глубоком лирико-эпическом этюде Короленко говорит, что слепой Петр, обладая тонкостью слуха, чувствует то, чего не видит часто зрячий — чистоту человеческой души. На судьбе своего героя Короленко показал, как труден и сложен путь борьбы человека в стремлении к полноценности существования, как даже пораженный слепотой человек перерождается и может найти полезное место в общественной жизни, активно участвовать в ней.

С такой же художественной силой тишина вступает в свои права при описании встреч Петра с Эвелиной: «Солнце садилось, в воздухе стояла тишина, только мычание возвращавшегося из деревни стада долетало сюда, смягченное расстоянием»; «Она шла тихо», «две-три секунды прошли в молчании», «сказал мальчик тихо», «тихо взошла на холмик», «заговорила она тихо», «Я не странный... Я... слепой», «...как будто это грустное слово, тихо произнесенное мальчиком, нанесло неизгладимый удар в ее маленькое женское сердце».

А вот объяснение взрослых Петра и Эвелины. Та же музыка, та же тишина: «...Тихая мелодия опять пробивалась сквозь шорохи листьев...»; «Было тихо: только вода все говорила о чем-то, журча и звеня»; «...Ее тихое ответное пожатие, «его молчание», «его походка стала тише», «боль стихла», «голос смолк», «они шли тихо», «в воздухе стояла тишина», «тихий плеск реки».

В. Г. Короленко углубляет тишину и такими фразами: «И среди этого молчания слышался только шорох темнеющего и будто чем-то недовольного старого сада»; «Густая черемуха шептала темной листвою; песня около дома смолкла, но зато над прудом соловей заводил свою...».

Талантливость автора помогла ему так удачно и всесторонне использовать слово *тишина* во всех его значениях: в фонетическом, лексическом, фразеологическом и синтаксическом. Здесь и производные слова от основного корня, устойчивые обороты, связанные с понятием «тихо», удачное сочетание слова с другими словами. Оно встречается даже в речи героев: «...Заговорил он тихо... — Тише, тише! Не говори; тебе вредно». Здесь в слово *тише* вкладывается смысл «молчи», но Короленко остается верен найденному им слову.

Велико в повести значение понятия «тихо» с его богатыми интонациями. Кажется, что без удачно найденного слова не создал бы автор такого слитного по форме и содержанию произведения, не достиг бы такой конструктивности. С этим словом связано

все содержание, основные мысли (полезность существования, народность искусства), психология, характеры героев, простых и ясных при всей их глубине и сложности, и вся художественная ткань повести.

Многие русские писатели (Ф. М. Достоевский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, П. И. Мельников-Печерский и др.) пишут о тишине, и каждый по-своему. Печерского тоже чарует тишина, он умело подслушивает ее и по-разному передает. Иногда Печерский не говорит, что было тихо. Так передается им жуткая тишина, когда все безмолвно, все оцепенело от непоправимого горя, и тишина, как музыка, помогает желанию человека помолчать: «Широкими шагами ходит Патап Максимыч взад и вперед по горнице. Громко стучат каблуки по крашеному полу, дрожит и звенит в шкапах серебряная и фарфоровая посуда... Тяжкие думы объяли Чанурина... Не выходит из мыслей дочь-покойница, не сходит и обидчик с ума...» (В лесах).

Описание идет неторопливо, плавно и напряженно. Ясно, что дом притих и опустел, молчит от тяжкого горя, и надолго улеглась в нем тишина.

У Короленко совсем другие краски, нежные, акварельные. Не только в его эпитеты, но и в метафоры проникает тишина: «А деревья в саду шептались у нее над головой, ночь разгоралась огнями в синем небе и разливалась по земле синевой тьмой, и, вместе с тем, в душу молодой женщины лилась горячая грусть от Иохимовых песен»; «...Он слушал лишь шелест листьев да шепот травы или неопределенные вздохи степного ветра»; «Соловей, некоторое время пробовавший свой голос, зацелкал и рассыпался по молчаливому саду неистойвой трелью».

Какие бы тревоги ни обуревали Петра, его мать, Эвелину — Короленко все дает на фоне тишины. Весеннюю, полную звуковых впечатлений прогулку в поле трехлетнего Петрика тоже сопровождает тишина: «Солнце тихо катилось по синему небу... На поемных лугах стояла вода широкими лиманами; белые облачка, отражаясь в них вместе с опрокинутым лазурным сводом, тихо плыли в глубине и исчезали, как будто и они таяли, подобно льдинам»; «Тихий шелест распутившейся березки»; звуки «тихие, неясные»; «мальчик тихо застонал и откинулся назад на траву».

Зачем автору понадобилось такое обилие и разнообразие тишины?

Тишина создает лирическое настроение, говорит о прекрасном, о людях, о любви Короленко не только к своим героям, но и к человеку вообще. Выразительными словами повествует художник о жгучих страданиях своего героя и под звездным небом, и среди яркого сверкающего дня.

Страданиям слепого, его постоянным душевным бурям, автор противопоставляет тишину, красивую, успокаивающую. На фоне этой тишины проходят внутренние и внешние события. На протяжении всей повести идет борьба Петра за полноценность существования, трудная, напряженная, и Короленко обволакивает для контраста эту борьбу тишиной.

Петр Попельский посвятил себя музыке и стал хорошим музыкантом. В этом служении народу нашел он счастье и своеобразное прозрение. Полная радость приходит в его семью после рождения зрячего сына. Петру на мгновение показалось, что он действительно прозрел и увидел все окружающее его: «Да, он прозрел... На место слепого и неутолимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость, он прозрел и сумеет напомнить счастливым о несчастных...».

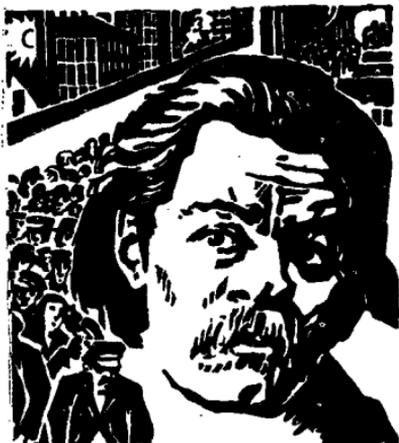
Тишиной начал свой замечательный этюд Короленко, тишиной и закончил: «В зале настала глубокая тишина, когда на эстраде появился молодой человек с красивыми большими глазами и бледным лицом»; «Он давно уже *смок*, но толпа хранила глубокое *молчание*».

В этом слове и близких к нему, даже не одного и того же корня, несущих с собой понятия «слабо звучащий, негромкий, бесшумный», в словах, наполненных спокойствием, чувствуешь, как много в них переливов, разнообразия, и как удачно пользуются ими большие художники. Здесь и неторопливость и умиротворение. У А. К. Толстого: «И чист, и тих, и асен свод небес» («Ты знаешь край, где все обильем дышит»); у Пушкина: «Под конец их тихой жизни бог отраду им послал — сына им он даровал» («В славной, в Муромской земле»); у Короленко: «Несколько секунд стояла тишина, только вода тихо и ласково звенела в шляхах». Слово *тихо* выполняет роль действующего лица. Оно разрастается в образ, активный, самостоятельный, действующий.

Язык, художественная речь Короленко, каждое его слово продуманы, обусловлены содержанием, идеей его произведения, эстетическими взглядами. Искусство Короленко, вся образная система «Слепого музыканта», выражающего строй мыслей и чувств автора, отмечены лирической проникновенностью, эмоциональной насыщенностью, глубоким психологизмом. Этому способствуют и удачно использованные им в повести слова *тихо*, *тишина*.

Е. ГИБЕТ

Рисунок В. Комарова

...М. Горький — художник, революционер, мыслитель, человек — будет цениться до тех пор, пока жив русский народ и язык его, то есть вечно.

Вс. Иванов

Большой писатель невозможен без того, чтобы он не охватывал всю историю своего искусства. Горький не только гениальный писатель. Он гениальная натура. Он ломоносовской породы.

П. А. Павленко

Своим великим искусством он (А. М. Горький) связывал лучшие традиции дореволюционной русской литературы с ее высоким гуманизмом, умением любить, чувствовать и понимать человеческие души и молодую советскую литературу.

А. Н. Толстой

В повестях М. Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты» среди многообразия языковых средств, выражающих идейный и эстетический замысел автора, заметное место отведено звучанию речи персонажей. Особенности звучания речи героев трилогии писатель передает описательным путем или непосредственным ее воспроизведением средствами графики.

Так, особенности устной речи Горький дает в обычном повествовании: «Говорила она, как-то особенно выпевая слова»; «Он начал говорить с гневом, изумляя меня неестественными — до визга — повышениями сиповатого голоса» (цитаты даны по изданию: М. Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1949—1956). Или в авторских словах, вводящих прямую речь персонажей. При этом, конечно, употребляются глаголы, обо-

РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ А. М. ГОРЬКОГО

начающие самый факт протекания речи: говорить, сказать, спросить, продолжить и т. п. Обычно они сопровождаются обстоятельными словами.

В повести «В людях»: [кухарка] просила хрипло; сказал солдат тонко и высоко; [брат Саша] спросил ломаным дискантом; [художник Жихарев] стал говорить обиженно, вадрэгивающим голосом. Более выразительными в таком употреблении оказываются глаголы, сами по себе обозначающие и речь, и манеру ее произнесения: [дядя Михайло] взревел; [извозчик Петр] зашипел; [чертежник] пищал; [артельный староста] завизжал; [сестра бабушки] жужжала и шинела.

Довольно часто особенности речи персонажей передаются словами, употребленными переносно, метафорой. «— Споткнулся он, — каким-то совсем *серым* голосом рассказывал дядя Яков»; «Где-то тихо *вспыхнет* человеческий голос»; «Никифорыч говорит очень плавно, *вкусными* словами»; «Дядя ломал дверь усердно и успешно, она ходуном ходила, готовая соскочить с верхней петли, — нижняя была уже отбита и противно звякала. Дед говорил соратникам своим тоже каким-то *звякающим* голосом» — в последнем случае метафоричность причастия подчеркнута параллельным употреблением слова *звякать* в прямом его значении.

Можно отметить у Горького несколько излюбленных метафор, связанных с характеристикой устной речи. Так, в повести «В людях» последовательно встречаем образ «сухих» слов: «Он продолжал подкладывать в мой костер сухие словечки»; «Он, спотыкаясь о кочки, дробно сыплет сухонькие слова». В «Детстве» и «В людях» — образ «сеющихся» звуков и слов: «Дядя смотрел на бабушку прищурясь, как будто она сидела очень далеко, и продолжал на-

стойчиво сеять невеселые звуки, навязчивые слова»; «[Кочегар] свет свои кругленькие слова». Там же и образ «текущей» речи: «Долго текла ручьем ее складная речь»; «Из его мохнатого рта всегда и даже как будто помимо его желания непрерывным ручьем текли слова»; «Сладкие слова текли пьяным потоком».

Несколько реже характеристика устной речи сопровождается образным сравнением: «Он побагровел, затрясся и, подпрыгнув на стуле, бросил блюдечко в голову ей, бросил и завизжал, как пила на сучке»; «Со всеми на пароходе, не исключая и молчаливого буфетчика, Смурый говорил отрывисто, брезгливо распуская нижнюю губу, оцетинив усы,— точно камнями швырял в людей».

Нередки случаи, когда к метафоре присоединяется сравнение, углубляющее и развивающее ее, и тогда возникают сложные и емкие по содержанию образы: «Широкий, крепкий, он жерновом стоял перед купцом и сыпал на него слова, как отруби»; «Он вдруг беспокойно заиграл, разбрасывая, словно кремь искры, острые словечки, состригая ими, как ножницами, все, что противоречило ему».

В творчестве М. Горького наблюдается, хотя и реже, передача звучащей речи персонажей непосредственным воспроизведением ее средствами графики. Чаще всего это графическое отражение разных отклонений от литературного произношения. Например отражается диалектное звучание слов, служащее средством характеристики персонажей из народа. Очень последовательно передано оканье в речи бабушки, называющей своего внука не Алешей, а только Олешей или Олешкой и произносящей -ко вместо безударной постпозитивной частицы -ка: «Ну-ко, давай оделяло!»; «Наведико, господи, добрый сон на него» (ср. в речи отца Язя: «Слушайте-ка, ребятишки, погодите!»). Так же передано оканье и в речи

Редакторы журналов возвращают им [начинающим писателям.— *Ред.*] рукописи с такими отметками: «Слабо, не пойдет», «Слабовато, но есть хорошие места», «Учитесь, работайте над собой», «Неоригинально, много шаблона», «Учитесь технике». Все эти слова ничего не говорят начинающим авторам, это не учеба, а фабрикация обиженных и недовольных.

М. Горький. Рабочий класс
должен воспитывать
своих мастеров культуры

Мало сказать: не делай так. Надо еще прибавить: вот так делай.

М. Горький. Ещё рабселькорам

Для того, чтоб литературное произведение заслужило титул художественного — необходимо придать ему совершенную словесную форму, эту форму придает рассказу и роману простой, точный, экономный язык.

М. Горький. О литературной технике

извозчика Петра: *дедушко*, хотя в произношении самого деда встречаем литературное *дедушка*. См. также диалектное произношение приставочного согласного в устах церковного старосты и в речи плотника Осипа: *Не омманешь?*; Мужик на много не *омманет*; невзрывное *г* в речи кочегара Якова Шумова (Хенрик вместо Генрих): «Хороший человек был Хенрик-король».

Подчеркивание «простонародности» речи персонажей осуществляется и выделением, знаком акцента, словесного ударения. Например перенесение ударения на служебные слова и необычные для литературного языка ударения отдельных слов в речи людей из народа. В речи бабушки: «Бог вам *на* помочь»; «Ходим, бывало, мы с ней, с матушкой, зимой-осенью *по* городу»; «Я *о* ту пору мал ребенок был»; «Окаянные, дикое племя, опомнитесь!».

Просторечное произношение отдельных слов подчеркивает недостаточную образованность персонажей: *едиот* — в устах повара Ивана Ивановича; *за артереем* — в речи Цыганка. Любопытен случай намеренно ошибочного, пренебрежительного произношения *идиот* вором Башкиным, бывшим учеником учительского института, а следовательно, достаточно грамотным человеком: «Я с восторгом рассказал ему о работе, он выслушал меня и, вздохнув, сказал презрительно: „Дурак. И — хуже того — идиёт!“».

Нередки в трилогии и примеры воспроизведения акцента нерусских по национальности персонажей: «Мордвин-барабанщик учил меня колотить палками по коже барабана; сначала он брал кисти моих рук и, вымотав их до боли, совал мне палки в память пальцы. „Стучи — рас — дува, рас — дува! Трам-та-там! Стучи ему — левы — тиха, правы — шибка, трам-та-та-там!“ — грозно кричал он».

Люблю человека, «Люблю» — это у меня не слово, а, так сказать, излюбленное мое ремесло и даже, может быть, искусство. Думаю иногда, что себя самого, — а особенно — Горького, — я люблю меньше и не так хорошо, как человека, который для меня издревле — Чудо и Творец всех чудес... Я никогда не забываю о себе — малограмотном парнишке 12—16 лет и неуклюжем парне 17-я — 22-х. Сейчас мне — 60, и в нашем мире я что-то значу, чем-то ценен, кому-то нужен... Я не хочу рассматривать мой случай, как случай частный, а рассматриваю как одно из многих выявлений воли человека... Сколько на путях моих я встретил замечательно талантливых людей, которые погибли лишь потому, что в момент наивысшего напряжения их стремлений — они не встретили опоры, поддержки.

М. Горький. Обращение к редакции журнала
«Сибирские огни»

Литературу люблю до самозабвения...

М. Горький

Иногда наблюдается воспроизведение возрастных недочетов речей детей: «Вот *ус неуклюжий...*»; оговорок мальчика, только что научившегося читать: «Вяхирь, высоко задирая голову, читал вывески: „*Балакейная лавка...*“ Чурка поправлял его: „Бакалейная, кикшморал!“— „Я вижу, да перескакивают *буквоки*“»; косноязычия учителя, затыкавшего из-за кровотечения ноздри ватой: «Он гнул все время: „*Песко-ов, перемены рубаху-у! Песко-ов, не вози погами! Песков, опять у тебя с обуви луза натекла-а!*“».

Единичный, но достаточно интересный пример письменного отражения интонационной особенности речи встречаем в следующем восклицании рулевого баржи в «Моиx университетах»: «Благослови осподь!». Отсутствие запятой и начального согласного второго слова показывает характерное для устной речи беспрепятственное звучание словосочетания, приближающегося по употреблению в речи к выражениям междометного характера.

Средствами графики в трилогии передаются и некоторые особенности устной речи, находящиеся в пределах орфоэпических норм. Так, по орфографической, а соответствующая реальному звучанию фиксации отдельных слов или их форм может подчеркивать обычное, наиболее распространенное произношение. См., например, сочетание *шн* в слове *конешно* в речи Цыганка, прачки, кочегара Якова, трактирщика; в словах *скушно*, *скушнее*, *скушный* в речи чертежника, штукатурка Шилина, плотника Осипа, рыбака Изота, а также характерное для описываемого времени звучание глагольной формы *сердются* в речи Вяхиря, кровельщика Ефимушки.

Наблюдающаяся в речи многих персонажей трилогии эффатическая долгота (или эффатическое ударение — длительное звучание гласных, а иногда и согласных) служит для выражения сильного чувства или даже аффеffтивного состояния говорящего: «Евгений, я тебя прошу, прошу...» — «Глу-по-сти!» — сказал вотчим. — «Но ведь я знаю — ты к ней идешь!» — «Н-ну!»; «Саша визжал страшно тонко, противно: „Не буду-у...“».

Особо стоит последовательно выдерживаемое в речи всех персонажей повестей «Детство» и «В людях» выделение ударением последнего слога фамилии автора — «Пешкóв». В речи Цыганка: «Ты не Каширин, ты Пешкóв, другая кровь»; чертежника: «И меня, Пешкóв, тоже били»; повара Ивана Ивановича: «Гляди, Пешкóв, в оба». Возможно, это сделано автором для того, чтобы исключить возникновение в сознании читателя нежелательной этимологии фамилии (от слова *пéшка*). М. Горький подчеркивает ошибочность произношения своей фамилии с ударением на первом слоге: «Тогда я счел нужным пояснить ему: „Я не Каширин, а Пешкóв...“ — „Пéшков?“ — неверно повторил он».

Рассмотренные особенности устной речи, передаваемые описательно или воспроизводимые графически, в повестях М. Горького обычно связаны с определенными персонажами, помогают раскрытию их характеров. Наиболее последовательно выдерживается звуковая характеристика основных персонажей повести «Детство» — бабушки и деда.

Безграничная доброта, сердечная отзывчивость Акулины Ивановны проявляется не только во внешнем облике и поведении, но и в звучании ее речи. Бабушка говорит «певуче», «точно поет», «теплым и мягким голосом», ее «сочные» слова «мерно льются»: «Обмахивая платком разгоревшееся лицо, она певуче говорила»; «Говорит, точно поет, и чем дальше, тем складней звучат слова»; «Вдруг спрашивала мягко обнимающим голосом»; мерно лились сочные, веские слова».

Совершенно иначе дана речь деда Каширина, человека грубого, нередко злого и жестокого. Он обычно «кричит», «взвизгивает», «вост», «шипит», «скрипит», «крикливо жалуется», «рыдает сухо и скрипуче»: «Но твоё дело!» — крикнул дед. — «Все чужим людям раздаю!» — «Раздать-то нечего, а когда было — не раздавал», — спокойно сказала бабушка. — «Молчать!» — взвизгнул дед; «Григорий, держи се!» — выл дедушка; «Старая шкура», — шипел дед; «Дармоеды!» — скрипел дед; «Дед был нездоров, лежал в постели и, перекатывая по подушке обвязанную полотенцем голову, крикливо жаловался». Своеобразным звуковым лейтмотивом образа деда в повести «Детство» является настойчиво повторяемый им выкрик «Эх вы-и...»: «„Эх вы-и!“ — часто восклицал он; долгий звук „и-и“ всегда вызывал у меня скучное, зыбкое чувство»; «Лет через десять, когда бабушка уже успокоилась навсегда, дед ходил по улицам города нищий и безумный, жалостно выпрашивая под окнами: „Повара мои добрые, подайте пирожка кусок, пирожка-то мне бы! Эх вы-и...“ Прежнего от него только и осталось, что это горькое, тягучее, волнующее душу: „Эх вы-и...“».

Итак, звуковая организация речи персонажей занимает заметное место во всей образной системе трилогии. Автор и ее использует для того, чтобы утвердить любовь к положительным началам жизни и вызвать отвращение к ее «свинцовым мерзостям».

В. П. КОВАЛЕВ

Херсон

Рисунок Ю. Космынина

БОРЬБА А. М. ГОРЬКОГО С ДЕКАДЕНТСКОЙ ПОЭЗИЕЙ

Максим Горький всегда находился в центре идеологической борьбы своего времени. Острой была борьба против декадентства, пессимизма и упадочничества в русской литературе конца XIX — начала XX века. Писатель-гуманист боролся против тьмы и неверия, за Человека с большой буквы, за утверждение веры в силу его мысли, разума и воли.

Множество статей и заметок Горького направлено против декадентской поэзии: «Поль Верлен и декаденты», «Разрушение личности», «Издаലെка», «Еще поэт» и т. д. В статье «Поль Верлен и декаденты» (1896) Горький отметил, что «декаденты и декадентство — явление вредное, антиобщественное, — явление, с которым необходимо бороться». В борьбе против упадочничества горячо поддерживал Горького В. И. Ленин. В феврале 1908 года он писал Горькому: «Я тысячу раз согласен с Вами насчет необходимости *систематической* борьбы с политическим упадочничеством, ренегатством, пытьем и проч.» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 47, стр. 133).

С «гимнами смерти», наводившими литературу тех лет, Горький боролся и пером публициста, и в ряде художественных произведений. В противовес «гимнам смерти» Горький слагал свои гимны — любви («Девушка и смерть»), человеку и человеческой мысли («Человек»), свободе, смелости, революционной борьбе («Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике»).

Горький писал также произведения, специально направленные против упадочнической литературы, разоблачающие ее, включая в них стихи, пародирующие декадентскую и эстетскую поэзию. В рассказе «Неприятность» изображен декадентский поэт Мшляев и приведен образец его стихов. Они выражают печаль, разочарова-

ние в жизни. В них находим фразеологию, установившуюся в поэзии тех лет: большое сердце, тихая ласка, сладкий сон. Поэт охарактеризован в рассказе как человек неискренний. Все его грустные размышления в стихах только фразы, за которыми нет серьезного содержания. Второй декадентский поэт (в рассказе «Грустная история») пишет стихи, напоминающие поэзию Мережковского, Гиппиус и других авторов этого направления. Сравним:

Кто был счастлив, кто был молод?
Где веселье? Где любовь?
Вечный мрак и вечный холод...
Влага Леты — наша кровь.

Мережковский

Ни капли я счастья не пил,
И ждать я его не могу!
Я встречи со смертью не трушу,
Пусть смерть холодна и темна.
Господь! Упокой мою душу!
Она безнадежно больна!

Горький. Грустная история

Стихи этого поэта могут быть без колебаний причислены по своей фразеологии к очень распространенной тогда «кладбищенской» поэзии: погребенные грезы, склеп, саваны рифм, стоны, мертвый сон, пепел, бокал яда, смерть, упокой мою душу. Ничтожество своего героя Горький раскрывает с большой сатирической силой, объясняя, что поводом к написанию этих мрачных стихов послужило то, что поэта искусила блоха.

В пьесе «Дачники», используя прием стихотворной полемики, писатель раскрывает пустоту и бессодержательность эстетских стихов Калерии. Ее стихотворение «Снежинки» — образец наиболее талантливых декадентских стихов того времени. Это не пародия (какие мы встретим в «Русских сказках»), а искусная, тонкая стилизация, которая своей мелодичностью привлекла внимание нескольких композиторов и была не один раз положена на музыку (Глиэром, Бобровым, Волковым).

Рассмотрим синтаксические особенности стихотворения, характерные для поэзии начала XX века (особенно символистов). Синтаксис отличается книжностью, часты причастные и деепричастные обороты (курсив в стихах мой.— Н. Г.):

Кружатся снежинки над землю,
Грязной, утомленной и больной,
Нежно покрывая грязь земную
Ласковой и чистой пеленой...

Особенно книжный характер несет оборот со страдательным причастием настоящего времени и зависящими от него словами:

*Осели дышанием зонимы,
Медленно с холодной высоты
Падают красивые снежинки...*

Встречаются предложения типа номинативных, но пронаводящие впечатление незаконченных, что усиливается постановкой многоточия:

*Черные, задумчивые птицы...
Мертвые деревья и кусты...*

В данном случае употребление таких предложений оправдано тем, что читает стихи Калерия, девушка крайне инертная, бездеятельная, тоскующая, читает словно в полусне. Да и настроение всего стихотворения соответствует этому. В стихах Калерии все пассивно, природа находится в состоянии усталости, сна, мертвенного оцепенения. Это настроение отражено и в семантике эпитетов: мертвые (цветы, деревья, кусты), утомленная, больная (земля), задумчивые (птицы), безмолвные (снежинки). В соответствии с этим и глаголы не передают активного, динамического действия. Лексика и фразеология стихотворения типичны для декадентских стихов, с их помощью создается грустное, мрачное настроение: дыхание осени; холодная высота; черные птицы; земля больная.

Ответное стихотворение Власа является пародией на стихотворение Калерии. С предельной точностью в нем воспроизведена форма пародируемого стихотворения: количество строф, ритмика, система рифм, построение предложений.

Калерия:

*Черные, задумчивые птицы...
Мертвые деревья и кусты...
Белые, безмолвные снежинки
Падают с холодной высоты...*

Влас:

*Маленькие, краденые мысли...
Модные, красивые словечки...
Ползают тихонько с краю жизни
Тусклые, как тени, человечки.*

Особенно близки заключительные строфы. Все разоблачение пошлости, ничтожества, бессилия интеллигенции, стремящейся «спрятаться от жизни», дано с помощью снижающих образов. Все части речи подчинены задаче обличения бегства от жизни, осмеяния тех, «кто жалуется и стонет», вместо того, чтобы активно бороться за лучшую жизнь.

Имена существительные дают характеристику этих людей, резкую и презрительную: трусы, луны и т. д. Среди них — усиливающие впечатление синонимы с уничижительными суффиксами: людишки-человечки. Почти все прилагательные-определения имеют уменьшительные суффиксы, приобретающие значение уничижительных в сочетании с определяемыми словами: маленькие мысли, маленькие людишки, дешевенькое счастье, серенькие трусы. Многие определения дают предметам отрицательную характеристику в силу своей семантики: жудные, краденые, тусклые. Единственное сравнение «как тени» служит той же цели. Глаголы не выражают активного действия: жалуются, стонут, ползают, ищут места. Повторение трижды глагола *ходят* указывает на бесцельность и однообразие поведения разоблачаемых нытиков.

В пародии сознательно обыграны эпитеты из стихотворения Калерии *маленькие и красивые*, причем взяты они с контрастно-отрицательным значением: у Калерии — «маленькие цветы», у Власа — «маленькие людишки», у Калерии — «красивые снежинки», у Власа — «красивые словечки». Так, точно воспроизводя форму декадентского стихотворения, Горький наполняет ее новым, резко обличительным содержанием. Оригинальным является (помимо содержания, отражающего конкретные настроения эпохи) то, что Горький сам создает стилизацию декадентского стихотворения и сам же пародирует его. В этом сказывается большое и вполне выработанное к тому периоду (1904) мастерство Горького-поэта.

Разоблачению упадочнической поэзии посвящены две «Русские сказки» Горького, написанные в 1912 году. В одной из них выведен поэт Смертяшкин и приведены его «поэзы». Образ Смертяшкина появляется в творчестве Горького не впервые. Он упоминается в статье «Разрушение личности», в которой Горький вскрывает причины литературного упадочничества. На собирательное значение этого образа Горький указал в письме Ф. Сологубу, целиком принявшему сказку о Смертяшкине на свой счет: «Прочитав мой фельетон более спокойно, Вы, вероятно, поняли бы, что Смертяшкин — это тот безымянный, по страшный человек, который все, — в том числе и Ваши идеи, даже Ваши слова, — опрощает, тащит на улицу, пачкает и которому, в сущности, все, кроме сытости, одинаково чуждо».

В стихах Смертяшкина Горький пародировал «кладовищенскую поэзию» вообще, имея в виду не только Сологуба, но также З. Гиппиус, Мережковского, И. Северянина (который кстати и называл свои стихи «поэзами»). Несомненно, многие строки стихов Смертяшкина с большой сатирической остротой пародируют стихи Сологуба. Об этом свидетельствует близость тематики, а также

лексики и фразеологии. Сравним: «Живи и знай, что ты живешь мгновенье» (Сологуб) и «Жизнь — только миг, большой и краткий» (Смертяшкин); «Все дороги на земле. Веют близкой смертью» (Сологуб) и «Нам отовсюду смерть грозит» (Смертяшкин). Очевидно, что в стихах Смертяшкина нашло пародийное отражение также известное стихотворение Мережковского «Парки»:

Будь что будет — все равно!

...Все наскучило давно...

Мережковский

Что такое наше «я»,

Смертная моя?

Нет его или есть оно,—

Это все равно!

(Смертяшкин)

Есть упоминание и о самой Парке:

Но придет однажды Парка

И обрежет жизни нить!

Из приведенных примеров видно, что стихи Смертяшкина имели обобщающе-сатирическое значение и являлись действенным оружием против вредной и тлетворной проповеди уныния и воспевания смерти. Тесно связанные со всем текстом сказки, стихи эти помогают Горькому глубоко вскрыть цинизм упадочнической философии декадентства. В этом отношении особенно интересны замечания философского характера, которые изрекает Смертяш-

Я указываю на необходимость делать книги, орудия культурного воспитания, простым и точным языком, вполне доступным пониманию наших читателей. Я возражаю против засорения языка хламом придуманных слов и стою за четкий образ.

М. Горький. О прозе

...Признаю, что народный русский язык, особенно в его конкретных глагольных формах, обладает отличной образностью. Когда говорится: с-ежился, с-морщился, с-корчился и т. д., мы видим лица и позы. Но я не вижу, как изменяется тело и лицо человека, который «скукожился». Глагол «скукожился» сделан явно искусственно и нелепо...

М. Горький. По поводу одной дискуссии

Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры, чем острее это орудие, чем более точно направлено — тем оно победоносней...

М. Горький. О языке

кин. Это своеобразные афоризмы: «Бьют тебя по шее или в лоб,— Все равно ты ляжешь в темный гроб...»; «Честный человек ты или прохвост,— Все-таки оттащат на погост!..»; «Правду ли ты скажешь или соврешь,— Это все едино: ты умрешь!..».

Обобщенный характер этих стихов, написанных с претензией на философские поучения, отразился также в обилии местоимений и местоименных наречий с обобщающим значением: все, всё, всюду, отовсюду, всякие, всё равно.

Особенно интересен один «афоризм», с большой обличительной силой раскрывающий сущность упадочнической философии, отрицавшей в искусстве всякую идейную направленность и глубину: «Будь пустым, тогда и будешь чистым».

Очень оригинально обращение «смертная моя», употребленное вместо обычного «милая моя, дорогая моя» и т. п.:

Что такое наше «я»,
Смертная моя?

Большинство эпитетов характеризуется типичным для поэзии декадентов сочетанием резко разнородных понятий: пошлый хаос; сладкая ложь; миг больной. Грубая лексика и фразеология в словаре стихов снижают поэзию Смертяшкина, подчеркивая ее циничный характер: бьют тебя по шее или в лоб; прохвост; вздор; тряпки; оскалит зубы. Пародийному содержанию стихов соответствует и их ритмика. Мрачные размышления о смерти и загробном мире в большинстве случаев написаны специально снижающим „плюсовым“ размером:

Со всяких точек зрения,
Мы только жертвы тления.

Я призываю молодых соратников моих учиться, как можно больше учиться, узнавать свою страну, знать хорошо... ее прошлое и настоящее, чтобы иметь представление о том, как и что нужно делать для будущего.

М. Горький. Речь на торжественном заседании
в Большом театре 25 сентября
1932 года

Учить — значит взаимно делиться опытом.

М. Горький

Первоэлементом литературы является язык, основное орудие ее и — вместе с фактами, явлениями жизни — материал литературы. Одна из наиболее мудрых народных загадок определяет значение языка такими словами: «Не мед, а ко всему льнет». Этим утверждается, что в мире нет ничего, что не было бы названо, наименовано. Слово — одежда всех фактов, всех мыслей.

М. Горький. Беседа с молодыми. 1934

В сочетании совсем обличительным содержанием сказки, с беспощадной проней в описании быта и взаимоотношений Евстигнейки и его супруги, урожденной Нимфодоры Завальяшкиной, стихи Смертяшкина блестяще выполняли свою задачу — высмеять декадентскую поэзию и нейтрализовать ее губительное влияние на общество.

Тема «Горький и декаденты» не потеряла актуальности до настоящего времени. Опыт писателя, его творчество до сих пор помогают советским литераторам и литературоведам в не прекращающемся ни на один час поединке с идеологами реакционного зарубежного искусства, с представителями модернистских антигуманистических течений в литературе.

Известен ответ Горького тем, кто упрекал его в оптимистическом отношении к жизни, к человеку: «Самая высокая правда, которую я знаю и люблю, сформулирована словами Гейне: „Каждый человек — целый мир, под каждым гробовым камнем погребена вселенная“. Да, это самое лучшее, что я знаю и во что верю».

Н. М. ГРОМОВА

ИМЯ И ХАРАКТЕР

Характерологические функции собственных имен
в «Жизни Клим Самгина» М. Горького

В повседневной жизни имя не определяет характера человека. В художественной же литературе существует почти двухвековая традиция характеристических имен. Имя для характеристики героев широко используется М. Горьким, который охотно возрождает в собственном имени связь с тем, что обозначено данным словом, при этом значение имени отражает некоторые черты образа. Собственное имя при таком употреблении обладает богатством и разнообразием ассоциативных связей: нередко оказывается, что имени в контексте можно дать несколько «интерпретаций», и различные определения его семантики позволяют с разных сторон представить характер персонажа.

А. В. Луначарский, объясняя имя Клим Самгина, отмечал: «У нашего героя имя вполне индивидуальное. Разве вы встречали где-нибудь другого Клим Самгина? Но оно характеризует его.

В нем есть что-то вычурное — оно вместе с тем эмоционально значительное. Клим — это звучит сухо, узко, напоминая клин. Самгин, вы чувствуете здесь эту самость, эту опору на себя, это желание быть самим собой».

Однако возможно объяснение собственного имени Клина не только на основе ассоциаций с клином: у него есть греческий эквивалент (Клима — «уклончивый, наклонный»).

Что касается фамилии Самгин, то в «Словаре современного русского литературного языка» обнаруживаем, что „сам“ подчеркивает важность, значительность обозначаемых этими словами лиц или предметов, приближается по значению к выражениям „никто иной, как“ „именно он“. Этимологический словарь А. Г. Преображенского дает следующее толкование: «сам, самота — одиночество, одинокий».

Конечно, не имя предопределяет развитие характера: характер формируется определенными социально-психологическими, бытовыми и иными обстоятельствами. В сложнейшем образе Клина Самгина главной чертой характера, прослеживаемой на всем протяжении романа, оказывается „вялое, не утоленное и не утолимое самомнение“. Интересно, что Клим Самгин, вопреки болезненным претензиям на исключительность и неповторимость, живет странной, одинокой, фантастически нелепой жизнью.

Сам Горький учитывал многозначность имени своего героя. Уже в самом начале романа автор в сцене выбора Самгиным имени сыну указывает на самолюбивое стремление отца отличиться от других, хотя бы необычностью имени: «...сидя у постели роженицы, стал убеждать ее: — Знаешь что, Вера, дадим ему какое-нибудь редкое имя? Надоели эти бесчисленные Иваны, Василии... А?.. Христофор? Кирик? Вукол? Никодим? ...Самсон! Самсон Самгин — вот! Это не плохо! Имя библейского героя, а фамилия — фамилия у меня своеобразная... Да, Самсон! Народ нуждается в героях. Но... я еще подумаю. Может быть — Леонид...» Когда же было выбрано — как-то произвольно и не в соответствии с первоначальным замыслом — имя Клим, Самгин не понимает, почему остановился на нем. «Однако не совсем обычное имя ребенка с первых же дней жизни заметно подчеркнуло его» (цитируем по изданию: Горький. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1949—1956).

Видимо, Горькому для раскрытия замысла необходимо было сказать, что в разночинских семьях переходного периода, при свойственной им нравственной и идейной неустойчивости, даже выбор имени мог повлиять на отношение к ребенку, а следовательно, и на формирование его характера. Имя становится одним из главных факторов обособления героя. «Простоватое, по мнению

отца, имя предопределяло склонность ребенка к „простым“ играм и игрушкам; „Да, да, он любит простое“. По мнению же бабушки, «на характер внука нехорошо влияет его смешное, мужицкое имя». Чувствуя особое отношение к себе взрослых, Клим отходит от сверстников и начинает задумываться над тем, что он и в самом деле не такой, как все.

Имя начинает постоянно подчеркивать необычность героя и как бы сеет в нем зерно индивидуализма; посев взойдет впоследствии неискоренимым, всепоглощающим, разъедающим себялюбивым и холодным эгоцентризмом.

Круг любопытных ассоциаций вызывает и фамилия «рыжего философа» — Томила. *Томить* — «физически мучить, изнурять, истощать»; то же — в переносном значении: изнурять в нравственном, психологическом отношении. Эти ассоциации получают предметно-психологическое «подтверждение» в контексте. Это позволяет утверждать, что они несомненно учитывались Горьким и принимались во внимание при работе над образом. «Духовный мучитель» с его антиобщественными идеями, истощающий и изнуряющий общество, получает имя, в семантике которого заключено зерно образа. Варавка назвал его «личностью неизвестного назначения». Макаров дает ему еще более резкую оценку: «Рыжий напоминает мне тарантула». Отношение других персонажей к нему не более приязненное.

В «Жизни Клима Самгина» мы не найдем безразличного отношения автора к собственному имени; и даже тогда, когда невозможно дать однозначное его истолкование, оно не остается эмоционально «нейтральным»: так или иначе устанавливается связь с характером...

С наслаждением читаю «Самгина» и, как всегда, вижу всех и все там, как будто сам жил вот именно с ними. Да и вообще книги твои [Горького. — *Ред.*] лежат как-то близко к моему сердцу.

Ф. Шалапин

Это произведение [«Жизнь Клима Самгина». — *Ред.*] исключительной мощи и темперамента и ума... Это не только об интеллигенции и даже не столько о ней, сколько о жизни страны... за сорок лет... Ясно, что так жить дальше было совершенно невозможно, ясно, почему именно в этой стране первой произошла революция, и хочется успешно двигать ее дальше...

А. Фадеев

Произведение великолепно отделанное и являющееся энциклопедическим по широте охвата и показу всех предреволюционных слов и прослоек царской России.

М. Шолохов

Клим Самгин спрашивает Варавку: «Почему у тебя такая насекомая фамилия?». К этой действительно странной нерусской фамилии тянется параллель из евангельского мифа о Варавве: три евангелиста характеризуют его разбойником, грабителем и убийцей.

В ходе повествования Горький раскрывает стремительное перерождение этого интеллигента-прагматика в хищного капиталистического дельца: он отличается не только выносливостью, цепкостью, предприимчивостью, подвижностью, но и склонностью к денежным аферам, готов при случае отнять, ограбить, пустить по миру — настоящий разбойник в «деловом» мире.

Несколько иного рода ассоциации подсказывает «Этимологический словарь» А. Г. Преображенского: *вар* — «кипящая вода, черная смола, жар». В целом они не противоречат устойчивому представлению о кипучем, темном дельце, охваченном жаром стяжания. Примечательно, что сходный хищный разбойный тип у Сухово-Кобылина получил близкую фамилию — Варравин («Дело»).

Можно установить определенную связь между именем Ивана Дронова и его характером. Он человек несомненно умный, благодаря способностям (и поддержке Самгиных) «выломился» из низов «в люди» и потому отличается странной противоречивостью и шараханьем из крайности в крайность. Ощущая непрочность своего положения, стремясь пробиться вперед, он склонен к цинизму, нравственному нигилизму. Наиболее близкие, казалось бы, к его фамилии — соотнесения с греческим: *андрос* — в переводе «человек». Но ближе, по-видимому, то, что намечается в «Этимологическом словаре» А. Г. Преображенского: иранское *дрох* — «невзрачный, плохой»; литовское *даркус* — «противный». В контексте

Очень рад, что мои книги нравятся вам. Сейчас я пишу еще одну, очень большую; в ней хочется мне показать, как жили, как думали, что делали русские люди с 80-х годов по 1919 и каковы внутри были эти люди.

М. Горький. Письмо литературному кружку
школы Ф. С. У. 4 апреля 1926.
Неаполь

Хочу вчерашний день, очищенный от мелочей, связать с сегодняшним, надеясь, что сегодняшний от этого будет понятнее и оправданней.

М. Горький

У меня явилось желание дать фигуру... типичного интеллигента [Клима Самгина.— *Ред.*]. Я его знал лично в довольно большом количестве... Этот тип индивидуалиста, человека непременно средних интеллектуальных способностей, лишнего каких-либо ярких качеств...

М. Горький

иногда детали, помогающие уточнить впечатление: «...кровоно-
гий, с выпученным животом, с приплюснутым, плоским черепом,
широким лбом и большими ушами, он был как-то подчеркнуте, но
притягательно некрасив... Жадность была самым заметным свой-
ством Дронова... Да, Иван Дронов был неприятный, даже против-
ный мальчик».

Приведем еще один пример, когда собственное имя как бы
вписывается в общие контуры характера.

В создании образа Лютова имя несомненно играет значитель-
ную роль. Жалкий, трагичный образ «белой вороны», блудного
сына своего класса, полного смутения, жадного — до лютовости! —
к жизни с ее утехами и в то же время воспринимающего жизнь
как ад. Образ человека с судорожными порывами, со странными
психическими налетами получает предметную завершенность
в своем имени. *Люг, лютый* — «сердитый, злой, горький, терпкий,
раздраженный»; *славяноско люто* — «сажаление», *люто* — «жаль»;
литовское *лиго* — «страдание». Словарь Уленбека-Бернекера дает
еще одно значение: неистовство, свирепство, бешенство. Разу-
меется, нельзя представить дело так, будто Горький специально
по словарям размышлял имя с крутом ассоциаций соответствующе-
го рода: как гениальный художник, как человек обостренного
языкового чутья, он чувствовал значения и оттенки тех
слов, которые составляют своего рода эмоционально-экспресси-
вную «родню» найденного имени. Имя Лютова как бы «обтыры-
вается» писателем именно с целью более рельефного раскрытия
характера персонажа. «Все они пришли в минуту, когда Клим
Самгин наблюдал картину словесного буйства Варавки и Люто-
ва... Что побуждает вас признать вражду... — Фамилия, — взвизг-
нул Лютов. — Люто ненавижу скуку жизни».

Очень часто у Горького имя опирается на многогранность
характера и подчеркивает одну из его сторон. Красавица Алина
Телепнева — при всей самоуверенности, отличающей ее, — оказы-
вается не очень-то образованной, не слишком целеустремленной,
подчас она ведет себя сумбурно и в конечном счете плывет по
течению, лениясь устроить жизнь по-своему. Фамилия звучит конт-
растно с ее «устрашающей красотой», и этот контраст помогает осо-
знать противоречие между физической красотой и духовной дис-
гармонией и ленью. *Телепень* — «толстый, нерасторопный чело-
век». «Этимологический словарь» А. Г. Преображенского помогает
заглянуть на эту фамилию несколько под иным углом зрения:
тело, идол... Как и в других случаях, ассоциации, связанные с име-
нем Алины Телепневой, реализуются в контексте романа. «Она не
плохо, певуче, но как-то чрезмерно сладостно читала стихи Фета,
Фофанова, мечтательно пела цыганские романсы, но романсы у нее

начали обескуражены, слова стихов безразлично, нечетко, связаны со бархатным гитарным. Клима был уверен, что она не понимает значения слов, медленно вытекающих ему. Кукла, которой жалко вернуть, — сказал о ней Макаром...».

Значение собственного имени может резко противоположаться создаваемому характеру. Этот контраст дает возможность социальных оценок, как это происходит, например, в случае с Радеевым и Правдиным; их фамилии вступают в резкий диссонанс с поступками их носителей.

Павлин Савельевич Радеев — политикан, изыскивающий новые методы для утверждения господства своего класса. Он человек вкрадчивый, владеющий словом, избегающий «шума», старающийся примирить, успокоить; но за этими «тихонькими и умненькими» словами скрывается радетель интересов «хозяев» жизни. *Радееть* — «заботиться о ком-нибудь, о чем-либо, проявлять усердие, старание по отношению к чему-либо».

Правдин — элегантный адвокат, играющий в правду, принципиальность; он готов кричать о противоречиях, сам себя объявляет марксистом; но в действительности он — трусливый обыватель. Вся серия поступков, совершаемых Правдиным, раскрывается на фоне семантики имени.

Имя вступает в противоречие с характером не только в социальном плане; нередко подобные контрасты помогают осознать психологическую сущность персонажа. Так, фамилия героини Фионы Трусовой, казалось бы, может быть расшифрована, исходя из представления о трусости. Но в развернутой авторской характеристике это ожидание опрокидывается: «Это — Фиона Трусова, ростовщица, все в городе считают ее женщиной безжалостной, а она говорит, что ей известен „секрет счастливой жизни“». «Она — дочь кухарки предводителя уездного дворянства, начала счастливую жизнь любовницей его, быстро израсходовала старика, вышла замуж за ювелира, он сошел с ума; потом она жила с вице-губернатором, теперь живет с актерами, каждый сезон с новым; город наполнен анекдотами о ее расчетливом цинизме и удивляется ее щедрости: она выстроила больницу для детей, а в гимназиях, мужской и женской, у нее больше двадцати стипендиатов». Как видно, в действительности ее отличает размах, пренебрежение к сплетням — признания отнюдь не трусливой натуры; и этот контраст помогает осознать ее представление своеобразия, по-видимому, незаурядного характера, неслучайного безразличности существующей системы отношений.

Имена некоторых персонажей в «Жизни Клима Самгина» свидетельствуют о происхождении их: Муромский — из Мурома или из поместья под Муромом; Туробоев — из древнего рода при

княжеском дворе (по должности — бьющий туров?). Взятые сами по себе, имена эти были бы нейтральными в семантическом плане; точнее — они не определяют ни характера, ни отношения к персонажам. Но в контексте, на фоне конкретных сцен, эпизодов, обстоятельств сопровождаемые оценками автора и других персонажей обладатели этих имен нагляднее представляют мысль Горького о стремительном вырождении дворянских родов.

В собственных именах Васильева, Никонова, Митрофанова, Фомина, Ипполитова, Виссаронова нет никаких указаний на многоплановость, нет подчеркивания их семантической значимости. Фамилии свидетельствуют всего лишь о том, что Васильев — сын (или внук) какого-то Василия, Фомин — сын Фомы и т. п. Но именно эти широко распространенные имена у Горького носят сотрудники жандармского корпуса. Физическая безликость, духовная серость, внутренняя незначительность этих «ослов», «болванов», «цыганских морд» (как они характеризуются на протяжении романа) оттеняется незначительностью их имен: они в сущности оказываются безродными — без указания на профессию предков, на географическое расположение мест рождения, без соответствующего «прикрепления» к определенному сословию и даже без отражения в кличках их предков — отношения к ним при выявлении их приметных особенностей (Моргач — Моргачев, Сморок — Смороков и т. п.).

Таким образом, совокупность имен позволяет утверждать, что и в данном случае сохраняется связь с характером, но здесь уже не отдельный характер, а целый социально-политический тип русской жизни.

В заключение следует вновь подчеркнуть, что имена персонажей в «Жизни Клима Самгина» в большинстве случаев значимы. Это становится отчетливым лишь при поддержке ряда других средств (портрет, психологическая характеристика, обстановка, прямая речь или поступки в сюжетном действии и т. д.). Имя в общем ансамбле изобразительно-выразительных средств обычно усиливает и конкретизирует представление о характере. Горьковские имена тесно срастаются с повествованием. Вырванные из контекста, они утрачивают свое характеристическое значение.

Наблюдения над именами персонажей в «Жизни Клима Самгина» позволяют нагляднее представить работу Горького над словом и осознать некоторые существенные особенности воплощения его замысла в словесно-речевую плоть произведения.

В. М. ШАТАЛОВА

Сравнения в поэзии С. Есенина

Поэзией настоящих больших мыслей и чувств явилось творчество Сергея Есенина. «Удивительно русские» стихи поэта полны сердечной теплоты и искренности. Лирика поэта, по его словам, жива одной большой любовью к России, поэтому значительный цикл его лирических произведений связан с темой родного края. О мастерстве поэта хорошо сказал Н. Кутов:

Он, как будто чародей,
Превращал зарю в котенка,
Руки милой — в лебедей,
Светлый месяц — в жеребенка.
Говорить учил леса,
Рожи, травы в брызгах света.
И слились их голоса
С чистым голосом поэта.

«Он, как будто чародей...»

Есенин, используя метафоры, сравнения, эпитеты, создает замечательные словесные образы, передающие тончайшие движения человеческих чувств и малейшие оттенки в состоянии природы. Он писал, что «у каждого поэта есть свой общий тон красок, свой ларец слов и образов». Это нашло отражение в своеобразии есенинских сравнений, которые поражают необычайной выразительностью, свежестью и неожиданностью.

Сравнение — одно из наиболее распространенных изобразительных средств поэтического языка. Индивидуальное, присущее именно данному поэту восприятие действительности проявляется в сравнениях с особой силой. В сравнении обычно выделяют три элемента: предмет сравнения, образ сравнения и признак сходства.

Плачет метель, как цыганская скрипка.
Милая девушка, злая улыбка,—

«Плачет метель, как цыганская скрипка...»

здесь предмет сравнения — метель; образ — цыганская скрипка; признак сходства — плачет. Плач метели напоминает жадобную мелодию цыганской скрипки, передающую тоскливое состояние лирического героя (стихотворения С. А. Есенина цитируются по «Собранию сочинений» в 5-ти томах. М., 1961—1962).

Лексика сравнений, использованных поэтом, обусловлена тематикой его произведений. В изображении русской природы лирический талант Есенина раскрывается особенно глубоко и многосторонне. Не случайно в его поэзии преобладают сравнения, раскрывающие явления окружающей природы. Образы сравнений по своей семантике распадаются на несколько разрядов.

1. Названия живых существ: животных (диких и домашних), птиц, насекомых.

Заря — как волчиха
С ослабленным ртом.

Отчарь

И, как белки, желтые весны
Будут прыгать по сучьям дней.

Июния

Душегубкою змеею развилась ее коса.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»

Большинство таких образов в сравнениях можно отнести к фольклорным. Они рождались на основе народных поговорок, пословиц, загадок. К загадке «Белая кошка лезет в окошко» восходят у поэта такие сравнения:

А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.

Июния

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот...

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»

На основе загадки «Посередь болота лежит кусок золота» Есенин создает новый образ:

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.

«Я покинул родимый дом...»

Находит отражение у поэта и народное сравнение месяца с жеребенком:

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

«Нивы сжаты, рощи голы...»

В отличие от загадки, с присущей ей замысловатостью образа, в сравнении Есенина предмет описания ясен. Так на основе фольклорного материала создаются новые оригинальные образы сравнений.

2. Названия растений: деревьев, цветов, трав, ягод, плодов. Образы цветов помогают полнее выразить сокровенные думы и переживания поэта. Василек — любимый цветок Есенина:

Я только тот люблю цветок,
Который врос корнями в землю,
Его люблю я и приемлю,
Как северный наш василек.

Цветы

Как васильки во ржи, цветут в лице глаза.

Исповедь хулигана

Поэт находит в природе близкие его настроению краски и с их помощью выражает свои интимные чувства. Чувство влюбленного сердца у него ассоциируется с цветением:

Васильками сердце светится,
Горит в нем бирюза.
«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»

Душевное состояние лирического героя передается сравнением:

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен.

Сукин сын

3. Группа слов, обозначающих явления и состояния природы.

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
«Сыплет черемуха снегом...»

У каждого поэта есть свой общий тон красок, свой ларец слов и образов. Пусть во многих местах глаз опытного читателя отмечает промахи и недочеты, пусть некоторые образы сидят на строчках, как тараканы, объедающие корку хлеба, в стихе, — все-таки это свежести и пахучести книги несколько не умалает...

С. Есенин. О «Зареве» Орешкина

Слова — это образы всей предметности и всех явлений вокруг человека; ими он защищается, ими же и наступает. Нет слова беспредметного и бестелесного, и оно так же неотъемлемо от бытия, как и все многорукое и многоглазое хозяйство искусства.

С. Есенин. Быт и искусство

...Когда я читаю Успенского, то вижу перед собой всю горькую правду жизни. Мне кажется, что никто еще так не понял своего народа, как Успенский.

С. Есенин. Когда я читаю Успенского...

С. Есенин, по воспоминаниям его сестры, очень любил рассветы, утро. Образ зари (зореньки) выступает у него во многих сравнениях:

В это утро вместе с солнышком
Уж из тех ли темных зарослей
Выплывала, словно зоренька,
Белоснежная лебедушка.

Лебедушка

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул за косогор.

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»

4. Слова, называющие рельеф земной поверхности. Часто такие сравнения используются для описания внешности человека:

Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.
«Никогда я не был на Босфоре...»

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз златокарий омут.
«Заметался пожар голубой...»

Могутные плечи
Что гранит гора.

Отчарь

Пейзаж у Есенина отражает настроение поэта:

Несказанное, синее, нежное,
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.
«Несказанное, синее, нежное...»

Выражение глубоких человеческих чувств через картины природы — характерная особенность лирики поэта.

5. Названия драгоценных камней и украшений:

О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.
«Я спросил сегодня у менялы...»

И я принес тебе, царевне ясноокой,
Кораллы слез моих печали одинокой
И нежную вуаль из пенности волны.

Совет

Образ «слезы — жемчуг» — один из традиционных образов народной поэзии. «Жемчуг» — символ печали, горя, слез:

Плачет Маша, крепнет стужа.
Злитя дедушка-мороз,
А из глаз ее, как жемчуг,
Вытекают капли слез.

Сиротка

А бледный серп луны холодным поцелуем
С улыбкой застудил мне слезы в жемчуга.

Сонет

Эти примеры убеждают нас в том, что образы сравнений не только выразительны, но и точны.

6. Названия небесных тел. Из этого разряда слов поэт особенно часто использует в качестве образов сравнений падающие звезды и месяц:

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Песнь о собаке

И та кошачьа шапка,
Что в праздник он носил,
Глядит, как месяц, зябко
На снег родных могил.

Октябрь

7. Для описания природы, ее стихийных сил и явлений поэт часто употребляет бытовую лексику. В образных сравнениях встречаются наименования предметов деревенского обихода.

Одно из распространенных поэтических образов народного творчества — сравнение месяца с коромыслом. Есенин оригинально использует это сравнение.

Слово изначально было тем ковшом, которым из ничего черпают живую воду.

С. Есенин. Отчее слово

Каждый вид мастерства в искусстве, будь то слово, живопись, музыка или скульптура, есть лишь единичная часть огромного органического мышления человека, который носит в себе все эти виды искусства только лишь как и необходимое ему оружие.

Искусство — это виды человеческого управления. Словом, звуками и движениями человек передает другому человеку то, что им поймано в явлении внутреннем или явлении внешнем. Все, что выходит из человека, рождает его потребности, из потребностей рождается быт, из быта же рождается его искусство, которое имеет место в нашем представлении.

С. Есенин. Быт и искусство

Корымыслом сери дурогий
Плавяно по небу смольянт.

Королева

Говоря о связи лирики С. Есенина с народной поэзией, необходимо отметить наличие в его творчестве типичных приемов русского фольклора, таких, как параллелизм и отрицательное сравнение. Параллелизм — такая форма сравнения, где внешнее сходство как бы опущено.

У оврага за плетнями ходит Таниа ввечеру.

Месяц в облачном тумаше водит с тучами игру.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»

Для образного восприятия поэт приводит параллельно «вторую мысль»; гулянье девушки сравнивается с игрой месяца с тучами. Но чаще в лирике Есенина встречается отрицательное сравнение. Это тоже параллелизм, но его особенностью является то, что сначала дается описательный образ с отрицанием, а вслед за ним уже утверждается сам предмет сравнения. Давая образ с отрицанием, автор как бы заранее предупреждает читателя, что речь в дальнейшем будет идти о чем-то другом.

Не кукушки загрузили — плачет Танина родня,

На виске у Тани рана от лихого кистеня.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»

Использование таких сравнений Есениным придает народно-поэтический колорит его стихам. Читателя очаровывает простота, ясность и непосредственность языка.

Эмоциональное воздействие с образа сравнения переносится на предмет. Поэт стремится к одухотворению родной природы. Он тонко чувствует ее красоту и раскрывает жизнь ее в естественном многообразии. Природа живет, действует, дышит в стихах Есенина. Достигает этого поэт, используя поэтическое олицетворение:

Месяц, словно желтый ворон,

Кружит, вьется над землей.

«Ну, целуй меня, целуй...»

За темной прядью перелесниц,

В неколебимой синеве,

Ягненок кудрявый — месяц

Гуляет в голубой траве.

«За темной прядью перелесниц...»

Эти сравнения — результат своеобразного восприятия поэтом окружающего мира.

В лирике поэта много сравнений, раскрывающих психологическое состояние лирического героя.

Любимая!

Меня вы не любите,

Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыде,
Приниженная смелым ездоком.

Письмо к женщине

Здесь Есенин показывает душевное состояние человека, ищущего свое место в жизни. Поэт делает сравнение более выразительным, употребляя обособленные определения, относящиеся к образу сравнения. Художественные сравнения в лирике Есенина поражают читателя богатством выраженных в них мыслей, ощущений, чувств. Они предельно ясны и волнующи.

В процессе творчества поэта сравнения претерпевали изменения. В 1919 году Есенин сближается с литературной группой имажинистов, в основе учения которой лежит образ (франц. image 'образ'). Поэта привлекло в имажинизме построение оригинальных образов, поэтому его произведения этих лет изобилуют большим количеством метафор и метафорических сравнений, в которых образ иногда создается ради образа.

Другой в тебе меня заглушит.
Не потому ли — в лад речам —
Можь рыдающие уши,
Как весла, плещут по плечам.

Прощанье с Мариенгофом

Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая лампа, на плечах.

Исповедь хулигана

Эти сравнения создавались, чтобы произвести эффект на читателя. Имажинисты, бурно утверждая значимость образа, нередко приходили к утрате самого главного в искусстве — эмоционально-смысловой выразительности.

«Образотворчество» имажинистов не могло удовлетворить Есенина и надолго привлечь его внимание. «Прежде всего, — писал поэт в одной из автобиографий, — я люблю выявление органического. Искусство для меня не затейливость узоров, а самое необходимое слово того языка, которым я хочу себя выразить».

Истоками образности есенинского языка была народная поэзия, поэтому сравнения его звучат выразительно и убедительно. Лексика, наполняющая образы сравнений, не выходит из круга явлений и понятий, связанных с тем временем и той действительностью, в которой жил поэт.

Сравнения используются Есениным для описания картин природы родного края и одновременно для раскрытия психологического состояния лирического героя, для выражения взглядов и мироощущения поэта.

В. В. ОБРАЗЦОВА
преподаватель Калининского
педагогического института

Б. ШЕРГИН

РЯДОМ ИЛИ ВМЕСТЕ

Ранее опубликованная статья В. В. Шергина «Слово устное и слово письменное» (журнал «Звезда», 1963, № 12) сокращена и подготовлена автором специально для читателей «Русской речи».

Любую нашу мысль мы излагаем на бумаге не в той форме, в какой высказываем эту мысль в разговоре. Вразумительность разговорной речи подкрепляется интонацией голоса, отчасти мимикой и жестом. Эмоциональность живой речи, восклицания, паузы исчезают при записи. Устная фраза, перенесенная на бумагу, всегда подвергается некоторой обработке, хотя бы по части синтаксиса. Фонетическая, буквенная запись устной речи утомит читателя своей пестротой. Отсюда законы речи литературной необязательны для речи устной, живой. Вот одна из причин различия между живой речью и речью письменной. Имеются высказывания, что народная устная словесность и словесность литературная суть две самостоятельные стихии.

Не правильнее ли думать, что хотя эти стихии неслиянны, но и нераздельны?

Полностью, точно и достоверно изложить многовековую жизнь устного народного слова — вещь многотрудная. Много здесь надобно догадок и домыслов. Много явится, как на ландкарте, белых мест. Сомнительно мнение, что народная поэтическая память донесла до нашего времени как раз все самое ценное, самое отборное. Нет, многое быльем поросло и останется беспамятно.

Перечень известных нам со школьной скамьи видов устно-народного творчества невелик: богатырские былины, сказки, песни обрядовые и лирические. Есть мнение, что ритмизированная

форма наших былин устоялась или сложилась не ранее XVI века. «Слово о полку Игореве» тем драгоценно для нас, что в нем отразился лад и строй забытых русских рапсодий. И древнегреческий эпос, и эпос других европейских народов, в том числе героический эпос Древней Руси, — все это не читалось, не декламировалось, по по-особому напевалось.

Слушая, как исполняют былины архангельские поморы, можно представить себе, как звучали эпические песни древней Европы. Если задумаем счастье века и возраст нашей устной поэзии, если положим в начале вешнего Баяна, перед нами ляжет тысячелетний песенный путь. Школьные хрестоматии водят нас по оазисам этого пути. Водят, как по музею: это — былины, это — сказки, это — песни. Но устное слово в книге молчит.

Напомят ли нам о цветущих лугах засушенные меж бумажных листов цветы?

Мы говорим: «Далекая пора, старина».

Если нам утомительно сыскивать, в чем же красота и жизнь устной народной словесности, поверим на слово столь чуткому к русской красоте Римскому-Корсакову, удивительному Мусоргскому, Врубелью и Васнецову. Эти и подобные им люди чувствовали песенную и художническую душу народа.

Известные нам виды устной поэзии назвал я «оазисами». Не лесчаная пустыня окружает эти оазисы, кругом были вечно зеленющие луга жизнетворческой народной речи. Избыток творческих сил создавал тот или иной вид поэзии. Бытие отдельных видов устной словесности рассмотрено учеными исследователями. Но последовательную историю жизни устной словесности трудно уяснить и по ученым трудам. Впрочем, ведь мы не особенно горюем и о том, что не знаем подробностей своей семейной хроники.

Былины, песни, сказания — это гнезда, свитые под сенью вечвозеленеющего, густолиственного дерева. Тысячеголосая, светлошумная листва — это живая народная речь. Бесчисленными головами шелестела и звенела живая речь. И это был аккомпанемент к былине и сказке. Живой творческий говор рождал поэзию.

Наряду с разговорной народной речью жительствовала на Руси особливая речь письменная, литературная.

В XVII столетии распространена была по России «Грамматика, сиречь наука о еже право писати и право глаголати». Этот солидный том в кожаном переплете с медными застежками был пособием и для прозаиков, и для поэтов. Однако это была грамматика все того же условного, схоластического «словенского» языка. Наряду с этим в середине XVII столетия раздается пламенный призыв за употребление русского народного языка в литературе.

Знаменитый протопоп Аввакум автобиографично катихизует так: «Не назарите просторечию нашему, любите свой русский природный язык, виршами философскими не обаяи речи красить».

Небрегу о красворечии, не уничижаю своего языка русского. Ох, ох, бедная Русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев». Аввакум пишет царю Алексею: «Видехи-ти по-русски. Ведь ты, Михайлович, русак, а не грек».

Сосланный в Сибирь, Аввакум так описывает путь по Тулгуске: «О, горе стало! Горы высокие, дебри непроходимые, утес каменный, стеной стоит, и поглядеть — заложя голову!».

Народная молва оценила борьбу Аввакума за народность языка: «Яснее солнца письма Аввакумовы». Однако возникла и оппозиция. Пуристы находили невероятным допустить в литературу «деревенских баб басни». Лишь в середине XIX века сочинения протопопа Аввакума были оценены как замечательный памятник живой русской разговорной речи. Со времен Петра I литературный язык наш испестрили слова немецкие, голландские и французские.

Нестроение литературного языка упорядочил Ломоносов. Он составил грамматику языка русского. Ломоносов перенес корабль русской литературной речи. Обветшавшее убрал с дороги. Славянский язык остался в книгах церковных.

Когда Пушкин принял в руки руль-правлю корабельное, литература русская пошла по курсу державному, славному. В паруса дунули русские ветры. Сколько веков полноводная река живой народной речи плыла рядом с речью книжной!

Хотя бы бегло взглянем, рядом жили эти две стихии или вместе?

Русские люди искони любили слушать книгу. Фабула книжного сказания, если она была разительно яркой, запечатлевалась в памяти слушателей. Устно-народное поэтическое слово, заимствуя книжный сюжет, никогда не воспринимало форм грамматических. Полюбившийся сюжет народ непреклонно обогащал русскую красоту.

Наблюдаются явления и обратного порядка. Например, в XVI—XVII веках писатель-историк, собирая материал для биографии той или другой исторической личности, иногда обращался к памяти народной. Если в устах народа все эти памяти были живыми цветами, то переведенные на условный литературный язык цветы эти нередко видятся нам поблекшими. Таким образом, стихия живой народной речи и стихия речи литературной, условной существовали хотя нераздельно, но и неслиянно.

«Помянув родителей», то есть века XVII, XVIII, выходим на широкое раздолье русской литературы XIX века. Тургенев сказал:

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!». В этой похвале Тургенев объединяет и живую народную речь, и русскую речь литературную.

Язык классической нашей литературы XIX века весьма богат потому, что создавали его люди глубокой мысли, люди высоких стремлений, страстно искавшие правду. Многосложны человеческие характеры, но пронизательный взгляд художника-искусника видит и высоту неудобовосходимую, и глубину неудобозримую. Русские классики XIX века в подлинниках штудировали авторов французских, немецких, английских. Блестящее знание литературных форм Запада изощрило русское писательское мастерство.

Какое соотношение русского языка, закреплённого в литературе, и русского языка разговорного?

Если язык русский есть богатство, наследие отцов наших, то славные писатели наши, как добрые сыны, приумножают отцово наследие. Не департамент одобрил их речь, не министерство рекомендует, нет, весь народ русский на Севере, на Волге, в средней России, в Сибири читает и слушает эту речь и находит, что все сказано статно и внятно.

Л. Толстой изображает судьбу человека внимательно, последовательно, детально. Психолог Достоевский тонко-прозрачно раскрывает перед нами и свет, и тьму, и доброе, и злое — все, что скрыто бывает в глубинах сердец человеческих. Но ни правочительность Толстого, ни громоздкость Достоевского не оглящают. Это потому, что и Толстой и Достоевский являются художниками слова. Чувство эстетического удовлетворения все время сопровождает работу нашей мысли.

Но сейчас для меня важен лишь следующий вывод: писатели-психологи бессознательно, незаметно внушают нам и приучают нас внимательно и вдумчиво относиться к поведению людей, нас окружающих. И тогда обогатится и расширится твоя мысль, тогда у тебя и речь будут.

Итак, русский язык стал языком литературы. Что же, река живой народной речи и река русской речи литературной слились воедино? Нет, они остались неслиянны, хотя и нераздельны.

Это потому, что у писателя (классика) все скоевано единой идеей: и фундамент, и стены, и кровля — все сцементировано единой мыслью («Война и мир», «Воскресенье», «Анна Каренина»). К творению писателя-классика ничего ни прибавишь, ни убавишь. Органически целостны и мысль, и язык. Толстой, Достоевский, Тургенев, Гоголь монументальны. Эти здания знали наши деды и отцы, и мы с вами.

Но рядом, но вокруг неутомленно бегущая, терпкая разговорная речь. Можно к разговорной речи применить стих Державина: «Еще видится нам теперешняя речь рекой без берегов. Сколько струй чистых и мутных, светло-прозрачных и иловатых!».

В последнее время в печати не раз поднимался вопрос о чистоте литературного языка. Порою также делаются ребятам краткие, но убедительные внушения: «Нельзя говорить: одел калоши, раздел пальто. Калоши надо надеть; разделть можно человека, пальто надо снять. Правильному языку учиться у великих наших классиков». Если первые две заповеди конкретны, то последняя абстрактна («по-русски» говорить).

Правильно и достойно поступают, когда велят молодежи учиться языку у классиков. Школьная программа предписывает знакомство с некоторыми образцами классической литературы. Что имеет в виду школа? Ответ дают темы программных ученических сочинений: «Характеристика Онегина, Чацкого, Печорина»; «Роль крестьянства в „Кому на Руси жить хорошо“».

Следует отметить, что если в классическом произведении налицо яркая фабула, то молодежь причтет такое произведение к числу интересных книг. Но получив задание учиться у классика языку, ученик по-иному должен перестроить свои мысли. «Учись языку у Толстого»... Это целая программа. Ученик раскрывает «Войну и мир». С чего начать? Разобрать фразы по частям речи и по частям предложения? Кто будет проходить такой «заочный курс»?

В планах обучения языку у классиков есть еще один важный пункт: любая литературная эпоха очень быстро становится историей. Боюсь сплетать силлогизм — не сделать бы вывода, что Пушкин, Толстой, Достоевский являются уже историей литературы и произведения их — исторические памятники.

Нет, живы они, и, во-первых, потому, что писатели эти запечатали несравненную глубину русской философской мысли. Живы они точно так же, как живет и вечно юнеет могучая русская музыка того времени в лице Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Чайковского. Неумирающая сила дышит и в изобразительном искусстве того времени — Серов, А. Иванов, Суриков, Репин и др. Древний философ говорит о Гомере: «Гомер каждому: и дитяти, и мужу, и старику — столько дает, сколько кто может взять».

Если книга заключает в себе светлый разум, чистую совесть, поэтический талант — в такой книге великая сила и угодье. В греческом языке слово «логос» обозначает и слово, и ум. «Слово есть провозвестник ума». Мы должны всячески обогащать свой ум, свою речь. Философ Платон требует, чтобы творческий пафос присущ был и педагогу-учителю, и плотнику-строителю, и ремесленнику.

Гениальный Ломоносов воплотил в себе идеи Платона. Ломоносов был и физик, и химик, и филолог, и историк, ученый-электрик и географ. И любой вид деятельности Ломоносова озарен, как солнцем, творческим пафосом, поэтическим вдохновением.

Разнообразны виды человеческого труда. Но интерес к литературе, к книге объединяет людей различных профессий. Свойства поэта и художника чудодейственны. Творческая сила одного человека заставит десятки людей почувствовать пленительную, нежную красоту северной природы: тень дремучего бора, сиянье цветущих лугов, жемчужные нюансы неба и воды...

«Учить — свой ум точить!». И ты, творческая душа, руководитель, передовик, оттачивай свой ум и свою речь на алмазном камне художественной литературы. Ты, дорогой мне человек, перекинемся душевным словом: каких писателей ты успел полюбить? Я, например, люблю Чехова и Пришвина. По-моему, никто так, как Чехов, не видит человека. Лаконизм, простота, изящество, высокая художественность — все собрали в себе Чехов и Пришвин: уж ты все свои бока обтер, лазая с ними по тундрам, по лесам, по горам, по долам. Это они научили тебя видеть и понимать природу и землю, и всякую тварь, на ней живущую. Гляжу на Чехова, на Пришвина. Они ничем от нас не отгорожены, как и те светлые, которые жили и творили в прошлом столетии.

Если хочешь стать добрым, разумным и желанным собеседником, читай книги, в которых словам тесно, а мыслям просторно. Найди поэта, который видит солнце «я в малой капле вод». Полюби книгу, которая научит тебя видеть «разумное, доброе, вечное». Читай то, что обогащает твой ум. Если в тебе самом есть содержание, то и каждый твой день будет содержательным. «Хозяин что ступит, то дело найдет». Когда научишься видеть, что «серенькое» русское небо богаче красок жемчужной раковины, когда почувствуешь глубину беседы простых людей, тогда любое твоё слово к товарищам будет живым.

Как учиться у художника? Поживи с Чеховым. Вникни в те рассказы, где Чехов вяжет героя с природой. Каким художником является Чехов в ряде своих «весенних» рассказов! Ранняя, зябкая весна, недавно оттаявшие поля, подмерзшие лужицы — будто карандашный набросок. Но велико изящество этих скудных линий. Чехов, как истинный поэт, видит, что сквозит и тайно светит в этом предназначении русской весны.

Чехов не берет займы и у словесности фольклорной. Речь его разительна богатством мысли. Чехов облакает мысль в простые слова, «но им без волнения внимать невозможно». Иной чеховский рассказ «тих, как день ненастный», но оттенки северного жемчуга нежнее и изящнее бриллиантовых изделий. В противоположность,

например, Гоголю у Чехова нет речений роскошных, обворожительных. Тонкое изящество чеховской мысли таково, что вопрос «язык чеховских рассказов вместе или рядом с живой народной речью?», вопрос этот окажется примитивным или тяжеловатым.

Вопрос о том, как поживает «народная» речь в наши времена, есть вопрос школьный, отвлеченный. Быт города и деревни нивелируется. Устанавливается массовый язык. Поэтически одаренные люди давным-давно равняются по тому или иному направлению общей литературы.

Я упомянул, что словарь печатной речи и речи устной в наши дни стал нейтральным. От газетного пошиба не убежишь. Добро, если мысль будет живая и полезная. Если говорить о разговорной речи, то как прежде, так и теперь, люди не записывают своих высказываний. Устное красноречие не теряется. Если человек талантлив, если мышление его живо, таких людей ценят: «У него есть что призывать».

Над языком, над речью в первую очередь должен думать писатель.

Тусклое пренебрежение, косное предубеждение к «простонародному» языку строит язык литературный не на живой речи, а на литературно-бумажном наследии. Словарь русского народного языка просеивают не через решето, а через сито. Вместо доброй муки не пойдут ли в дело высевки?

Интеллект присущ людям разных профессий. Есть в народе люди светлого разума, богатые чувствами. Сегодня такого человека знают как желанного собеседника, доброго советчика. Завтра он изложит в книге свой взгляд на жизнь. Устное и письменное слово будет едино.

Разговор о языке, о речи, как о всякой вещи, тогда будет на пользу, когда ты видишь в речах собеседника «раздумье великое». Если он не удовольствован знанием, науками, ты добавляй. И спор не беда: в споре истина сыскивается.

РЕЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В ЛЕНИНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Обширная галерея образов людей, принадлежавших к различным классам, социальным прослойкам, политическим партиям, профессиональным группам и т. д., в публицистических произведениях В. И. Ленина впечатляет жизненной правдой, оказывает глубокое эмоциональное воздействие на читателя. Это образы-типы. Одним из средств типизации у В. И. Ленина-публициста выступает речевая характеристика.

Речевые портреты образов-персонажей занимают исключительно важное место в публицистических произведениях В. И. Ленина. Владимиру Ильичу была свойственна замечательная чуткость к языку, он тонко улавливал связь языка и мышления, подмечал в речевой манере отражение психологии человека, его интеллектуального, эмоционального мира и общественного положения.

В статье «Три запроса» В. И. Ленин комментирует речь Дзюбинского — одного из лидеров Трудовой группы в III и IV Думах. «Что это за язык? Какой ветхой стариной отдает от него! Лет 25—30 тому назад, в проклятой памяти 80-ые годы прошлого века, „Русские Ведомости“ писали именно таким языком, критикуя с земской точки зрения правительство. Проснитесь, г. Дзюбинский! Вы проспали первое десятилетие XX века. За то время, что вы изволили почивать, старая Россия умерла, народилась новая Россия» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 24, стр. 110).

Владимир Ильич отмечает, что в речи Дзюбинского были и верные факты, и сочувствие голодающим, и критика правительства, но по форме, по манере изложения, по языку выступление оратора выглядело анахронизмом в то время, когда на общественную

арену вышли классы, научившиеся или начавшие учиться выступать и бороться прямо и открыто за свои классовые интересы. Речь Дзюбинского, по мнению В. И. Ленина, могла быть произнесена и двадцать и тридцать лет назад: «Помилосердствуйте, г. Дзюбинский! К чему же нам, демократии, нужна Дума, если мы и в нее будем переносить язык и манеру, образ „политического“ мышления и постановку вопросов, которые были извинительны (если были извинительны) 30 лет тому назад в провинциальной канцелярии?..» (т. 21, стр. 109).

Особенности речи Дзюбинского В. И. Ленин объясняет тем, что в постановке вопроса этот лидер не пошел дальше точки зрения либерального чиновника. Его выступление отличалось от выступлений кадетов лишь тем, что в нем отсутствовали контрреволюционные нотки. «Из речи вытекает несомненно, — и это хотел доказать благонамеренный г. Дзюбинский, — что наши порядки гнилы, но горестно то, что оратор даже не замечает, как из его речи „следует“ в то же время гнилая мораль гнилого либерального чиновника» (т. 21, стр. 111). И такова, подчеркивается в статье, вся позиция «интеллигентов» Трудовой группы.

Можно указать много других примеров, когда В. И. Ленин тонко раскрывает социально-типичное в речевой манере представителей различных политических группировок. В статье «Возрастающее несоответствие» (1913) он приводит следующую цитату из отчета о совещании членов кадетской партии: «Обращено внимание на возрастающее несоответствие между потребностями страны в основном законодательстве и невозможностью удовлетворить их при настоящем устройстве законодательных учреждений и при современном отношении власти к народному представительству» (т. 22, стр. 370).

В этих словах ярко выражена растерянность либералов в период нового революционного подъема. В. И. Ленин иронизирует над речевым строем приведенной цитаты, одновременно объясняя подлинную сущность этой «старобарщщины»: «Язык запутан так, как клубок ниток, с которым давно играл котенок. Бедненькие наши либералы, негде им выразить ясно свои мысли!

Но присмотритесь поближе: не столько в том беда, что негде, сколько в том, что нечего сказать либералам» (т. 22, стр. 370).

В. И. Ленин говорит, что в то время, когда широкие трудящиеся массы вновь поднимаются на борьбу, ясно обнаруживается все более возрастающее несоответствие между потребностями народа и беспомощностью либерализма, о чем кадеты, естественно, умалчивают, прикрывая свою неспособность представлять интересы демократии туманной фразеологией. Но их невразумительный язык, гро-

моадкие, путаные и пустые фразы красноречиво свидетельствуют об окончательном и бесповоротном крахе либерализма.

Обостренное внимание В. И. Ленина к речевому строю, умение увидеть и распознать за «системой фраз» (выражение А. М. Горького) самое сокровенное содержание как отдельной личности, так и целых социальных групп — эти качества В. И. Ленина-публициста определяли выразительность и достоверность социально-речевых портретов образов-персонажей, столь многочисленных в ленинской публицистике.

Как правило, В. И. Ленин не описывает внешний облик персонажей, но они тем не менее воспринимаются читателем «как живые». Секрет этого в речевой характеристике, которая передает живое движение мысли, особенности образа действий и поведения персонажей, облакает их переживания в «плоть и кровь», обнаруживает реальный жест — мимику и даже черты внешнего облика.

Образы-персонажи ленинской публицистики наделены жизненно-правдивым языком, психологически убедительным, насыщенным словами-жестами, с помощью которых достигается пластичность изображения. В статье «Социал-демократия и временное революционное правительство» (1905) Ленин пишет о том, что меньшевики, испуганные размахом революционного движения, пытаются затормозить его. В страхе перед быстрым ходом истории эти филистеры «инстинктивно шепчут: чур меня, чур меня! да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры! как бы не погибнуть! господа! вы уже лучше „медленным шагом, робким зигзагом“!..» (т. 10, стр. 15).

Интонационная выразительность приведенного монолога позволяет легко угадать жесты, мимику и даже в какой-то мере характерные черты портрета обывателя, захваченного бурным потоком революционных событий и уstraшенного ими. Речь филистера отмечена яркими признаками «места и времени», соотносена с речевым контекстом эпохи, органична в структуре определенного социального быта.

Вот кадет, готовящийся к выборам во вторую Думу и уверенный, что масса пойдет за ним, «гордо поднимает очи к небу: благодарю тебя, господи, что я не похож на одного из этих „крайних“! я — не революционер, я сумею приспособиться, самым покорным и самым низжайшим образом приспособиться к любым мероприятиям, я даже избирательные бланки достану от мирнообивленцев» (т. 14, стр. 229). Речь кадета, интонационный строй ее, не оставляют сомнения, что перед нами законченный лакей.

Своеобразна окраска речи ликвидатора Мартова, «умудренного» жизнью, искушенного в предательстве и оппортунизме: «Милый Ларин, для нас с вами „вполне достаточно“ ликвидаторской практи-

ни", „вполне достаточно“ либерального признания противоречивости старого режима с конституционализмом, но—ради бога—не идите дальше, не „углубляйте“, не ищите принципиальной ясности и цельности, не стройте оценки „текущего момента“, ибо это нас с вами разоблачает. Будем делать, но не будем говорить» (т. 20, стр. 204). Эмоционально-экспрессивные и стилистические оттенки и сам лексикон Мартова характеризуют его как человека совершенно беспринципного, враждебного революции, лишенного элементарных понятий о порядочности. Умоляющие нотки в его речи сменяются прямым запугиванием. Это хитрый и опасный враг.

В статье «Выборы и оппозиция» (1912) В. И. Ленин приводит всего одну-единственную фразу меньшевика Акимова, выступившего во время избирательной кампании в IV Думу с защитой либеральной рабочей политики. Акимовым так сильно овладело нетерпеливое желание попасть в Думу любыми путями, любой ценой, что он не удержался, вывел руладу: «На все, на все согласен я,— включил я только в список либеральный!» (т. 21, стр. 372). Эта реплика Акимова разоблачала не его одного, но и всех тех, кто стоял за ним, так как он был лицом типическим для меньшевиков.

Две фразы капиталиста приведены в лекции В. И. Ленина «Война и революция»: «Я в нелюбом моем праве, я покупаю акции. Все суды, вся полиция, вся постоянная армия и все флоты на свете охраняют это мое священное право на акции» (т. 32, стр. 89). Этот фраз оказался вполне достаточно, чтобы возникло ощущение реальности «бытия» образа. Живая интонационная выразительность реплики помогает зримо представить облик самодовольного, безгранично верящего в беспредельное могущество денежного мешка буржуа, способного ограбить весь мир.

Мастерски построена В. И. Лениным в статье «Пролетарская революция и ренегат Каутский» реплика Каутского, вынужденного признать мировое значение Советов, но при этом заявляющего, что они хороши как «организация борьбы», а не как «государственные организации». В речи ренегата громко звучит ораторская нота, которая указывает на его претензию играть роль революционного трибуна, перебиваемая нотой, выражающей чувства растерянности и страха филистера перед ломкой всех старых устоев. Каутский не говорит, а выкрикивает, настолько его заботит вопрос о Советах, настолько он утрачен победным шествием революции: «Великолепно! Организуйтесь в Советы, пролетарии и беднейшие крестьяне! Но—боже упаси!— не смейте побеждать! не вздумайте победить! Как только вы победите буржуазию, так вам тут и капут, ибо „государственными“ организациями в пролетарском государстве вы быть не должны. Вы должны, именно после вашей победы, распуститься!!» (т. 37, стр. 105). Благодаря блестящей речевой характери-

стиже, данной Владимиром Ильичем, Каутский предстает, как живой, перед глазами читателя.

Владимир Ильич Ленин с большим искусством дифференцирует речь не только отдельных персонажей, но и одного и того же персонажа в зависимости от изменения условий, в которых этот персонаж действует, от его состояния и т. п. Приведем целиком первую часть памфлета «Сорвалось!» (1903), написанную В. И. Лениным в диалогической форме, которой Владимир Ильич часто пользовался в своих публицистических произведениях:

— Ну, а если ваши громогласные, велеречивые и пылкие уверения вызовут недоверие именно самым своим характером?

— Я желал бы посмотреть, кто посмеет усомниться в моих словах!

— Ну, однако же, если все-таки усомнятся?

— Повторяю, что я не позволю усомниться в словах революционера, я не остановлюсь ни перед чем, я пойду до конца, я потребую либо прямого выражения недоверия, либо прямого отступления, я...

— А если ваше требование прямого выражения недоверия будет удовлетворено?

— Что такое?

— Если вам скажут прямо и определенно, что вам не верят?

— Я назову того, кто решится сказать это, гнусным клеветником, я буду клеймить перед всем светом его беспримерный поступок...

— А если вам, в ответ на это, систематически начнут доказывать, что все ваше поведение давно уже не позволяет относиться к вам с доверием?

— Я соберу тогда отовсюду протесты против этой братоубийственной полемики, я обращусь ко всем с прочувствованным словом о правде-истине и правде-справедливости, о кристальной чистоте, загрязненной нечистыми руками, о грубой и грязной коре мелкого самолюбия, об очистительном пламени, которое наполняет мою душу беззаветным энтузиазмом, я сравню своих врагов с Понтийским Пилатом...

— А если по поводу таких речей вас сопоставят с Тартюфом?

— Тогда я потребую третейского суда!

— Вам немедленно ответят, что охотно принимают вызов и предлагают прежде всего согласиться в том, чтобы

суд рассмотрел вопрос, имел ли ваш противник право усомниться в достоверности ваших заявлений.

— Тогда... тогда... тогда я заявлю, что «после всего происшедшего» смешно и говорить о каком-то «соглашении» между какими-то «сторонами!» (т. 7, стр. 335—336).

В этом отрывке отсутствуют пояснительные ремарки, образы действующих лиц созданы средствами живой, устно-разговорной и письменной-книжной речи конца XIX — начала XX века. Перед читателем — достоверные, наделенные индивидуальными приметами персонажи. В речи каждого из них отчетливо обнаруживаются свои синтаксические и лексические особенности, свой интонационный строй. Первый собеседник — подлинный революционер, человек дела, его речь отличается прямоотой и резкостью, вопросы, которые он задает своему противнику, ироничны и саркастичны. Ирония нарастает от реплики к реплике, создает основную тональность речи первого собеседника. Вопросы звучат настолько выразительно, что нам кажется, будто мы видим саркастическую усмешку задающего их.

Второй собеседник — демагог. Речь его социально типизирована и вместе с тем наделена индивидуальными признаками. Он щеголяет любимыми выражениями поздних народников: «справда-истина», «правда-справедливость», «кристальная чистота», «очистительное пламя», «беззаветный витузназм», которые накладывают определенный эмоционально-экспрессивный отпечаток на всю его речь. Читатели начала XX века, знакомые с эсеровскими изданиями, в частности с газетой «Революционная Россия», по одним этим стилистическим «красотам» узнавали эсера. Он заносчив, многословен, велеречив, без конца «якает», всячески подчеркивая свою мнимую революционность и решительность. Речь его в ленинской статье организована так, чтобы раскрыть полное несоответствие слов и поступков этого персонажа.

Нередко на страницах ленинских книг появляются люди труда.

В статье «О лозунге „разоружения“» (1916) мы слышим голос женщины-пролетарки, обращенный к ее сыну: «Ты вырастешь скоро большой. Тебе дадут ружье. Бери его и учись хорошенько военному делу. Эта наука необходима для пролетариев — не для того, чтобы стрелять против твоих братьев, рабочих других стран, как это делается в теперешней войне и как советуют тебе делать изменники социализма, — а для того, чтобы бороться против буржуазии своей собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам не путем добреньких пожеланий, а путем победы над буржуазией и обезоружения ее» (т. 30, стр. 156).

Благодаря неповторимой самобытности выражений, индивидуальной окраске речи, в которой слово слито с внутренним состоянием персонажа, мы не только слышим женщину-работницу, но и как бы видим ее.

В статье «О героях подлога и об ошибках большевиков» (1917) звучит голос представителя революционной массы, оценивающего Демократическое совещание, которое было созвано эсерами и меньшевиками в сентябре 1917 года и проходило в Александринском театре: «Хорошо бы, кабы потолок Александринки провалился и раздавил всю эту банду хамских душонок, которые могут молчать, когда им наглядно поясняют, как Керенский и К^о водят их за нос болтовней о мире;— которые могут весело смеяться, когда им говорят яснее ясного, их собственные министры, что министерская чехарда есть комедия (прикрывающая сделки Керенского с корниловцами). Избави нас, боже, от друзей, а с врагами мы справимся сами! Избави нас, боже, от таких претендентов на революционно-демократическое руководство, а с Керенскими, кадетами, корниловцами мы справимся сами» (т. 34, стр. 252).

В. И. Ленин реалистически воспроизводит интонацию разговорно-бытовой речи со всеми ее эмоционально-экспрессивными оттенками. Это позволяет Владимиру Ильичу создавать социально-речевые портреты персонажа, отличающиеся большой жизненной правдой.

*Кандидат филологических наук
К. В. НАУМОВ
Ровно*

ОБРАЗНОСТЬ НАУЧНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

В «Русской речи» (1970, № 2) опубликована статья члена-корреспондента АН СССР Р. А. Будагова «Что же такое научный стиль?». В этой статье автор рассматривает особенности научного стиля, его основные признаки. Среди прочих указан и следующий: «научный стиль—это такой языковый стиль, который стремится... к широкому использованию разнообразных стилистических ресурсов языка» (стр. 54). Анализ сочинений выдающихся русских уче-

ных полностью подтверждает это положение. Труды их поражают богатством, образностью языка, смелым использованием различных стилистических приемов. Мы обратимся для примера к работам С. И. Вавилова, И. П. Павлова и К. А. Тимирязева.

В сочинениях академика С. И. Вавилова использованы самые различные структуры простого и сложного предложений: «Свет — необходимое условие для работы глаза, самого тонкого универсального и могучего органа чувств. Роль искусственного света — поддерживать деятельное, бодрствующее сознание»; «Всем хорошо известно, что если в жаркий солнечный день, когда кругом все светится и блестит, посмотреть издалека через открытое окно или в дверь в глубь закрытого помещения, то внутренние части кажутся...» (Собрание сочинений. Т. IV. М., 1956).

Научная проблема С. И. Вавилова нередко открывалась с новой стороны в образах художественной литературы. К статье «„Холодный свет“ и люминесценция» эпитаграмм взяты строки из сказки П. П. Ершова «Ковчег Горбунок»:

Огонек горит светлее,
Горбунок бежит скорее.
Вот уж он перед огнем.
Светит поле словно днем;
Чудный свет кругом струится,
Но не греет, не дымится.
Диву дался тут Иван.
Что, сказал, он, за шайтан!
Шапок с пять найдется свету,
А тепла и дыму нету;
Эко чудо-огонек!

К третьей главе «Овладение „холодным светом“» эпитаграмм взяты слова А. Франса: «Если человек зависит от природы, то и она зависит от него. Она его сделала; он ее переделывает». Труд «Глаз и Солнце» начат стихами Гете:

Будь не солнечен наш глаз,
Кто бы солнцем любовался.

«Глаз нельзя понять, — в заключение пишет Вавилов, — не зная Солнца. Наоборот, по свойствам Солнца можно в общих чертах теоретически наметить особенности глаза, какими они должны быть, не зная их наперед.

Вот почему глаз — солнечен, по словам поэта». Поэт высказал предположение, а ученый доказал правильность его высказываний.

О значении художественного образа для научного мышления С. И. Вавилов говорил: «Сопоставление глаза и Солнца так же старо, как и сам человеческий род. Источник такого сопоставления — не наука. И в наше время рядом с наукой продолжает бытовать мир представленный ребенка и первобытного человека и, намеренно

или нечаянно, подражающий им мир поэтов. В этот мир стоит иногда заглянуть. Как в один из возможных истоков гипотез... в этом мире между явлениями природы смело перекидываются мосты-связи, о которых иной раз наука еще не подозревает». Разумеется, нельзя от всех и во всем требовать образного изложения научного материала. Но научная работа должна быть написана не условным, а литературным языком. Академик С. И. Вавилов умело пользовался богатством русского языка.

Некоторых авторов нередко соблазняет определительное предложение со словом *который*. Так, в статье «О природе феодальной собственности на землю» («Вопросы истории», 1969, № 12) можно насчитать 26 придаточных определительных предложений со словом *который* в разных падежах, что, естественно, приводит к однообразию стиля, а иногда и к двусмысленности: «В отличие от разделенной собственности крестьянина на землю, которая явилась не правилом, а исключением, крестьянское земельное владение и пользование наделом получили широкое и повсеместное распространение при феодализме». По смыслу местоимение *которая* относится к слову *собственности*, но можно его отнести и к словам *на землю*.

В работах С. И. Вавилова — стилистически оправданное расщепление придаточных определительных, удачное использование причастных оборотов. В статье «Инерция и тяготение» придаточных определительных — 2, а причастных оборотов — 7; в статье «„Теплый свет“ и тепловое излучение» придаточных определительных — 13, а причастных оборотов — 24; в статье «„Холодный свет“ и люминесценция» придаточных определительных — 13, а причастных оборотов — 38. Целые страницы написаны без употребления придаточных определительных предложений, например в статье «Овладевание „холодным светом“» преобладание причастных оборотов перед придаточными определительными объясняется тем, что с помощью причастных оборотов вносится логическая точность, ясное указание на то, к какому слову относится определение.

Академик И. П. Павлов очень строго и внимательно относился к языку своих произведений. В предисловии к первому изданию «Лекций о работе больших полушарий головного мозга» говорится: «Эти лекции были застенографированы, и я рассчитывал их потом опубликовать. Но, взявшись за просмотр стенографической записи, я нашел мое изложение неудовлетворительным и принялся за его существенную переделку. Эта работа заняла у меня полтора года... Полная литературная обработка темы чрезвычайно увеличила бы мою работу».

И. П. Павлов широко пользовался всем многообразием структур сложноподчиненного предложения. Это особенно отчетливо

проявляется в известном труде «Двадцатилетний опыт объективного научения высшей нервной деятельности (поведения) животных». Автор употребляет все виды придаточного предложения с разными союзами и союзными словами, с обособленными второстепенными членами. В статье «Внутреннее торможение условных рефлексов и сон — один и тот же процесс» встречаются придаточные предложения изъяснительные, определительные, цели, условные, уступительные, следствия, временные и др.

«Станок с животным помещался в отдельной комнате, где перед собакой находился и экспериментатор. Впоследствии экспериментатор был выведен за дверь комнаты, откуда и производил всякие воздействия на животное». Союзные слова *где, откуда* уточняют смысл, оттеняют пространственное значение. И. П. Павлов широко пользуется причастными оборотами. В указанной статье их 29. В одном предложении мы находим союзное слово *который* и причастный оборот: «Желая иметь под опытом животных, у которых сон не мешал бы нам при наших исследованиях, мы выбрали для них животных, являвшихся очень живыми на свободе, подвижными, все исследующими, на все реагирующими...» и далее: «...подтвердили те новые опыты, которые мы нарочито поставили».

В книге К. А. Тимирязева «Жизнь растений» обнаруживается большое разнообразие простых и сложных предложений, встречаются даже периоды: «Когда растение отцветает, когда облетят его лепестки, завянут тычинки, а плодник превратится в плод, тогда яички превратятся в семена».

К. А. Тимирязев в поисках образности и доходчивости повествования часто обращался к художественной литературе. В указанной книге цитируется басня И. А. Крылова «Листы и корни». Парадоксальным сопоставлением доказывается полезность листьев: они сравниваются с людьми, приносящими пользу обществу. Тимирязев так заканчивает свое рассуждение о листьях: «Такова мораль, которую мы можем извлечь из знакомства с листьями, не теми, которых создало воображение поэта, а настоящими, живыми листьями, — мораль, быть может, более суровая, но зато согласная с законами природы».

Глава VII посвящена росту растений. Она начинается такими словами: «В поэтических сказаниях некоторых народов севера богам и вещам людям приписывается способность не только видеть, но даже чутким ухом „слышать травы прозябание“». Далее на 25-ти страницах доказывается, что действительно можно видеть рост растения, можно слышать, как оно «прозябает». В книге цитируются стихи Гете и других поэтов. Поэзия помогает доходчивее донести свои научные мысли, воззрения до слушателя, до читателя.

Использование выразительных средств русского языка, его неисчерпаемых стилистических ресурсов, несомненно, не только не снижает достоинств научных трудов, а напротив, способствует точному, доказательному изложению. На небольшом числе примеров из трудов выдающихся русских ученых мы и хотели проиллюстрировать это.

Кандидат филологических наук
В. Г. КРАСНОВ
Кандид Узбекской ССР

ПРОВИНЦИЯ — ПЕРИФЕРИЯ

В современном русском языке слова *провинция* и *периферия* имеют близкие значения и могут быть расценены как синонимы. Но каждое из них имеет свою историю, свои смысловые и стилистические особенности.

Слово *провинция* (от латинского *provincia*) появилось в русском языке в начале XVIII века и обозначало административно-территориальную единицу. Россия была разделена на провинции по указу Петра I в 1719 году. В дальнейшем, когда в 1775 году Екатериной II было осуществлено новое административное деление, слово *провинция* перестало существовать как термин, но еще долгое время продолжало употребляться в речи для обозначения определенной части государства в соответствии с прежним административно-территориальным делением. Подобное употребление его встречается еще во второй половине XIX века в произведениях таких писателей, как Герцен, Чернышевский, Салтыков-Щедрин и др.: «История о замятательствах в Москве в 1834 г., отозвавшаяся лет через десять в разных провинциях, остается загадкой» (Герцен. Былое и думы).

С конца XVIII века, по свидетельству данных картотеки лексикографических материалов XVIII века Словарного сектора Института русского языка АН СССР, в слове *провинция* развивается новое значение — 'всякое отдаленное от столицы, от центра страны место или вообще территория страны в отличие от ее столицы', с которым оно продолжает жить и сейчас.

Однако по сравнению с более поздним временем, когда это слово стало употребляться только в единственном числе, в первой по-

ловине XIX века, слово *провинция* использовалось и во множественном числе, продолжая сохранять формальную связь со своим исходным значением: «Такое мнение, весьма дестное для гостя, составлялось о нем в городе, и оно держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятия, или, как говорят в провинциях, пассаж... не привело в совершенное недоумение почти всего города» (Гоголь. Мертвые души). Отдельные случаи использования этого слова во множественном числе можно встретить в литературе конца XIX — начала XX века: «В провинции все веяния доходят поздно, и новый реакционный курс, водворившийся в столицах, до Красноярска еще не дошел... Хотя уже 7 мая 1881 года Лорис-Меликов вышел в отставку, и реакция уже определилась в центрах, но на такой дальний восток эта перемена еще не докатилась» (Короленко. История моего современника).

В дальнейшем употребление слова *провинция* во множественном числе было окончательно утрачено и прервалась связь с его первоначальным терминологическим значением. Но уже в ранний период жизни в своем втором, нетерминологическом значении *провинция* приобретает дополнительные смысловые и стилистические оттенки. *Провинция* воспринимается не только как место, находящееся вдали от столицы, но и как воплощение отсталости, мелочного уклада жизни, однообразного, унылого существования и т. д. Отсюда типичные для существительного *провинция* определения *глупая, отсталая* и проч., возникновение синонимических связей со словами *глушь, захолустье* и даже *трусоба*. Однако *провинция* ассоциируется и с тихим, мирным бытием, лишенным суеты и тревожений столицы, большого города. Поэтому слово имеет постоянную связь с эпитетами *уютная, тихая* и подобными. Иначе говоря, в слове *провинция* развивается и закрепляется оценочная характеристика, и чаще отрицательного свойства.

Произведения различных жанров литературы, публицистики на протяжении всего XIX века вплоть до наших дней дают большой материал, иллюстрирующий использование слова *провинция* в эмоционально окрашенной речи в качестве отрицательной оценки отдельных общественных явлений, жизненного уклада: «Ах, только как я посмотрю, какая у вас здесь, против Петербурга, ужасная жизнь: ни вокзалов, ни собраний, ни гуляньев, а только затевают какие-то дурацкие театры.— Что делать!— провинция!» (Писемский. Комик).

Насыщенность отрицательной экспрессией дает возможность использовать слово *провинция* для характеристики людей, чье отношение к жизни, воззрения, нравы отличаются косностью, лишены деятельного начала и т. д.: «Успокоил я себя на том, что провинция-де глупа, с нее и требовать нечего, а что за известностью

нужно ехать в умственные центры, в столицы» (Чехов. Пассажир 1-го класса).

В тесной связи со словом *провинция*, с его историей, смысловой и стилистической эволюцией находится образованное от него прилагательное *провинциальный*. Это относительное прилагательное появилось в русском языке также в XVIII веке и имело в соответствии с существительным *провинция* поначалу терминологический характер. Его можно обнаружить в «Записках путешествия в Сибирь» Радищева и в «Табели о рангах» Петра I (1722).

С течением времени *провинциальный*, как и *провинция*, приобретает новое значение: «Опасных людей гораздо больше избегают петербургские чиновники и московские тузы, чем провинциальные жители, особенно сибиряки» (Герцен. Былое и думы).

Экспрессивно-оценочное содержание существительного *провинция* передается и прилагательному *провинциальный*. Оно вступает в синонимические отношения с *глухой*, *захолустный* или *отсталый*, *косный*, а также *простодушный*, *наивный* и подобными. В *провинциальный* развилось качественное значение — «такой, как в провинции, свойственный провинции и провинциалам». Отсюда свободное употребление этого слова как в полной, так и в краткой форме, образование степеней сравнения и наречий *провинциально* и *попровинциальному*: «Здесь, как и в целом мире, есть провинциальная замашка выдавать свои товары за столичные» (Гончаров. Фрегат «Паллада»).

В советское время, в связи с развитием промышленности, ростом культуры не только в столице, в больших городах, в центральной части нашей страны, но и по всей ее территории, в самых отдаленных ее районах, возникает необходимость замены стилистически окрашенного слова *провинция* каким-то другим обозначением. Таким обозначением явилось слово *периферия*, вошедшее в речевой обиход в 30-е годы.

Периферия (от греческого *periphēreia* «окружность») пришло в русский язык в начале XVIII века в качестве математического термина. В дальнейшем оно стало употребляться преимущественно в книжной и специальной речи — в значении «удаленная от центра часть чего-либо». С ним связано и интересующее нас значение — «удаленная от центра страны, от ее столицы местность, место».

Интересное свидетельство о характере взаимоотношений слов *провинция* — *периферия* находим у Л. Леонова в романе «Русский лес»: «Вы та самая девушка из провинции... простите, с периферии,— поправились она, по моде века, стремившаяся уравнять всех граждан, чтоб никому не было обидно».

На смену слову *провинциальный* приходит соответственно относительное прилагательное *периферийный*, впервые зафиксиро-

ванное «Толковым словарем русского языка» Д. Н. Ушакова (1939). Оно входит в речевой обиход, начинает употребляться довольно широко, но монополией его продолжает оставаться в течение всего времени сфера официально-книжной речи: «Многие периферийные литературные объединения не имеют опытных руководителей... А писатели столичные, не в обиду им будь сказано, не любят выезжать в отдаленные города, тем более в районы, в села» («Литературная газета», 10 января 1956).

Периферия, периферийный не вытеснили из языка и речи слов *провинция* и *провинциальный*, которые в последнее время начинают обретать права гражданства. Их все чаще употребляют применительно к современности как в речи стилистически-нейтральной, так и в эмоционально окрашенной, однако без отрицательной экспрессии:

Но в каком бы ни был я краю,
Милую районную столицу,
Тихую провинцию свою
Вспоминал — пусть нечем ей гордиться.

Орлов. У себя дома

Таким образом, слова *провинция, периферия* имеют близкие значения, но в то же время каждое из них отличается оттенками смысла и ширитой употребления в том или ином стиле речи.

Т. Н. ПОПОВЦЕВА

ДАЖЕ И АЖ

Частицы *даже* и *аж* широко используются в русском языке. Несмотря на кажущееся сходство, это разные слова, хотя в некоторых случаях они соотносительны в употреблении. Частица *даже* используется в языке художественной и научной литературы, в публицистике и т. п., а также в разговорной речи. *Аж* вошла в литературный язык из народных говоров, где она бытует в разнообразных формах: *аже, ажно, ажник* (см.: Словарь русских народных говоров. М., 1965). Она употребляется главным образом в художественной литературе, как в прозаических, так и поэтических произведениях, в разговорной речи.

Употребление этих частиц связано с определенными синтаксическими конструкциями. Частица *даже* употребляется в предложениях с однородными членами, присоединяемыми союзами *и, ни..., ни..., не только..., но (а)...* и др., и в простом предложении для усиления, выделения какого-нибудь слова или сочетания слов.

Даже употребляется в предложениях с однородными членами, когда один из них выражает более высокую степень качества или действия, и на этом однородном члене акцентируется внимание с помощью частицы: «Большой Зятёв сразу бросился ему в глаза и даже поправился своей неуклюжестью» (Караваева. Разбег); «Вокруг избы не было не только двора, но даже изгороди» (Марков. Сибирь). Частица *аж* в подобных предложениях употребляется очень редко. Она в отличие от *даже* вносит яркую экспрессивно-эмоциональную окраску: «Потом [немец] втянул воздух и аж задрожал под мундирчиком и сразу все русские слова вспомнил» (Нагибин. Маленькие рассказы о большой судьбе).

Даже используется в простом предложении для подчеркивания необычности действия, производимого кем-либо при каких-либо обстоятельствах и выделяет одно из слов: «Разумеется, одному Алексею Петровичу вряд ли удалось бы сделать многое даже в собственном цехе: его дружно поддержали партийная и профсоюзная организации, комсомольцы, весь коллектив» («Правда», 3 января 1972); «Она двигалась по избе осторожно, ухитряясь даже поленья засовывать в печь без стука» (Марков. Сибирь).

В подобных случаях с *даже* соотносится частица *аж*, которая вносит в предложение разговорно-просторечный оттенок. Различия их состоят в том, что *аж* обычно относится к сказуемому, выделяя, усиливая его значение, тогда как частица *даже* может быть и при других членах предложения.

Даже и *аж* употребляются и в сложном предложении, в котором первая часть с союзом временного значения указывает на быстроту, внезапность или мгновенность действия, а вторая имеет следственно-временное значение. Обе частицы, употребляемые во второй части, усиливают это значение неожиданности следствия. Поскольку подобные предложения свойственны непринужденно-разговорной речи, то чаще в них встречается частица *аж*: «Да как стали жечь, Как давай палить. У Деникина Аж живот болит». (Есенин. Песня о великом походе); «Ранили [меня] сначала вот сюда в левую руку пониже локтя, потом как жигануло под лопатку, у меня аж дыхание захватило» (Фадеев. Последний из удаге).

Та и другая частицы употребляются и в сложном предложении, в придаточной части которого говорится о степени качества или мере количества с указанием на следствие. В придаточной части они подчеркивают значение действия, степень качества или меру количества до определенного предела. Выбор частицы здесь определяется экспрессивно-эмоциональной окрашенностью предложений: «Они [богини] ревнивы так, что это даже странно»

(Р. Рождественский. Вогни); «До того ползу к земле тесно, что грязь аж в голенища залезает» (Симонов. Дни и ночи).

Частица *аж* в простом предложении подчеркивает указание на пространственный, временной, количественный или качественный предел. Подобные предложения характерны для разговорной речи: «— И знаешь, куда она улетала? На край света! Аж на Курилы!» (Бабаевский. Белый свет); «— Вон в гражданскую аж четырнадцать держав обложили нас с четырнадцати сторон, а что вышло?» (Авдеев. Гурты на дорогах); «— Эдак мы сколь пройдем? — Пройдем аж до самой осени» (Вс. Иванов. Андрейша). Замена *аж* частицей *даже* в подобных случаях не всегда возможна.

Даже и *аж* употребляются также в сложном предложении, когда они выступают не только в роли частицы, но и союза, являясь средством связи членов или частей предложения.

Союзная частица *даже* может соединять однородные члены предложения, акцентируя внимание на одном из них: «Речь идет не о пьесе, *даже* не о сценической композиции или инсценировке поэмы, а о поэме, разыгранной на сцене без каких-либо переделок в ее тексте» (Твардовский. Реплика автора); «Он приезжал всегда прекрасно, *даже* франтовато одетый» (Каверин. Два капитана).

Однородный член, присоединяемый союзной частицей *даже*, может конкретизировать и уточнять слова *все, всякий, всегда, никто* и т. п., указывающие обобщенно на какой-либо объект, обстоятельство и т. п.: «[Ольга]: Всякая, *даже* малейшая грубость, неделикатно сказанное слово волнует меня» (Чехов. Три сестры); «Чувство вины неотвяжно томил меня, но я не мог никому признаться в нем, *даже* самым близким людям» (Нагибин. Переулки моего детства).

Такой однородный член является как бы добавочным, дополнительным. С предыдущим однородным членом он находится в присоединительных отношениях. Поэтому иногда в речи он может быть отделен паузой, а на письме — точкой: «Тоска по старшему сыну грызет его, не раз втайне ронял он по нем скупые слезы. Но никто не ведает об этом. *Даже* жена» (Марков. Сибирь).

Союзная частица *даже* может присоединять часть сложносочиненного предложения, в которой подтверждается и конкретизируется мысль, высказанная в предыдущей части. С предыдущей частью предложения она находится в присоединительных отношениях, поэтому может быть как в составе сложносочиненного предложения, так и вне его, как самостоятельная присоединительная часть: «Она замерла, *даже* руки к груди приложила — так колотилось сердце» (Горбатов. Обыкновенная Арктика); «Шлем, украшенный пышным султаном, выглядел совершенно так же, как у рыцарей Вальтера

Скотта. Даже забрало поднималось и опускалось» (Катаев. Белеет парус одинокий).

Даже присоединяет и такую часть сложного предложения, в которой обычно выделяется объект, действие или обстоятельство, с которым связывается действие, не соответствующее ожидаемому или обычному: «[Мы] мерзнем на ходу, на привалах, даже за едой никак не согреться» (Каверин. Два капитана); «Спали они потом крепко, по-детски. Даже хриплые вопли петухов... не могли прогнать сладкий их сон» (Паустовский. Карабугаз).

Условия употребления союзной частицы *аж* несколько иные. Она не употребляется для соединения однородных членов предложения. Как союзная частица, она используется в сложном предложении, в первой части которого могут быть слова *так, такой, до того*, указывающие на определенную степень качества или меру количества. Обычно в подобных предложениях вторая часть присоединяется союзом *что*. При его отсутствии *аж*, выдвигаемая на первое место, выполняет и функции союза и частицы, усиливающей значение степени качества: «— Кругом весна, солнышко-то, матушка, так и греет, так печет, аж глазам больно» (Серафимович. Под землей); «— Это батька мой, — потянув носом, сказал Степа Огарнов. — Их, аж дрожить, до чего злой...». (Павленко. Счастье).

При отсутствии слов *так, такой, до того* отношения следствия в предложении сохраняются: «— Захожу к нему на днях, у него накурено, аж сине!» (Коптяева. Иван Иванович); «— Но скажу тебе, Катюша, хоть он и молод, а в своем деле гораздо был. Бывалоча, схватятся они с профессором в споре, аж страх берет» (Марков. Сибирь).

Союзная частица *аж* употребляется также в сложных предложениях с союзом *как*, в которых выражается значение мгновенного или быстро происходящего действия. *Аж* присоединяет вторую часть предложения, усиливая в то же время значение неожиданности следствия: «— Вот я в Мурманске и познакомился с ним. — До сих пор как вспомню, аж волосы дыбом встают! (А. Гончаров. Наш корреспондент); «Тут как даст вблизи тяжелый, Аж подвинулась земля!» (Твардовский. Василий Теркин).

Итак, замена одной частицы другой не всегда возможна. Если же такая замена возможна, всегда будет изменяться экспрессивно-эмоциональная насыщенность предложения.

Р. П. РОГОЖНИКОВА
Ленинград

ПОСЛОВИЦЫ НЕ УМИРАЮТ

Русский народ вправе гордиться своими чрезвычайно меткими, остроумными и образными пословицами и поговорками. Они выражают его национальную самобытность и как художественный жанр русского народного творчества, и как самое характерное проявление народного красноречия.

В статьях, письмах и отдельных высказываниях великих русских писателей можно найти немало восторженных отрывков о художественной ценности русских пословиц и поговорок. Вот как восхищался ими А. С. Пушкин: «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!». Большим другом русских пословиц был Н. В. Гоголь. Он считал, что в наших пословицах «видна необыкновенная полнота народного ума, умевшего сделать все своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного изображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое проникает насквозь природу русского человека, задирая за все ее живое».

Особенно много высказываний о пословицах и поговорках оставил нам А. М. Горький, который подметил их самые характерные черты, а именно — яркую народную афористичность: «В простом слова самая великая мудрость: пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги», и их большое социально-историческое значение: «Пословицы и поговорки образцово формируют весь жизненный, социально-исторический опыт трудового народа».

В нашу эпоху советские люди в своей речи употребляют многие старые пословицы, отражающие прогрессивное мировоззрение трудовых масс, и сами сочиняют новые, из которых особенной меткостью и остроумием отличаются пословицы, созданные в годы Великой Отечественной войны, например: «К нам — на танках, а от нас — на санках» и т. д.

Несколько лет я собирала пословицы и поговорки в русских деревнях Карелии и в Петрозаводске. Моей целью было изучение бытования пословиц и поговорок в нашем обществе, поэтому я за-

писывала их в контексте, беседуя с людьми. Большую помощь в деле изучения жизни пословицы оказала мне семидесятилетняя Елена Васильевна И., родившаяся и выросшая в Заонежье. В Петрозаводск она переехала вместе с мужем, печником по профессии, но со своими земляками сохранила родственные и дружественные связи.

Однажды Елена Васильевна, беседуя со мной, сказала: «Растворила я пироги, а силенок печь стопить не хватает. Вот и выходит: люблю мне кататься, а не люблю саночки возить». Эту пословицу записала я в нескольких синтаксических вариантах: Любишь кататься, люби и саночки возить; Полюбилось тебе кататься, полюби и саночки возить; В своей жизни я все саночки вожу, а про катанье и забыла; Любит Вова кататься, пришлось и саночки повозить; Любо кататься, да не любо саночки возить; Эх, кабы нам кататься, да саночки не возить; Каждому хочется покататься, да не каждый горазд саночки возить; Твоему зятю хочется только покататься, а не саночки возить; Кому кататься, а кому саночки возить.

Удалось заметить, что в спокойном состоянии Елена Васильевна полностью произносит пословицу, например: «Не плюй в колодез, пригодится воды напиться», но если чем-то взволнована и говорит более быстрым темпом, то пословицу она сокращает: «Не плюй в колодез!» или «Не плюй в колодез, пригодится!».

Обладая эмоциональной, очень выразительной речью, Елена Васильевна с помощью одной интонации могла изменить смысл пословицы. Например пословица «Нашему теляти да волка поймати» в разных контекстах и ситуациях приобретала совершенно иные значения. Внук Елены Васильевны сдал трудный экзамен на отлично. «Нашему теляти да волка поймати»,— воскликнула она с бодрой интонацией, выражая пословицей неожиданную радость по поводу этого события. Хвастливый родственник Елены Васильевны обещает собрать много грибов в предстоящей поездке в деревню. «Нашему теляти да волка поймати»,— замечает Елена Васильевна со слегка насмешливой, недоверчивой интонацией. Этот родственник вернулся домой без грибов. «Где уж нашему теляти да волка поймати»,— насмешливо вздыхает Елена Васильевна.

Как-то раз, услышав пословицу Елены Васильевны, я сказала ей: «Пословица к слову молвится». «Неверно это ты говоришь,— возразила она.— Пословица завсегда к делу молвится, а к слову ее притягивают разве болтуны». Ко всяким жанрам русского фольклора Елена Васильевна относилась с большим уважением, но пословицы особенно любила. Поэтому она обижалась, если кто-нибудь при ней искажал их текст. Однажды какая-то старушка при Елене Васильевне искажала пословицу таким образом: «Куда конь с

копытом, туда жаба с клешней». — «Но где же у жабы клешни? Что ты челуху говоришь!» — мгновенно остановила ее Елена Васильевна. — «От людей я это слышала, не сама выдумала» — обиженно сказала старушка. — «Может и другие люди не знают, что у жабы нет клешней. А только эту пословицу надо правильно так сказать: „Куда конь с копытом, туда и рак с клешней“», — поправила ее Елена Васильевна.

Она часто повторяла: «Пословица русским умом крепка», выражая мысль о том, что пословица есть проявление народной самобытности в речи. Я спросила Елену Васильевну, почему она всегда говорит только первую половину пословицы «Не все коту масленица, придет и великий пост». — «Да кто ж нульку посты-то выполняет? Не к чему про них и вспоминать», — ответила мне она. Тогда я задала Елене Васильевне такой вопрос: «Можно ли пословицу „Не все коту масленица“ заменить так: „Не все псу масленица“?» — Ой, и придумала же ты! — сказала Елена Васильевна. — Ну кто ж про собаку такое скажет? Ведь кот-то ленив да шkodлив. Он на масленке не мало вкусятники сворует, да и сама хозяйка его напотчует. Недаром про кота сказывают „Кто воровит, сладко йись коровит“. А пес-то трудовик. Он дом сторожит и хозяину полесовать пособляет. А сам-то, горемыка, на цепи в конуре голодает и холодает. Кака же у его масленица?».

Из подобных бесед с Еленой Васильевной и другими хранительницами народной мудрости я выяснила, что в пословице художественный образ создается столь же бережно и заботливо, как и в остальных жанрах фольклора. Стремление народа четко и образно передать основную мысль и мораль пословицы проявляется в высокой степени реалистичности и художественности заложенно-го в ней сравнения.

Пословицы Елены Васильевны можно по их целенаправленности разделить на следующие группы: 1) утешительные, ободряющие человека; 2) морализующие; 3) саркастические, высмеивающие недостатки и пороки людей.

Любила Елена Васильевна ободрять окружающих ее людей, которые, видя сердечное участие к их переживаниям, охотно делились с ней своими горестями. В этих случаях Елена Васильевна часто вставляла в свою речь пословицу «В мире не одни двари». Придет к Елене Васильевне соседка и жалуется на несправедливое отношение к ней. «Полно горевать, Людушка, — утешает ее Елена Васильевна, — все помаленьку образуется. В мире не одни двари. Найдется и тебе хорошее место. Не без добрых душ на свете».

Морализующая группа пословиц выполняла воспитательную функцию в беседах Елены Васильевны. Как-то раз ее внук расска-

звал бабушке, что его товарищ Толя обещал ему принести хорошие лыжи к лыжному соревнованию и не принес, а понадеявшийся на него внук Елены Васильевны не взял лыж из школы и опоздал на соревнования. — «Ох ты, мой растяпушка, — ласково журила внука бабушка, — не даром говорят: „Не надейся, дед, на чужой обед.“ Уж я ли тебе не говаривала, чтоб ты с этим парнем не водился. Гусь свинье — не товарищ. У их вся семейка безалаберная». — «А тебе-то, бабушка, что за беда, что я с ним дружу?». — «Как же мне не беда? Да ведь с кем поведешься, от того и наберешься. Не ровен час таким же, как Толька, пустобрехом станешь. То-то и оно-то».

Иногда друзья Елены Васильевны жаловались на неблагодарность своих детей. «Не горюй, Сергеевна, — утешает обиженную мать Елена Васильевна. — Какой ложкой кормят, такой и их судьба попотчует. Отольются кошке мышкены слезки» и т. д. Жалуются Елене Васильевне соседка, что ее корова мало дает молока, а у Елены Васильевны уже и пословица на эту тему готова: «Надо твою коровушку получше кормить, тогда и молока больше получишь. Свекровушка моя не даром сказывала: „Молоко-то у коровы на языке“».

«Бабушка, ты видела, как Нэрка своих щенков бережет, — обращается к Елене Васильевне внук, — никого к когуре не подпускает, на меня рычит, а шерсть дыбом». — «Уже так на свете устроено, Коленька. И у кошки котя такое же дитя. Вот и для Нэрки ее щенята — любимые ребята. А ты слышал сказку про коршуна, сову и совят?». — Не слышал я. Расскажи, бабушка, — просит ее Коля. — «Что ж расскажу, а ты слушай да на ус мотай».

— Жили-были коршун да сова. Завелась промеж ними дружба. Встретились они в лесу. Сова стала просить коршуна: „Знаю я, куманек-коршун, что ты любишь чужими детьми-птенцами полакомиться. Только мы теперь с тобой дружбу завели. Дак ты уж не губи моих малых детушек“. — „А как же я узнаю, кума-сова, которые птенцы твои дети?“ — спросил сову коршун. А сова ему так ответила: „Мои дети самые красивые изо всех птенцов. Таких красивцев-птенцов ни у одной птицы нету“. — „Ладно, кума-сова, не съем я твоих красивых детей. Ты на меня надейся“, — пообещал ей коршун и улетел. — Захотелось коршуну йнсь. Увидел он гнездо на дереве. Подлетел к нему поближе, заглянул в гнездо. А там сидят такие птенцы, настоящие уроды. Сами голые, ни пуха, ни перья на йих нет. Рты большущие, глаза на выкоте, круглые, как колеса. — „Ну таких страшил можно мне и съесть“, — решил коршун и всех сожрал. А это и были совиные дети, которых сова самыми красивыми называла. Так и каждая мать своих детей за самых наилучших почитает».

Морализующие пословицы ярко, образно и кратко выражают или подтверждают взгляды Елены Васильевны на отдельные явления жизни, на поступки людей, на их отношения друг к другу, помогая ей воспитывать внуков, родственников и друзей.

Сатирические пословицы, с их острым и веселым народным юмором, Елена Васильевна обращала против пороков и недостатков, которые она стремилась искоренить с помощью едкой насмешки.

Крепко спит внук Елены Васильевны утром в воскресный день, и неугомонная бабушка подходит к нему, к его кровати: «Ну вставай, засоня, да живенько садись за свои уроки. Рыбка свежа не прядя лежа [к лежащему]. Эдак и свою стипендию проспишь». Соседка Елены Васильевны в беседе с ней расхваливает свою дочь. «Да, Семеновна, хороша твоя дочка,— скажет она.— А только знаешь пословицу „Хороша дочка Аннушка, хвалят мать да бабушка“? Главное, чтобы чужие люди похвалили, а своих-то детей и ворона беленькими зовет. Так-то».

Как-то принес с рыбалки крупных окуней внук Елены Васильевны. Хочется ему скорее свежей рыбы поесть. Высыпал он окуней на кухонный стол и стал быстро чистить. Увидела это Елена Васильевна, всплеснула руками: «Ах, грех-то какой! Всю кухню чешуей заляпал! Теперь видать, что наша Маланья пироги пекла, ая и ворота в тесте». Увидела Елена Васильевна, что ее невестка неудачно впила в кофту рукава и говорит ей: «Все-то ты спешешь, Катенька. У тебя получилось: „Тяп-ляп— вот и корабль“». Скоро, да не споро».

Изучая жизнь русских пословиц и поговорок Карелии, я, естественно, не могла пройти мимо вопроса об их употреблении в речи отдельных слоев населения. По моим наблюдениям, в сельской местности пословицы можно услышать чаще, чем в городе. Часто употребляет пословицы в своей речи старшее поколение колхозников, реже — среднее, а часть колхозной молодежи, недооценивая национальную самобытность и воспитательную функцию пословиц, избегает их употребления. В беседах с молодежью я иногда задавала такой вопрос: «Почему вы так редко вводите пословицы в свою речь?».— «Это же пережиток старого времени»,— получала я ответ от некоторых девушек и молодых людей. А представители сельской интеллигенции говорили так: «Пословицы нарушают нормы литературного языка, так как в некоторых из них есть неправильные грамматические формы и нелитературные слова. Поэтому мы избегаем их в своей речи».

В Петрозаводске пословицы и поговорки встречаются реже, чем в деревнях Заонежья и Пудожского района. Причем возрастная частотность употребления пословиц здесь та же, что и в сельской

местности. Отмечу, что мои наблюдения над употреблением пословиц в речи горожан были профессионально ограниченными. Я вела их главным образом над речью преподавателей и студентов филологического факультета Карельского пединститута. Среди преподавателей филфака мне встречались друзья и враги употребления пословиц в своей речи. Друзья, как правило, обладали образной и выразительной манерой говорить, которой пословицы придавали русский национальный колорит и народное остроумие. Противники почти всегда отличались унылым и серым стилем речи, единственным достоинством которого было строгое соблюдение норм литературного языка.

Среди студентов были тоже друзья и недоброжелатели пословиц и поговорок. По моим наблюдениям, студенты — друзья пословиц и поговорок обладали хорошим филологическим вкусом и природным остроумием, что очень помогало им на педагогической практике и при сдаче экзаменов по литературе.

Подобно народной песне, пословица — гордость русской национальной культуры. Но если сравнить бытование этих двух фольклорных жанров в нашем советском обществе, то бросается в глаза большое различие в их судьбе. Русская народная песня заняла подобающее ей прочное положение. Ее исполняют на концертах лучшие певцы Советского Союза, коллективы самодеятельности популяризируют среди городского и сельского населения, лучшие композиторы пишут произведения на ладовой основе народной песни. Такой активный друг народной песни, как радио, вводит ее иногда даже в передачи для самых маленьких.

А вот бытование пословицы и поговорки в нашем обществе не дает возможности прийти к таким оптимистическим выводам. Пословица в речи молодежи встречается все реже и реже. Увлеченная стремлением к соблюдению норм литературного языка, молодежь явно недооценивает значения пословиц и поговорок. Нет, культура речи — это не только соблюдение норм литературного языка, но и соединение этих норм с красноречием, национальной основой которого должна быть именно народная фразеология, то есть пословицы, поговорки и идиомы.

В. В. СЕНКЕВИЧ-ГУДКОВА

НОВОЕ ПОСОБИЕ ПО КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

В издательстве «Наука» вышел в свет подготовленный Словарным сектором Института русского языка АН СССР словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под редакцией К. С. Горбачевича. Словарь охватывает не всю лексику современного русского языка. Сюда включены лишь те слова или их формы, которые допускают вариантность, вызывают колебания и трудности или представляют собой отклонение от нормы.

Вариантность (наличие в языке разных способов выражения одного и того же содержания) — неизбежное следствие языковой эволюции, предполагающей временное сосуществование старого и нового. Словарь дает нормативные оценки таких вариантов в современном русском литературном языке. Здесь можно найти ответ на вопрос, какой из вариантов предпочтительнее, каковы стилистические или грамматические их различия и в каких условиях, где и когда следует употреблять тот или иной вариант. В Словаре отражены и равноценные варианты, то есть такие, которые не имеют различий в современном литературном словоупотреблении.

В Словаре проявилось осторожное, хорошо продуманное и опирающееся на объективные процессы в современном словоупотреблении отношение к квалификации различного рода трудностей и колебаний нормы, к выдвиганию на первый план общепринятых вариантов, к оценке тех явлений, которые представляют собой различного рода ошибки и отклонения.

Составители стремились к максимальной объективности нормативных рекомендаций, основывая их на анализе семантико-грамматических разрядов лексики современного русского литературного языка.

Словарь показывает и оценивает:

а) акцентологические варианты: кле́ить — клеи́ть, то́тчас — тотча́с, мы́шление — мышле́ние;

б) произносительные варианты: молочный — молошный, будничн^{ый} — буднишн^{ый}, искренно — искренне, тождество — тожество;

в) формально-грамматические варианты слов: клавиш — клавиша, ставень — ставня, накапливать — накапливать, опоражн^{ивать} — опорожн^{ять}, освоивать — осваивать, обусловливать — обуславливать, лазить — лазать, мучить — мучать, достигнуть — достичь;

г) формообразовательные варианты: сахара — сахару, кваса — квасу, из леса — из лесу, будней — буден, напои — напои, изобретши^й — изобрёвши^й;

д) одна из задач Словаря — предупреждение типичных, распространенных в речи ошибок. В Словаре показываются с этой точки зрения слова различных грамматических категорий, в пределах которых проявляется действие не одного, а двух и более правил формообразования, ударения или произношения: лекторы, но профессорá; калмыков, но осетин; кулбнов, но аршин; сладкий — слаще, но редкий — реже;

е) Словарь показывает и оценивает некоторые типы семантических ошибок: смешение в употреблении паронимов (абонент — абонемент, эмигрант — иммигрант), тавтологические сочетания (проливной ливень, промышленная индустрия);

ж) дается широкая характеристика вариантов управления, предложных сочетаний: курировать кого — курировать кем; из кухни — с кухни; отзыв о чем — рецензия на что;

з) в Словарь включены также некоторые разряды слов, связанные со стилистическими ошибками. Так, Словарь предостерегает от употребления их в несвойственных для них контекстах или условиях, указывает на нежелательность использования стертых штампов и т. п.

Оценка языковых фактов подкрепляется цитатами из художественной, политической, научной, научно-популярной и др. литературы. Иллюстрации дают образцы правильного, нормативного употребления слова, подтверждают колебания (вариантность) в современном словоупотреблении, указывают на нормативное или стилистически ограниченное употребление слова или формы, предостерегая тем самым от различного рода ошибок. Для этого использу-

ется также ряд помет: «допустимо», «неправильно» и набор стилистических характеристик: «высокое», «разговорное», «просторечное», «профессиональное» («в профессиональной речи»), «устарелое», «устаревающее».

В приложении к словарным статьям описываются те трудности современного литературного языка, которые распространяются на целые разряды слов, а также намечаются определенные тенденции изменения и развития нормы современного словоупотребления.

Одна из особенностей Словаря — стремление отразить новые явления в языке нашего времени с учетом традиционной нормы.

Доктор филологических наук
Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

ОБРАЗЦЫ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

АБОНЕМЕНТ — АБОНЕНТ. Недопустимо употр. *абонемент* (право пользования чем-либо в течение определенного срока; документ, удостоверяющий это право) вм. *абонент* (лицо, пользующееся абонементом). Правильно: Абонемент в театр, на цикл лекций. Абонент телефонной сети.

АБОНИРОВАТЬ(-СЯ) и устарелое **АБОНИРОВАТЬ(-СЯ)**, сов. и несов.

АНФАС. Нареч. *анфас* и допустимо *в анфас*. «Я рисовал ее в Бомбее... рисовал в профиль, анфас, — все было похоже и все-таки было не то» («Литературная газета», 26 января 1956); «Поверхность стола вдоль и поперек изрисована одним и тем же лицом — Катя анфас, в профиль, в три четверти» (Уварова. Роза ветров); «Меня сфотографировали анфас и в профиль» («Ленинградская правда», 17 февраля 1966); «Некоторые режиссеры остерегались снимать крупные планы иначе как в анфас. Считалось необходимым показывать рот, губы говорящего» (Гардин. Воспоминания); «В профиль она вообще некрасива, на нее надо смотреть в анфас» (Чириков. Молодецкий курган); «С газетного листа смотрят на читателя заснятые в профиль и в анфас... полеводы и животноводы» («Правда», 14 июля 1954).

Сочетание *в анфас* возникло в результате забвения буквального смысла (франц. en face «в лицо») и влияния параллельных конструкций *в профиль*, *вполборота* и т. п.

АТАКОВАТЬ, АТАКУЮ, АТАКУЕШЬ, сов. и несов., проп. *атаковбл.*, *атаковбл.*, *атаковбл.* — обычно сов.; *атакбываать*, проп. *атакбываал.*, *атакбывала.*, *атакбывало.*, несов.

— «Но части вашего правого фланга будут атаковать по воде, — сказал дивизионный комиссар» (Березко. Ночь полководца);

«В часы, когда Пушкин боролся со смертью и мучился от боли, светское общество атаковывало нидерландское посольство, выражая Дантесу свое удовольствие по поводу того, что он счастливо отделался от дуэли легкой контузией» (Федин. О Пушкине); «Финны непрерывно атаковывали. Несколько раз наши бойцы переходили в контратаку» (Саянов. В боях за Ленинград).

Не рекомендуется употр. формы наст. врем. от глаг. *атаковывать*, следует использовать формы наст. врем. от глаг. *атаковать*. Противник атакует (не атаковывает).

БЕЖ, неизм. прил. и **БЕЖЕВЫЙ**.

«На ней куртка прямой формы цвета беж» («Комсомольская правда», 28 ноября 1956); «Фрески изображали богиню Аврору... Она летела по небу среди бежевых облаков» (Паустовский. Время больших ожиданий); «Она умылась на кухне, отстирала кровь на бежевом с розами платке и покорно ушла» (Лебедеenko. Дом без привидений).

В официально-деловой речи предпочтительнее *беж*. Драп цвета беж.

БЕСЕДА. Беседа о ком, чём, беседа на тему и разг. беседа про кого, что. Беседа о выборах в Верховный Совет.

«Его понятные беседы о каждой мелочи земной Раскрыли цель и путь победы Над тем, кто сделал мир тюрьмой» (Безыменский. Петербургский кузнец); «Эмоциональность в высшей степени свойственна публицистической статье, ораторской речи, даже беседе на животрепещущую тему» (А. Федоров. Язык и стиль художественного произведения); «Идет пирушка все шумней, И все теплей беседа: Про жизнь, про степь да про коней» (Щипачев. В гостях у коневодов).

Не следует употреблять словосочетание *беседа (по чему)*.

«Им рассказали о том, как помочь агитаторам проводить беседы в бригадах и на участках по решениям Пленума» («Вечерняя Москва», 19 апреля 1965).

БЕСПОКОИТЬСЯ. Беспokoиться о ком, чём и допустимо: *беспокоиться за кого, что*.

«Вчера отправились на фронт ее муж и два брата. О младшем она очень беспокоилась» (В. Каверин. Два капитана); «О книге не беспокойтесь. Верну в целости» (Клещенко. Распутица кончается в апреле); «[Дима:] Вы не беспокойтесь за сестру. Что-нибудь придумаем» (Розов. Странницы жизни); «В „Комсомольской правде“ было опубликовано письмо членов экипажа легендарного ледокола „Ермак“, в котором они беспокоились за судьбу ледокола» («Комсомольская правда», 25 декабря 1963).

БОРДО, неизм. прил. и **БОРДОВЫЙ**.

«Одетой, по старине, в шелковую головку... и шелковую цвета бордо кофту» (М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина); «Крепкая шея стянута накрахмаленным воротником сорочки, бордовый галстук, костюм цвета кофе с молоком» (Тендряков. Короткое замыкание).

В научной и официально-деловой речи предпочтительнее форма *бордо*. Платье цвета бордо.

ГРУСТИТЬ, ГРУЩУ, ГРУСТИШЬ. Грустят *о ком, чём*, допустимо: грустить *по кому, чему*, и устарелое: грустить *по ком, чём* (неправильно: грустить *за кем, чем*). Грустить о муже. Грустить по брату. Грустить по дому.

«У нас пропала собака... Мы, и мама тоже, очень грустили о ней» (А. Цветаева. Из прошлого); «И словно сердце ранит Напев ее речей, О ней тоскует странник, Всю жизнь грустит по ней» (Саянов. Онего)... «Всё грустит по муже, — говорил староста, указывая на нее» (И. Гончаров. Обломов).

То же — *загрустить*.

«Виктор загрустил о доме, а все подбадривали его» («Комсомольская правда», 20 ноября 1968); «А когда война кончилась и пришлось сбросить погоны, вдруг загрустил по ним» (В. Некрасов. Месяц во Франции).

ГРУСТЬ, мн. употр. только в просторечном выражении *в грустях*.

«Что — ты всегда в грустях, друг мой? — Есть причины» (Л. Никулин. Мертвая зыбь).

Грусть *о ком, чём* и допустимо *по кому*, устарелое: грусть *по ком* (неправильно: грусть *за кем*). Грусть по отцу.

«Слушайте — грусть о металле льется по нашей стране» (Жаров. Песня о металле).

ЖЕСТОКИЙ, кр. формы *жесток*, *жесток* (и устарелое *жесток*), *жестко* (не *жесток*), *жестки* и разг. *жесток*; сравн. ст. *жесточе* и устарелое *жесточее*, превосх. ст. *жесточайший* (редко), обычно употр. описательная форма — *самый жестокий*...

«Серый дождь полонил полземли, Прутья мокрые хлещут жестоко [нареч.]. К югу, к югу летят журавли, А тебе все к востоку, к востоку» (Долматовский. Пропал без вестя); «Законы дружбы жестоки. Большая боль таится в том, чтоб другу, ставшему врагом, суметь не протянуть руки» (Алигер. Зима этого года); «В памяти моей хранится множество виденных случаев зверств и жестокости во время пьяных престольных драк. Но не было случая жестокого и страшнее, чем случай с Васей, происшедший еще в 1933 году» (Солоухин. Капля росы).

Пример устарелого употребления:

«Я вижу, что радость и блаженство даны человеку для того, чтобы он сильнее страдал, жесточее мучился» (В. Белинский. Письмо В. П. Боткину, 12 августа 1840).

ТЮЛЬ, род. *тюля*, м. (не *тюль, тюли, ж.*). Черный тюль. «Светло окно, проявляло ажурный рисунок тюля, горланили петухи» (Карпов. Не родился счастливым).

Мн. *тюли*, род. *тюлей* — употр. при обозначении сорта, видов.

«Шелка, тюли и бархаты, море материй...» (А. Цветаева. Из прошлого).

ОБ ИНТОНАЦИИ ВВОДНЫХ И ВСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Многие исследователи считают вводные и вставные предложения находящимися «вне предложения». Основанием к такому толкованию послужило прежде всего то, что эти предложения будто бы не имеют «видимой» смысловой и грамматической связи с основным предложением. Однако это далеко не так. Исключение вводных и вставных предложений лишает все предложение его стилистической окраски, обедняет как само предложение, так и весь контекст в целом. Относительная изолированность вводных конструкций, их как бы добавочный, сопутствующий характер, вовсе не допускает возможности исключения их из предложения без нарушения его структуры и содержания в целом. В исследованиях вопрос о разграничении вводных и вставных конструкций часто обходится. Важным средством разграничения вводных и вставных предложений может быть интонация. Между нею и смыслом предложения существует тесная связь.

Прежде чем анализировать интонацию вводных и вставных конструкций, напомним, что основными элементами интонация выступают мелодика, паузы и темп. Важнейшим из них является мелодика (повышение или понижение основного тона), которая служит не только для членения речевого потока, но и связывает отдельные его части. Поэтому при изучении интонации вводных и вставных предложений основное внимание обращают на мелодику, а затем на паузы и темп.

Вводные предложения, которые находятся внутри основного предложения, соединяются с ним без паузы. После вводного предложения пауза обычно имеется. Произносятся вводные предложения ровно-нисходящим или нисходящим тоном значительно ниже

основного. Иногда наивысшая мелодическая точка вводного предложения достигает уровня самой низкой мелодической точки основного. В таких случаях вводное предложение полностью выпадает из общего мелодического уровня основного текста.

Это относится к бессоюзным вводным предложениям: «Мы, я думаю, для тебя тоже не чужие» (Паустовский. Повесть о лесах) и к предложениям с относительным словом *как*: «Твой отец, как ты знаешь, тогда увлекался всем русским» (Ал. Алтаев. Памятные встречи).

Мелодический рисунок основной части, которая предшествует вводной, зависит от ритмической структуры слова, предшествующего вводному предложению; мелодика имеет восходящий характер при односложном слове или слове с ударением на конечном слоге: «Я, как вы понимаете, не имею права направить вас прямо в часть» (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке) и восходяще-нисходящий — если перед вводным предложением находится слово с ударением не на конечном слоге: «Приезжие, казалось ему, только все охавали и критиковали» (В. Ажаев. Далеко от Москвы).

Вводные предложения в позиции после основного присоединяются к нему без паузы с ровно-нисходящей или нисходящей мелодикой. На характер интонирования основного предложения они влияния не оказывают: «Любовь к книгам бывает двойная, как это показывают примеры собирательства» (Н. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах).

Особо выделяются вводные предложения с относительным словом *как*, стоящие перед основным: «Как и предполагал Воропаев, старик оказался очень недоволен появившемся иностранцем» (П. Павленко. Счастье).

Такие вводные предложения образуют самостоятельный восходяще-нисходящий мелодический рисунок. Произносятся они на одном мелодическом уровне с основным предложением, а иногда и несколько выше последнего. Между вводным предложением и основным пауза, как правило, отсутствует.

Вставные конструкции, в отличие от вводных, образуют самостоятельную синтагму с восходяще-нисходящим мелодическим рисунком и отделяются от основного предложения с двух сторон значительными паузами. Как и вводные, вставные предложения произносятся на более низком мелодическом уровне по отношению к основному, но, в отличие от вводных, они никогда не выпадают полностью из общего мелодического уровня основного предложения. Характер мелодики основного предложения полностью зависит от акцентной структуры основной части, которая предшествует вставной.

Несколько слов о темпе произнесения основного предложения по сравнению с темпом вводных и вставных предложений.

Вводные предложения (бессюзные и с относительным словом *как*) и вставные в середине основного предложения всегда произносятся более быстрым темпом по сравнению с основным. Точно так же произносятся вводные предложения с относительным словом *как* в положении после и перед основным. Бессюзные вводные предложения после основного произносятся более медленным темпом по сравнению с предшествующим основным. Следовательно, нельзя говорить о более быстром темпе произнесения абсолютно всех типов вводных предложений.

Интересно отметить, что основное предложение с находящимся внутри него вводным или вставным произносится неравномерно: часть, следующая за вводным (вставным), произносится быстрее, чем предшествующая часть основного.

Р. М. РОМАНОВА

О ВНЕВРЕМЕННОМ ЗНАЧЕНИИ

Слово *время* в современном русском языке многозначно. В словарях отмечается прежде всего его значение как философского термина: «объективная форма существования бесконечно развивающейся материи».

В грамматике *время*, когда происходит действие, обозначается формами настоящего, прошедшего и будущего времени: читаю, читал, буду читать. Однако предложения с этими же формами могут и не обозначать, что действие происходило в прошлом, происходит сейчас или будет происходить в будущем. Например: «Моя подруга всегда хорошо одевается»; «Наперед не узнаешь, где найдешь, где потеряешь»; «Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву».

Во всех этих примерах мы употребляем формы настоящего, прошедшего или будущего времени, но формы эти не обозначают, что действие происходит именно сейчас, в момент речи, происходило когда-то или должно произойти. Здесь действие мыслится как постоянный признак, черта, свойство, которые проявляются не в какое-то определенное время, а всегда, постоянно, вне времени. Такое значение можно назвать *вневременным*.

При *вневременном* значении формы времени могут заменяться одна другой, и смысл высказывания от этого не изменяется.

В современном русском языке время может выражаться не только специальными формами времени глагола, но и при помощи связки, которая в настоящем времени, как правило, не употребляется: он учитель, он был учителем, он будет учителем. Такое обозначение времени называют синтаксическим. И в области синтаксического времени может возникать вневременное значение: «Его зовут Юрой»; «Москва — столица СССР».

Вневременное значение в современном русском языке, несмотря на его распространенность и в устной и в письменной речи, изучено еще очень мало. Даже само понятие вневременности в лингвистической литературе толкуется по-разному. Так, академик В. В. Виноградов и его последователи считают вневременное значение основным грамматическим значением формы настоящего времени. Другие лингвисты указывают, что вневременное значение, то есть значение действия, которое осуществляется вне ограниченный времени, всегда, обычно, постоянно, может проявляться и в глагольных формах прошедшего и будущего времени: «Русский человек, читая Пушкина, непременно слезу уронит, будь он даже такой солдафон, как я» (Шолохов. Они сражались за Родину). Этот взгляд на вневременность отражен в «Словаре лингвистических терминов» Ж. Марузо.

Интересные наблюдения и выводы относительно значений и употребления форм времени глаголов совершенного и несовершенного видов опубликованы в книге А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» (Л., 1967). Понятие вневременности шире толкуется в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, где говорится не только о вневременном действии: «Земля вращается вокруг Солнца», но и о вневременном значении предложений: «Сумма углов треугольника равна 180° ».

Если обобщить все эти сведения, то можно прийти к выводу, что вневременность характеризует действие, явление или состояние как должноствующее быть всегда, во все времена, присущее всем лицам или предметам вообще и каждому в отдельности.

Вневременное значение в современном русском языке может употребляться в любом речевом стиле и в любом функциональном стиле (соответствующем основным функциям языка: общения, сообщения и воздействия): научном (функция сообщения), общедокументальном (функция сообщения), общедокументальном (функция сообщения), официально-документальном (функция сообщения), публицистическом и художественно-беллетристическом (функция воздействия).

Особенно часто вневременное значение встречается в научном стиле. Можно даже сказать, что вневременное значение свойственно этому стилю, так как именно здесь сообщаются какие-то зако-

вомерности, общие правила, делаются выводы и обобщения. Например: «Распределение слов по частям речи не остается в языке неизменным, а рядом с устойчивой принадлежностью подавляющего большинства слов к той или другой части речи наблюдаются случаи перемещения отдельных слов из одной части речи в другую» (А. Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Т. 1. М., 1967, стр. 143); «Проводники могут заряжаться также и под действием света. Явление заключается в том, что под действием света электроны могут вылетать из проводника в окружающее пространство, благодаря чему проводник заряжается положительно». (Элементарный учебник физики под ред. Г. С. Ландсберга. Т. 2. М., 1967, стр. 30).

В функции сообщения — и в стиле обиходно-деловом, и в стиле официально-документальном — вневременное значение употребляется довольно часто: «Главный итог победоносной борьбы трудящихся нашей Родины под руководством КПСС — построение развитого социалистического общества» («Правда», 14 апреля 1973). В обиходно-бытовом стиле — в функции общения — чаще всего важно именно указание на время действия, поэтому вневременное значение употребляется довольно редко: только в тех случаях, когда хотят сделать какие-то выводы, обобщения.

Народные наблюдения отражены в пословицах и поговорках. Именно здесь мы особенно часто встречаемся с вневременным значением: Пословица недаром молвится; Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается; Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела; На миру и смерть красна. Характерно, что сказуемое, выражающее вневременное значение, выступает в различных глагольных и неглагольных формах.

В функции воздействия — в стилях публицистическом и художественно-беллетристическом — вневременное значение употребляется весьма часто. Оно дает возможность автору создать художественное, образное обобщение. В художественно-беллетристическом стиле — это различные сентенции, афоризмы, крылатые выражения.

Особенно часто формы вневременности встречаются в баснях: «У сильного всегда бессильный виноват, Тому в истории мы тьму примеров слышим» (Крылов. Волк и ягненок). Вневременное значение весьма часто в поэтическом стиле: «Влюблять — это подло, когда ты не можешь любить...» (Евтушенко. Поющая дамба); «И вечного пламени плавок Нельзя погасить ни на миг» (Ручьев. Вечное пламя), — обычно в заключительных строках стихотворения. Но иногда вневременное значение содержится в поэтическом отрывке или в целом стихотворении. Таково стихотворение А. С. Пушкина

«Телега жизни»:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка...

и стихотворение М. Ю. Лермонтова «И скучно и грустно...»:

И скучно и грустно! —
И некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..

Итак, грамматическое время в русском языке имеет специальные формы для своего выражения. Вневременность специальных форм не имеет, а использует глагольные формы времени, синтаксическое время, словосочетания, определенные конструкции предложений, так как это не грамматическая, а понятийная категории.

И. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы. См. стр. 8)

I

1. Двое на лыжах *неслышно* обошли вокруг зимовища. Опираясь на рогатины, стояли, слушали. Месяц *обвело* бледным кругом, в закидевелом лесу — *тишима*. За стеной *избы* глухо кто-то забормотал. У *самей* вздохнула всей утробой лошадь. Сторожевой солдат лежал, как застывший, *усатым лицом* в лунном свете.

А. Н. Толстой. Петр I

2. Данило с сыновьями *хоть* по другому камню работали, а тоже в этом деле *понимали*. И *мать* по камню *работывала*. Все *налюбоваться* не могут на Митюхину работу. И то им *диво*, что из простого змеевика да дорожного соку такая *штука* вышла. Мите и самому *любо*. Ну, как — работа! Тонкость. *Ежели* кто понимает, конечно.

П. П. Бажов. Хрупкая веточка

II

Витрина — заимствовано из французского языка в середине XIX века.

Возврат — собственно русское; образовано без помощи аффиксов от глагола *возвратити*.

Вьюга — собственно русское; образовано с помощью суффикса *-уга* от глагола *вьють* 'витья, вейть'.

Вермишель — заимствовано из итальянского языка в конце XVIII века.

Велосипед — заимствовано из французского языка во второй половине XIX века.

Взбучка — собственно русское; образовано с помощью приставки *вз-* от глагола *бучить* 'бить'.

Материалы Практикума по стилистике (1972, № 1-6; 1973, № 1-5) подготовлены В. Г. Самсоновым.

РАКЕТА

Из истории термина

Слово *ракета* в значении 'летательный аппарат с реактивным двигателем, использующий для процесса сгорания горючее и окислитель, транспортируемые на самом аппарате' (Словарь современного русского литературного языка) было впервые употреблено на рубеже XIX и XX веков. Возникновение этого значения связано с идеей создания реактивного космического корабля, высказанной русским изобретателем Н. И. Кибальчичем в 1881 году и теоретически обоснованной «отцом космонавтики» К. Э. Циолковским в 1883 году в монографии «Свободное пространство». Здесь К. Э. Циолковский разработал основные принципы устройства и силовую схему будущего корабля.

Спустя несколько лет Циолковский в научно-фантастической повести «Вне Земли» (он начал писать ее в 1896 году) рассказывает об изобретении русским ученым Ивановым первого космического аппарата и путешествии на нем в космическом пространстве. Этот летательный аппарат автор называет по-разному: ракетой, снарядом, пушкой, реактивным прибором, прибором, аппаратом, кораблем, небесной каретой, небесным экипажем. Но судя по тому, как часто употребляются эти названия, автор отдает предпочтение словам *ракета*, *снаряд* и словосочетанию *реактивный прибор*. В начале повести автор предлагает назвать свой космический корабль *ракетой*:

Русский, вероятно, придумал гигантскую пушку,— перебил в свою очередь американец Фрэнклин.

— Но, во-первых, это совсем не ново, во-вторых — абсолютно невозможно...

— Ведь мы же это достаточно обсудили и давно отвергли,— добавил Ньютон...

— Дайте мне говорить!.. Вы не угадали,— произнес русский с досадой, все замолчали, а он продолжал:

— Пожалуй, я и придумал пушку, но пушку летающую с тонкими стенками и пускающую вместо ядер газа... Слышали вы про такую пушку?

— Ничего не понимаю,— сказал француз.

— А дело просто: я говорю про подобие ракеты.

— И только? — с разочарованием промолвил пылкий итальянец.— Ракета — это что-то ничтожное; этим ты нас не удивишь. Неужели ты хочешь отправляться в небесные пространства в большой ракете?

Общество улыбалось, но Ньютон задумался, а русский ответил:

— Да, в ракете, особенным образом устроенной. Это смешно и, по-видимому, невозможно, но строгие вычисления говорят иное (сб. «Путь к звездам». 1960).

Подбирая название для будущего космического корабля, великий ученый предпочел слово *ракета*, а не *пушка*. Ведь, в отличие от пушки, корабль — летающее устройство и вместо ядер выпускает газы. Эти признаки сближают данное устройство с фейерверочной ракетой, представлявшей собою «трубку (*гильзу*), набитую пороховою мякотью, с оставленным внизу пустоты, в виде бутылочного дна; в голову трубки кладется заряд пороха, звездочки и пр., а к пятке подвывается *твост*; подпаленная снизу ракета валетает на воздух и там лопается; это *ракета потешная*» (В. И. Даль. Толковый словарь). Но, имея некоторое сходство с «потешной» ракетой, летающий аппарат Циолковского существенным образом отличается от нее устройством:

Представьте себе яйцевидную камеру с расположенной внутри ее и выходящую наружу трубою. В камере помещаются я и запасы взрывчатых веществ, которые понемногу выпускаются через трубу вниз во время взрывания. Непрерывное взрывание веществ и выбрасывание со страшной скоростью продуктов горения вызывает обратное непрерывное стремление камеры двигаться вверх с возрастающей скоростью. Тут могут быть три случая: когда давление выбрасываемых газов не одолевает тяжести снаряда; когда оно равно весу снаряда и когда больше его... В третьем случае, самом интересном, снаряд устремляется в высоту... (там же).

Из этого описания видно, что предложенная конструкция летательного тела существенным образом отличается от обычной фейерверочной ракеты: она имеет форму огромного снаряда и внутри — камерное устройство для человека, для взрывчатых веществ. Особенность формы и

внутреннего устройства определили причины колебаний в выборе названия для летательной конструкции: предложив назвать изобретение *ракетой*, Циолковский в ранних произведениях употребляет это слово так же часто, как и слово *снаряд*, положив в основу значения последнего внешнее сходство с обычным артиллерийским снарядом.

Приведенное высказывание является иллюстрацией того, как происходит процесс называния еще не существующего предмета. Описывая будущий летательный аппарат, Циолковский выделяет его основные признаки, которые, составив содержание понятия, требуют словесного оформления. Одни из этих признаков, например признак формы, сближают новый аппарат с боевым снарядом, так как предлагаемое устройство представляет собою металлическую продолговатую камеру, которая в головной части конусообразно заостряется. Это дало основание автору назвать свое изобретение *снарядом*.

Другие особенности, отмеченные Циолковским, характеризуют внутреннее устройство такого снаряда: наличие света, кислорода, физических приборов, камеры с живым существом, реактивного прибора. Эти признаки — своеобразное устройство, а также огромные размеры — разрушают сложившееся представление об обычном артиллерийском снаряде; описываемое изобретение наделялось признаками, которые в совокупности составляли содержание нового понятия. Оно нуждалось в языковом выражении. С этой целью Циолковский первоначально использовал бытующее в языке слово *снаряд*, положив в основу его переноса признак формы. Нетрудно, однако, заметить, что слово не отражало существенных признаков нового понятия. А это было проявлением противоречивых отношений между словом и обозначаемым понятием, между формой и содержанием. Поэтому такое несоответствие должно было привести к замене *снаряда* другим словом — *ракета*, которое вступает в смысловое взаимодействие с лексическим «соперником» — со словосочетанием *реактивный прибор*. Так, в теоретической работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903), анализируя законы движения, поднятия в высоту при помощи воздушных шаров и пушечных ядер, Циолковский приходит к выводу, что единственным средством овладеть полетами и заатмосферное пространство является «реактивный прибор, то есть род ракеты, но ракеты грандиозной и особенным образом устроенной».

Циолковский дает описание этого необычного аппарата будущего: «Представим себе такой снаряд: металлическая продолговатая камера... снабженная светом, кислородом, поглотителями углекислоты, миазмов и других животных выделений, — предназначена не только для хранения разных физических приборов, но и для человека, управляющего камерой. Камера имеет большой запас вещества, которые при своем смешении тотчас же образуют взрывчатую массу». Затем ученый приходит к выводу: «Понятно, что такой снаряд, как и ракета при известных условиях, будет подниматься в высоту.

Необходимы автоматические приборы, управляющие движением ракеты (так мы иногда будем называть наш прибор) и силу взрыва по заранее намеченному плану» [курсив мой. — М. З.]

В последнем предложении содержится замечание автора о своеобразном употреблении им слова *ракета*: этим словом он решил назвать свой *реактивный прибор*. В других высказываниях ученый еще раз уточняет: «Остальная часть камеры предназначена для научных наблюдений и для управления „ракетой“ (так называли мы наш реактивный прибор)».

Дважды предупредив читателя о том, что реактивный прибор он решил назвать *ракетой*, Циолковский предпочитает это слово и почти не употребляет словосочетания *реактивный прибор*. Но синонимическое взаимоотношение между этими номинативными единицами продержалось до 1924 года. В статье профессора А. П. Модестова, заявившего о неоспоримом русском приоритете в научной разработке идеи освоения космоса («Известия», 1923), читаем: «Печатая эти справки, Президиум Всероссийской ассоциации натуралистов имеет целью восстановление приоритета т. Циолковского в разработке вопроса о реактивном приборе (ракетe) для внеатмосферных и межпланетных пространств».

Только лишь в 1923—1924 годах происходит размежевание номинативных функций слова *ракета* и словосочетания *реактивный прибор*. С этого времени слово *ракета* начинает функционировать в языке как определенная терминологическая единица со значением «летательный аппарат с реактивным двигателем...»

М. Н. ЗАХАРОВА
Кишинев

МИНУТА ВРЕМЕНИ

Мастерство в использовании языковых средств на странице газеты предполагает и умение отбирать минимум слов, которые должны без ущерба для идейно-содержательной стороны материала выразить то, что хочет сказать автор. Газетные материалы порой, к сожалению, содержат слова, не несущие никакой информации, так как повторяют уже сказанное, так или иначе названное, само собой разумеющееся, и не имеют к тому же особой выразительности, которая могла бы оправдать их использование. Кто не встречал в газете фраз, подобных следующей: «На состоявшемся собрании рабочих совхоза обсуждался вопрос об уборке урожая», где слово *состоявшемся* явно лишнее, так как если на собрании что-то обсуждалось, то оно, конечно, состоялось.

Многословие, которое состоит в неоправданной избыточности средств выражения, ученые называют тавтологией или плеоназмом. Понятия эти очень близки, поэтому в данной статье будет использован один термин — тавтология.

Тавтологические употребления неодинаковы по своей природе. Можно выделить несколько типов тавтологии с точки зрения вызывающих ее причин.

1. Тавтология возникает из-за использования в контексте наименований родового и видового характера, в то время как видовое понятие уже включает в себя понятие родовое. Подобная тавтология, пожалуй, наиболее массово представлена сочетаниями слова *человек* с названиями лица по профессии, роду занятий, социальному положению и т. д. (30 человек рабочих; 15 человек студентов; 12 человек пенсионеров; несколько человек делегатов). Распространены также тавтологические сочетания родового слова *деньги* с видовыми *рубль*, *копейка* (5 рублей денег; всего 70 копеек денег), слова *время* со словами *час*, *минута* (не терять ни часа времени; беречь каждую минуту времени), слова *месяц* со словами — конкретными названиями месяцев (план мы выполнили еще в ноябре месяце) и др. Вот несколько примеров подобного употребления в языке печати: «В нашем звене каждый из пяти человек при условии выполнения плана зарабатывает с апреля по ноябрь больше 1000 рублей денег» («Амурская правда», 9 марта 1963); «Вот мы и дорожим каждым часом времени» («Волгоградская правда», 7 июня 1963).

Заметим, что тавтологическое сочетание перестает быть тавтологическим, если в него с необходимостью, продиктованной условиями общения (сообщения), вводится уточняющий определитель: *месяц март* (тавтология) и *первый весенний месяц март*; *80 рублей денег* (тавтология) и *80 рублей казенных денег*.

2. Тавтология возникает и в случае, когда не учитывают, что какое-то слово из контекста имеет смысл, уже заклю-

ченный в одном из компонентов, составляющих значение другого слова. Например, *пахнуть* означает 'издавать запах', следовательно, предложение типа «Из сада пахнет запахом сирени» неудачно, поскольку в нем есть слово *пах*, значение которого уже содержится в глаголе *пахнуть*.

Одно из значений слова *простаивать* — 'быть какое-то время в бездействии, не функционируя', то есть сам глагол уже указывает на бездействие, на бесполезную трату рабочего времени. Поэтому сочетание его со словами *бесполезно*, *без работы*, *без дела* и т. д. тавтологичны, а перечисленные и подобные им слова избыточны. Не нужны они, конечно, и в следующих предложениях: «На одном участке не хватает механизмов, на другом они часами простаивают без дела» («Красноярский рабочий», 23 апреля 1965); «Она [машина-мусоросборник] часами бесполезно простаивает в гараже» («Белгородская правда», 11 сентября 1964); «Долгую же зиму большинство тракторов простаивает без работы» («Комсомольская правда», 4 марта 1972).

Часто можно встретить в газете глагол *завершить* в окружении наречий *окончательно*, *полностью*: «Реконструкция Михайловской улицы и прилегающих к ней кварталов будет полностью завершена к 1967 году» («Московская правда», 13 июля 1965). *Завершить* означает 'довести до полного окончания', поэтому сочетания *окончательно завершить*, *полностью завершить* тавтологичны.

Широкое распространение, например, в спортивных отчетах, получило определение *численный* при словах *боль-*

шинство, *меньшинство* применительно к числу игроков одной команды в сравнении с числом игроков другой команды: «На плечи новобранцев сборной чаще всего вчера ложилась тяжелая ноша — сражаться против наступающего в численном большинстве соперника» («Комсомольская правда», 17 февраля 1968); «В этот момент советская сборная играла в численном меньшинстве» («Комсомольская правда», 7 декабря 1969). Но и *меньшинство*, и *большинство* уже сами по себе содержат идею некоторого количества (лиц), поэтому прилагательное *численный* при них излишне.

Приведенные выше слова при *простаивать*, *завершить*, *большинство*, *меньшинство* иллюстрируют тавтологические употребления, встречающиеся достаточно часто. Не менее показательны для рассматриваемого типа тавтологии и следующие тавтологические сочетания. Одно из значений глагола *пропасть* — 'не оставить никакого ощутимого следа, пройти бесполезно, зря, безрезультатно'. Сам глагол указывает на бесполезность (действия), значит, сочетание его со словами *зря*, *напрасно*, *бесполезно* создают тавтологию: «Обидное, незаслуженное поражение потерпел Тигран Петросян в первом раунде. Обидное вдвойне: экс-чемпион мира проиграл партию, и, кроме того, зря пропала отличная теоретическая новинка» («Советский спорт», 7 октября 1971).

Тавтологично и сочетание слов *первое боевое крещение*, поскольку устойчивое выражение *боевое крещение* имеет значение 'первое серьезное испытание на каком-либо поприще': «Строители вполне обжи-

лись в новых местах. Давно прошли первое „боевое крещение“ («Советский педагог», 2 сентября 1966).

Существительное *завязка* означает 'начало каких-нибудь событий, действий', поэтому тавтологичные сочетания с этим существительным типа: *начало завязки, завязка началась* — «Нынешний чемпионат мне представляется сложным для ведущих команд. Его завязка началась интригующе» («Советский спорт», 29 декабря 1970). Менее заметна тавтологичность в примере: «Ведь так хочется, чтобы все ели с хорошим аппетитом» («Вечерний Ленинград», 29 января 1971).

В использовании сочетания *хороший аппетит* есть некоторая тонкость: оно вполне правильно, когда говорят: «У него (у нее и т. д.) хороший аппетит», «Его всегда хороший аппетит вызывает зависть», то есть когда употребляют прилагательное в качестве определения к слову *аппетит*, выступающему в роли подлежащего или дополнения. Обстоятельственная группа с *аппетитом* (мы ели с аппетитом) в соединении с глаголом *есть* (или его синонимами, в том числе и контекстуальными) содержит указание на наличие хорошего аппетита. Именно поэтому в приведенном примере, где обстоятельственная группа с *аппетитом* распространена определением *хороший*, содержится тавтология.

Неявность, скрытость смыслового компонента одного из слов сочетания часто предопределяется тем, что слово это иноязычно по происхождению, поэтому его значение может оказаться известным пишущему не во всем объеме. Примером распространенной

ошибки такого рода являются тавтологические сочетания *памятный сувенир, демобилизация из армии*.

В газете стало широко употребляться слово *ас* по отношению к человеку, чье умение, мастерство в каком-нибудь деле доведены до совершенства, виртуозности (первоначально *асом* назывался, как известно, выдающийся по летному и боевому мастерству летчик-истребитель, мастер воздушного боя). В газетах можно встретить «асов хоккея», «асов мирового футбола», «асов ледяной дорожки», «асов гонки» и т. д. Подобные употребления, в принципе правомерные, оказываются неудачными в том случае, когда слово *ас* сопровождается определениями, выражающие большую степень признака, положительную оценку (типа *сильнейший, лучший*). В самом деле, если *ас* уже своим значением указывает на то, что речь идет о мастере самого высокого класса, о виртуозе, то сочетания *лучший ас, сильнейший ас* и подобные им тавтологичны, а имеющиеся в них определения избыточны: «Мы не устраниваем каких-нибудь всенародных состязаний на лучшего аса шоферского дела» («Комсомольская правда», 9 февраля 1967); «Но вот минувшей осенью в Голландии никому неизвестный пловец опередил сильнейших асов водной дорожки» («Комсомольская правда», 6 апреля 1967).

Можно указать на то, что в сочетании с прилагательным *лучший* «страдает» не только слово *ас*. Определение *лучший* оказывается неуместным при всех словах (и словосочетаниях), которые своим значением указывают на высшую степень мастерства, совер-

шенства. Поэтому стилистически неудачны такие, например, сочетания со словом *лучший*: «Ей по праву достались лавры лучшей грации Европы» («Комсомольская правда», 5 февраля 1967); «Рекорды, установленные новым чемпионом голландцем Ардом Схенком, захватывающая борьба между лучшими мастерами мира — все это превратило первенство в событие незаурядное» («Советский спорт», 16 февраля 1971).

Тавтологичность рассматриваемого типа содержится также в сочетаниях: *коренной (или местный) абориген, ответная контратака, огромная машина, прогрессировать вперед, мемориал памяти (кого-либо), хронометраж времени, преysкурант цен, перспективы на будущее и ряде других*.

3. Тавтология может быть связана и с повторением слова или словосочетания, совпадающего с другим или очень близкого ему по значению, то есть тавтология может возникать при неоправданном, а потому и ненужном употреблении нескольких синонимов: *думы и мысли, мысли и размышления, надежды и чаяния, вопросы и проблемы, идеи и замыслы, замыслы и задумки* и т. д. «Думы и мысли кубанцев давно волнуют нас, заставляют думать о том, чтобы лучше жил родной колхоз, — говорят члены артели» («Знамя», 27 февраля 1963 — Калужская область).

Непонимание пишущим того, что используемые им синонимы представляют собой дублирующие друг друга слова, особенно отчетливо видно в случае, когда в текст вводятся абсолютно тождественные по смыслу синонимические средства, соединяемые союзом *или*, по своему значе-

нию разделительным, то есть прямо указывающим на различие явлений, предметов: «Возвращаясь домой после чудесного отдыха на реке или озере, каждый стремится привезти на память сувенир или памятный подарок для себя, родных и близких» («Вечерняя Москва», 23 января 1967).

Итак, тавтология, суть которой состоит в неоправданной избыточности средств выражения, — явление отрицательное. Самая общая рекомендация для исправления таких речевых ошибок заключается в том, что один из элементов тавтологического сочетания должен быть изъят. Конкретные же способы борьбы с тавтологическими употреблениями зависят от структурных типов тавтологии.

При устранении тавтологии первого типа необходимо иметь в виду все контекстные условия, определяющие выбор одного из слов тавтологического сочетания (*5 человек рабочих* → 5 человек или 5 рабочих). Так, если по ситуации общения известно, о какой именно группе лиц (профессиональной, возрастной и т. д.) идет речь, то смысловой акцент переносится на сообщении о количестве лиц. Поэтому правомерным оказывается использование сочетания типа «У нас в цехе (в группе и т. д.) столько-то человек». В иной ситуации необходимым оказывается сообщение не только о количестве, но и о профессиональном (возрастном и т. д.) признаке лиц: данного коллектива, признаке, отличающем, характеризующем именно данный коллектив. Поэтому более уместно использование сочетаний типа «На нашем заводе столько-то рабочих» (в сравнении с чис-

лом служащих, по отношению к общему числу работников данного предприятия); «На собрании присутствовало столько-то рабочих и служащих».

При устранении тавтологии второго типа, необходимо изъятие совершенно определенного, а именно дублирующего слова тавтологического сочетания (*простаивать без дела* → *простаивать*) вне зависимости от контекста.

Наконец, при устранении тавтологии третьего типа — синонимического, учитывая стилистический (а также смысловой) характер контекста, необходимо изъять то слово тавтологического сочетания, которое стилистически и содержательно не соответствует контексту (*надежды и чаяния* → *надежды* или *чаяния*).

Л. И. РАХМАНОВА,
Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ

ПОЧТА
«РУССКОЙ РЕЧИ»

● О НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЯХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

В журнале «Русская речь» (1972, № 2) была опубликована заметка «Рукописный отдел Института русского языка АН СССР», в которой сообщалось об интересных поступлениях от отдельных лиц и организаций. За время, прошедшее после опубликования этого сообщения, в Рукописный отдел поступили новые рукописные материалы, среди которых имеются рукопись начала XVIII века делового содержания и рукописная книга — Псалтырь XVIII века.

Рукопись начала XVIII века (32 листа), написанная скорописью, получена в дар от Веры Георгиевны Кошаевой, сотрудницы кафедры русского языка МГПИ имени В. И. Ленина, в октябре 1972 года. По содержанию эта рукопись представляет собой отрывок судебного дела о споре из-за земли в Московском уезде между князьями Волконскими и Троекуровыми. Среди материалов имеются записи досмотров и разделов (межеваний) земли, выписи из писцовых книг о земельных владениях и подобные документы, а также челобитные о спорах из-за раздела и владения землями в Московском уезде (Гоголевский стан, сельце Мамырево). В этих материалах есть также выписи из некоторых царских указов, например из указа 1628 года царя Михаила Федоровича о продаже свободных («поровжих») вотчин и поместных земель «всяких чинов людям» в двадцати станах Московского уезда. Приведем некоторые отрывки из этих документов, по которым можно судить о характере приказного делового языка XVIII века, наиболее близко-го бытовому разговорному языку того времени.

субиамъ штеге, живши ны, нима
тисе прамовеатъ. Гди кже ситъ шера
тн ны, и ави лице твое, и правни въ
дела. Д

Удѣйтесь къ помощникъ нашему,
вспомогните къ иаколю. Прии
дите шасице, и дадите чимпанъ,
шаширъ красна съсуче ма
Вострубите канокъ мизъ градъ
соу, к шарочити дени прѣ
даниа класги. Иако покелѣте къ
райско есѣ, и сѣса еѣ иаколю
Скисѣне коѣсидѣ положи емоу, ии
сѣа изыти емоу шземли егнвеченіа.
Азѣна егѣже нехѣдаше, оуслыша.
шѣтѣ шѣрѣмене хресѣтъ есѣ, роуѣтъ
есѣ кшошн шѣраколасѣ. Д
Е
Ж
З

Псалтырь XVIII в. (?), лист 92

Так, в челобитной князя С. Волконского, поданной в Московском столе в 1704 году, о незаконном владении землями села Мамырева князьями Троекуровыми написано: «...а та моя / деревнишка от такова наглова утеснения разорьетца и от напраснова / владенья людей и крестьян боярина княз Ивана Борисовича [Троекурова] а ннѣ [ныне] вну/чатъ ево лесъ и всякие угода пустошатца напрасно и не толко что/лесъ строенной и дровяной и всякое угоде не проча себѣ рубят пусто/шат непрестанно...».

Интересно отметить, что при разделах земель в официальных деловых записях о размежевании приметами, по которым делили земли, служили ямы, проезжие дороги, тропинки, ручьи, столбы и даже пни (иногда с указанием на то, что пень остался от кудреватого дуба), например: «...селцу Мамыреву мера от бол/шой Боровской дороги что еадят с Москвы налево стол/бъ з гранью да яма

а тот столбъ имя и межеванья/Петра Кашинцова а от того столба и ямы поворота/налево вкруте до речки Свинорьи и до столба и до ямы/межеванья Петра Кашинцова 572 сажени и от гото/столба и от ямы повороти вкруте направо вверху/речкою Свинорьею 800 сажень до ручья Опрелихинского/и темъ Опрелихинским ручьемъ повороти направо 300/саженъ до болшой Боровской дороги и через болшую/дорогу тем же ручьемъ и черезъ ручен 215 сажен до осины а от той осины повороти направо вкруте 1550/саженъ до дошки...».

Данные документы были написаны в Москве или Подмосковье, в них могли получить отражение черты московской речи XVIII века, поэтому рассматриваемые рукописи могут представить интерес для изучения истории русского языка.

Вторым значительным поступлением в Рукописный отдел является рукописная книга XVIII века — Псалтырь, подаренная Ниной Никифоровной Бражниковой, преподавателем Шадрянского педагогического института, в ноябре 1971 года. Псалтырь — это книга, которая на Руси имела широкий круг читателей, по этой книге часто учили и учились грамоте. Можно привести пример из наших рукописных материалов (фонд Киреевских), где находится челобитная монастырского «служебника» М. Родионова, в которой он просит отдать его в учение «серебряному мастерству». Он пишет в своей челобитной, что грамоте уже научился: «псалтырь большую половину выучил».

Но по псалтыри учились читать не только в монастырях. Данная рукописная книга интересна также по своему оформлению, в ней встречаются украшенные орнаментом заглавные буквы, отдельные красочные заставки и концовки.

В этой книге, как и во всяком другом рукописном памятнике, даже если он строго определенного церковного содержания, могли найти отражение отдельные черты языка переписчика. С этой точки зрения данная рукописная книга небезынтесна для исследователей русского языка.

Таковы наиболее значительные поступления в наш отдел в течение 1971—1972 годов.

А. И. СУМКИНА

Институт русского языка АН СССР обращается с просьбой к читателям «Русской речи» принять участие в пополнении Рукописного отдела старинными книгами, рукописями и другими материалами, имеющими научное значение.

Наш адрес: Москва, Г-19, Волхонка, 18/2, Институт русского языка АН СССР, Рукописный отдел.

МОСКОВСКОЕ ИЗДАНИЕ ГРАММАТИКИ М. СМОТРИЦКОГО

В Московской Руси книжно-славянский язык [автор пользуется термином «книжно-славянский» вместо «церковнославянский». — *Ред.*] господствовал не только в церковно-богослужебной литературе, но и в литературных жанрах, обслуживающих интересы представителей великорусской народности. Влияние его сказалось в фонетике, морфологии, лексике и особенно «в употреблении тех или иных синтаксических конструкций в древнерусских памятниках и в памятниках периода так называемого второго южнославянского влияния» (В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965).

К числу первых практических пособий, предназначенных для обучения книжно-славянскому языку, относится «Букварь» Ивана Федорова, изданный во Львове в 1574 году. Это издание стало образцом для работ по вопросам славянского языкознания, появившихся в Белоруссии и на Украине в XVI—XVII веках.

Углубленный интерес к книжно-славянскому языку был обусловлен тем, что именно этот язык становится важным средством борьбы за самобытную восточнославянскую культуру против политики религиозного и национального порабощения белорусского и украинского народов польскими феодалами и католической церковью. В эпоху усиления социальной и национально-освободительной борьбы в Белоруссии и на Украине значительных успехов достигает школьное образование, сконцентрированное в братствах, которые были призваны защищать национальные права и свобо-

Мелетий Смотрицкий

ду белорусского и украинского народов в составе Речи Посполитой.

В области лингвистических дисциплин наибольшее внимание привлекал в братских школах книжно-славянский язык в противоположность латинскому и польскому языкам, которые культивировались тогда в иезуитских коллегиях. Известную роль в грамматической разработке книжно-славянского языка и в распространении грамотности сыграло Вильноское братство, где была издана первая печатная «Граматыка словенска языка» (1586). Вскоре после этой Грамматики в Вильне вышла из печати более усовершенствованная и систематизированная «Граматіка словенска» (1596), составленная преподавателем братской школы Лаврентием Зизанием. Хотя и эта Грамматика еще не давала полного представления о книжно-славянском языке, о его фонетических и грамматических нормах, тем не менее она стала одним из этапов в развитии и нормализации славянского языкознания.

Наиболее крупным знатоком книжно-славянского языка в начале XVII века был Мелетий Смотрицкий, автор известной «Граматіки словенскія правильное синтагма» (Евье, 1619). М. Смотрицкий продолжительное время преподавал в братских школах Вильнюса и Киева.

Евьевское издание Грамматики М. Смотрицкого было ценным грамматическим пособием по книжно-славянскому языку для тех, кто его изучал и писал на нем в пределах Белоруссии и Украины

в XVII веке. Грамматика М. Смотрицкого укрепляла позиции книжно-славянского языка, вокруг которого разгорались тогда горячие споры в Речи Посполитой между представителями православной и католической церкви. Символом просвещения и мудрости иезуитские культурные деятели считали латинский язык, а книжно-славянский называли непонятным языком, в котором отсутствовали, по их представлению, грамматические нормы. Сторонники книжно-славянского языка видели в нем средство борьбы за восточнославянскую национальную культуру. Символом этой борьбы и являлась Грамматика М. Смотрицкого.

В евьевском издании Грамматики М. Смотрицкого, как и в Грамматике Л. Зизания, представлены толкования отдельных мест не только на книжно-славянском языке, но иногда и на так называемом «руском»: «Словенски переводимъ: Удержи языкъ свой от ала и устѣ своѣ же не глатъ лсти. Руски истолковуемъ: Гамуй языкъ свой от алого и уста твои нехай не мовятъ адряды». М. Смотрицкий разрабатывал не книжно-славянский язык, культивировавшийся тогда в Московской Руси, а тот его вариант, который, с одной стороны, насыщался местными языковыми особенностями, а с другой — подвергался воздействию литературно-письменного языка белорусов и украинцев, господствовавшего в Великом княжестве Литовском, а затем в Речи Посполитой. Не случайно поэтому в его Грамматике встречаются чуждые книжно-славянскому языку союзы типа *абымъ, обытъ*, введено деепричастие, которое он, вероятно, отождествлял с кратким причастием. Он внес значительные изменения в традиционное учение о частях речи: различие (родовой показатель) заменил местоимением, ввел междометие и сказательный (предложный) падеж, разработал учение о видах и спряжениях глаголов и проч. М. Смотрицкий использовал доступную ему лингвистическую литературу. По образцу греческой Грамматики Ласкариуса, заданной в Милане в 1476 году, он включил не свойственную книжно-славянскому языку грамматическую категорию причастодетия, соответствующую латинскому герундию и греческому отглагольному прилагательному; выделил в науке о книжно-славянском языке четыре части: орфографию, этимологию (учение о частях речи), синтаксис и просодию (учение о стихосложении).

Грамматика М. Смотрицкого имела широкое распространение не только в Литве, Белоруссии и на Украине, но и в Московской Руси. Она переписывалась и переиздавалась его последователями. В 1648 году в Москве вышло в свет второе, дополненное и расширенное издание (без указания имени автора). В 1721 году Грамматика была снова переиздана при участии типографского корректора Федора Поликарпова.

В научной литературе установилось мнение, что московские издания Грамматики Смотрицкого отличаются от евьевского значительно. Такой вывод можно считать бесспорным, если сравнивать евьевское и московское (1721) издания, между которыми действительно нет существенных различий. Что же касается московского издания 1648 года, то оно не повторяет евьевское издание. Московское издание 1648 года отличается не только расширенным предисловием, заменой греческого шрифта в греческих словах кириллицей или несовпадением отдельных разделов, но и некоторыми графическими, орфографическо-фонетическими, грамматическими и лексическими несоответствиями. Рассмотрим некоторые из них.

Графическим средством для обозначения согласного звука *г* в евьевском издании были буквы *g* и *г*, в употреблении которых М. Смотрицкий придерживался определенных закономерностей: буква *g* передавала фрикативный звук, а *г* — взрывной. При написании простонародных слов он пользовался буквой *g*, а в «странных реченияхъ» (заимствованных словах) — буквой *г*: *гора*, а не *горa*, но *одигитрия*, а не *одигитрия*. В московском издании 1648 года нет такой оговорки, а поэтому все слова независимо от их происхождения писались с *г*.

Буква *ѣ* в обоих изданиях обозначала гласный звук *e*, однако правила ее употребления не всегда совпадали в этих изданиях. Сохраняя книжно-славянский орфографический принцип в Грамматике, М. Смотрицкий в ряде случаев отступал от него, употребляя *e* вместо этимологического *ѣ*. В московском издании по сравнению с евьевским буква *ѣ* и в корне и в аффиксах заменяет букву *e*: *изменяють* — *измѣняють*, *въ слозехъ* — *въ слозѣхъ*, *строчне* — *строчнѣ*, *латинстей* — *латинстѣй*, *сиречь* — *сирѣчь*, *чиновне* — *чиновнѣ*. Учитывая то, что буква *ѣ* в XVII веке уже не обозначала специфического звука, отличающегося от *e*, М. Смотрицкий не детализировал правила употребления *ѣ*, допуская написание *ѣ* во всех составных частях слова: *ѣсва*, *ѣста*, *снѣдоховѣ*. Московское издание отличается от евьевского тем, что здесь более подробно изложены правила употребления буквы *ѣ*: она использовалась в параллельных наречных формах (*достойно*, *достойнѣ*, *праведно* — *праведнѣ*), а также в предложных сочетаниях с существительными и местоимениями: *в силѣ*, *въ правдѣ*, *въ соборѣ*, *къ силѣ*, *къ правдѣ*, *въ тебѣ*.

Влияние книжно-славянской орфографической системы в евьевском и московском изданиях было также неодинаковым, хотя в обоих случаях оно являлось господствующим. М. Смотрицкий нередко отступал от норм употребления редуцированного *ѣ* (если *ѣ*

произносился как *o*). Московское издание не соблюдало последовательно этого правила. Не случайно отдельные слова, которые в первом издании писались с *o* вместо *ъ*, в московском соответственно возобновлялись с *ъ*: сочиняти — съчиняти.

Более последовательно в первом издании представлено правописание шипящих и *p*, в то время как во втором они сохраняют традиционное написание: вижу — вижю, молочу — молочю, сиречь — сирѣчь, прошу — прошю, общь — общъ, имущь — имуцъ, царскій — царскій. М. Смотрицкий иногда обозначал на письме йотацию гласного *a*, который после гласных передавался посредством *я*, а в московском издании это явление обычно не распространялось на правописание слов: реченія — реченіа. Вспомогательный глагол *быти* в 3-м лице единственного числа настоящего времени в евьевском издании употреблялся, как правило, в традиционной форме *естъ*, а в московском — новейшая форма *есть*.

Во втором издании в отличие от первого встречается мягкий согласный *л* в середине слова (после гласных перед согласными): нераздѣльная — нераздѣльная, вопросительное — вопросительное, отвещательное — отвещательное, притяжательное — притяжательное.

Удвоение согласных в положении между гласными, развивавшееся в результате исчезновения редуцированных и в связи с ассимиляцией следующего *-йот*, в евьевском издании представлено большим количеством примеров, чем в московском: припряжена — припряжена, свойственная — свойственная, множественномъ — множественномъ, единственномъ — единственномъ, предприяжена — предприяжена, имя собственное — имя собственное, но облеченая — облеченая.

М. Смотрицкий употреблял числительное *сорок* в усеченной форме без конечного гласного в первом компоненте — *чтырдесять*, а при переиздании Грамматики это слово изменило свое написание и стало писаться с *e* после *p*: чтырдесять. По такому же образцу оформлялись в обоих изданиях и другие категории слов: приискренность — приискренность, приискрна — приискрена, отечественное — отечественное.

Заметная разница наблюдается между евьевским и московским изданиями и в соотношении некоторых грамматических форм. Обращает на себя внимание парадигма склонения существительных женского рода с основой на *-a*, которая отражала в дательном и предложном падежах единственного числа общеславянское чередование заднеязычных со свистящими согласными: сноха — сносъ. Такой тип чередования согласных не противоречил внутренним законам развития старобелорусского языка и сохранился в белорусском языке до настоящего времени. В московском издании вме-

сто традиционной формы *сностъ* употреблена новейшая форма *сностѣ* в соответствии с произносительными и орфографическими нормами русского языка.

Существительные мужского и среднего рода с основой на -о в предложном падеже по образцу мягкой разновидности имеют после конечного согласного основы в евьевском издании окончание -и: отци, чванци, о лица. Эти слова написаны здесь по традиционному принципу, что характерно для преобладающего большинства тогдашних белорусских памятников. Во втором издании эти формы получают конечное ѣ (отцѣ, чванцѣ, о лицѣ) уже по образцу твердой разновидности склонения существительных. Книжно-славянское окончание -аго (самого), которое предпочитал М. Смотрицкий в родительном падеже единственного числа, возможно, осознавалось автором Грамматики как определенное совпадение этого окончания с живым белорусским произношением. Во втором издании использована новейшая видоизмененная форма -ого (самого), соответствующая русской норме.

Некоторые различия наблюдаются также в образовании числительных. Так, числительное *два* в дательном-творительном падеже двойственного числа М. Смотрицкий писал в форме *двома*, не свойственной книжно-славянскому языку. При переиздании оно заменено архаической, традиционной формой *двѣма*.

Новую форму порядкового числительного *третий* фиксировал М. Смотрицкий в творительном падеже мужского рода (*третимъ*), вместо которой в московском издании представлена книжно-славянская форма *третиимъ*.

В парадигмах глагольного спряжения различия между первым и вторым изданиями касаются главным образом несовпадения форм будущего времени и повелительного наклонения. Например, употребленные М. Смотрицким формы *прочтѣва, прочтѣта, прочтѣмъ, прочтѣте, чтѣва, чтѣта, чтѣмъ, чтѣте* при переиздании Грамматики заменены *прочтема, прочтета, прочтемъ, прочтете, чтема, чтета, чтете*.

Евьевское и московское издания не составляли единства и в отношении ударения: Смотрицкий ударения обычно подчинял белорусскому произношению. В московском же издании ударение приближалось к русскому произношению. Отсюда в первом издании читаем: *юродѣ, юрода*, во втором: *юродѣ, юрѣда*, соответственно: *дѣмовѣ — дѣмѣвѣ, тѣбриши — тѣорѣши*.

Характерной особенностью обоих изданий является наличие в них лексических книжнославянизмов, особенно в иллюстративных примерах, которыми снабжались отдельные грамматические правила.

Некоторые лингвистические термины образованы в московском издании по образцу, свойственному современному русскому языку, например, слова *сложенное* и *пресложенное* заменены при переиздании — *сложное* и *пресложное*.

Историко-сопоставительный анализ евьевского и московского (1648) изданий позволяет заключить, что М. Смотрицкий по-своему представлял орфографические и грамматические нормы книжно-славянского языка. В этом сказались прежде всего общие тенденции развития книжно-славянского языка в Белоруссии начала XVII века, где он представлял тогда сложную систему, заключающую в себе книжные и архаические черты с примесью местных особенностей.

В Московской Руси наблюдались также известные отклонения от архаических, книжно-славянских норм, но уже в сторону русского произношения, что и нашло свое отражение в московской переделке Грамматики.

Грамматика Смотрицкого — важнейший источник изучения книжно-славянского языка, его различных вариантов, которыми пользовались в XVII веке в Московской Руси, Белоруссии и на Украине.

Она является ключом к правильному пониманию книжно-славянского литературно-письменного наследия, распространявшегося в свое время среди восточных славян. Не приходится поэтому удивляться, что создатель первой научной русской грамматики Михаил Ломоносов считал ее наряду с «Псалтырью рифмованной» Симеона Полоцкого и «Арифметикой» Леонтия Магницкого «воротами своей учености». «Грамматика» Смотрицкого стала важной ступенью к «Российской грамматике» М. Ломоносова, а также легла в основу Славянской грамматики Юрия Крижанича (1666) и Грамматики болгарского языка Христан-Дупничанина (около 1840).

Доктор филологических наук

В. В. АНИЧЕНКО

Гомельский государственный университет

Николай Михайлович КАРИНСКИЙ

(1873—1935)

23 марта 1973 года исполнилось 100 лет со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора Николая Михайловича Каринского, известного специалиста в области русской и славянской палеографии, истории русского языка и русской диалектологии.

Интерес к изучению памятников древнерусской письменности появился у Н. М. Каринского еще в студенческие годы. В 1896 году вышла его работа «Погодинский Апостол 1391 г.», посвященная особенностям языка одного из новгородских памятников. В дальнейшем большое внимание исследователь уделяет изучению территориальной приуроченности памятников. Его привлекают не только языковые различия произведений, написанных в разных местах Древней Руси, но и то общее, что объединяет эти памятники и отличает от древнейших рукописей, созданных на других славянских территориях. В работе «Паремейник 1271 г. как источник для истории псковского письма и языка» ставится вопрос о контактах между Псковом и Новгородом, выразившихся в обмене рукописными материалами в XIII веке.

Много внимания уделяет Н. М. Каринский изучению письменных памятников Киевской Руси. На основе исследования надстрочных знаков в этих памятниках автор приходит к выводу о связи надстрочных знаков с произношением в современном русском и болгарском языках. Специальное исследование посвящает ученый старейшему памятнику древнерусской письменности — Остромирову Евангелию (1056—1057). В работе «Остромирово Евангелие как памятник древнерусского языка» Остромирово Еванге-

лие рассматривается в связи с другими памятниками богослужебной литературы. Исследователя интересует не только древнерусская рукопись, но и тот болгарский оригинал, с которого она списывалась. Как пользовался русский переписчик оригинальным текстом, насколько точно он следовал этому тексту, как вообще осуществлялась переписка древнерусских богослужебных книг — вот вопросы, которые ставит Н. М. Каринский в своих работах.

В 1908 году выходит в свет работа «Образцы глаголицы», а в 1909 году — магистерская диссертация «Язык Пскова и его области в XV веке». Н. М. Каринский продолжил начатое его учителем академиком А. И. Соболевским изучение памятников, написанных на территории древнего Пскова. В своей диссертации Н. М. Каринский дает подробную фонетическую и морфологическую характеристику более чем 15 памятников Пскова.

Изучению языка древнего Пскова посвящена еще одна работа, опубликованная в 1916 году — «Очерки из истории псковского письма и языка», где исследуется один из псковских памятников «Псковский Шестоднев 1374 г.». Работа посвящена изучению диалектных особенностей памятников в сравнении с записями псковских говоров позднейшего периода.

Большой интерес для исследователей древнерусской письменности представляет вышедшая в 1925 году книга «Образцы письма древнейшего периода истории русской книги» (под общей редакцией Н. М. Каринского и с его вступительной статьей). В издании представлено 68 фототипических снимков с древнерусских памятников раннего периода (преимущественно XI в.), таких, как Остромирово Евангелие (1056—1057), Святославов сборник (1073 и 1076), Архангельское Евангелие (1092), Мивел (1095—1096), Новгородские листки XI в. и др.

Во вступительной статье к книге Н. М. Каринский продолжает исследования в области славяно-русской палеографии В. Н. Щепкина и Е. Ф. Карского. Вслед за А. И. Соболевским и И. И. Срезневским он признает большое теоретическое значение палеографии, относя ее к разряду исторических наук. Н. М. Каринский пишет: «Особенности письма древнейших, дошедших до нас русских памятников не только характеризуют в известной степени начальный период истории русской книги, но и позволяют сделать... выводы о характере письма древнеболгарских памятников, служивших оригиналом для русских рукописей».

Свои соображения по поводу псковских памятников Н. М. Каринский излагает и в работе «Мусия-Пушкинская рукопись „Слова о полку Игореве“ как памятник псковской письменности XV—XVI вв.». Опыт изучения псковских рукописей дает автору возможность сравнить языковые особенности «Слова» с языковыми осо-

бенностями псковских рукописных источников. Н. М. Каринский развивает предположение А. И. Соболевского о псковском происхождении «Слова о полку Игореве». Сопоставление «Слова» с псковскими рукописями XIV, XV и XVI веков приводит Н. М. Каринского к выводу, что рукопись не могла относиться к XIV в., а была составлена не ранее конца XV века. В Псковскую область рукопись попала довольно рано. Есть указание на цитату из «Слова» уже в памятнике 1307 года. Н. М. Каринский считает, что можно говорить о переписках «Слова» в Пскове в продолжение XIV—XV веков. Однако эта точка зрения, интересная сама по себе, не получила всеобщего признания. Из других работ Н. М. Каринского, посвященных изучению истории русского языка, следует отметить «Хрестоматию по древне-церковнославянскому и русскому языкам», выдержавшую два издания в 1904 и 1911 годах. Н. М. Каринский известен и как автор ряда интересных работ по русской диалектологии. Со студенческих лет он принимал участие в диалектологических экспедициях. Результаты некоторых поездок обобщены в статьях: «Заметки об одном из говоров Костромской губернии» (1895) (в статье исследуются особенности фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики Плеса и его окрестностей); «О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа» (1898); «О говорах восточной половины Вронницкого уезда» (1903). Говоры рассматриваются автором в сравнении с соседними.

Работы Н. М. Каринского по русской диалектологии особенно значительны еще и потому, что он был одним из первых, кто начал работать с фонографом. В то время в печати почти не появлялось транскрипций фонографических записей речи при описании говоров. Ученый начал работать с фонографом еще во время экспедиции 1912 года. В упомянутой работе «Очерки из истории псковского письма и языка» им опубликована небольшая проба записи одного из псковских говоров. В 1929—1931 годах он публикует транскрипцию нескольких вятских и тверских говоров. В 1925 году выходит «Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края». Программа строится в связи с собиранием других местных этнографических особенностей. В приложенных к Программе «Заметках о методах этнографических наблюдений» автор пишет: «Этнограф не должен быть слишком узким специалистом. Он должен уметь наблюдать различные стороны народной жизни. Изучающий обряды, обычаи, песни или сказки должен передавать в своих записях народную речь, по возможности фонетически, а, следовательно, необходимо должен познакомиться с особенностями народного говора. Но и диалектолог едва ли может пренебрегать ознакомлением с народной словесностью,

обычаями и бытом». Вторая часть этой работы посвящена методам диалектологических наблюдений.

Из других работ Н. М. Каринского по русской диалектологии представляют интерес следующие: «Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры» (1928); «Очерки из области русской диалектологии» (1931) (Н. М. Каринскому принадлежит введение, в котором в общих чертах описан один из тверских говоров).

В 1936 году выходит одна из основных работ Н. М. Каринского по русской диалектологии — «Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово». Эта работа интересна тем, что автор имел возможность сравнить результаты обследования этой деревни в 1903 году (они были опубликованы в уже упомянутой работе «О говорах восточной половины Бронницкого уезда») с записями говоров, сделанными 30 лет спустя, и отметить те изменения, которые произошли в языке в послеоктябрьскую эпоху. К исследованию приложен богатый иллюстративный материал, фонетические записи связанных текстов, словари (словари были составлены другими участниками экспедиции).

В работе «Очерки языка русских крестьян» Н. М. Каринский ставит вопрос об основных причинах языковых изменений. Он стремится понять языковой процесс в условиях взаимоотношений разных социальных групп (нельзя не отметить некоторые методологические недостатки этой работы, выразившиеся в некритическом использовании ошибочных положений теории Н. Я. Марра).

Исследования Н. М. Каринского внесли значительный вклад в изучение славяно-русской палеографии, истории языка и русской диалектологии.

*Кандидат филологических наук
Л. В. ВЯЛКИНА*

Мастер. Ремесленник

Издавна известны русские мастера по изготовлению всевозможных украшений из золота и серебра, одежды и обуви, кожаных изделий и сбруи, специалисты по строительству укреплений, литью колоколов, росписи дворцов и храмов. Потребность в специалистах была так велика, что даже удельные князья нередко вынуждены были приглашать мастеров из других стран. Так, в Новгородской I летописи (по синодальному списку под 991 г.) указывается, что князь Владимир шлет своих послов за греческими мастерами для возведения церкви, а Владимирский князь Андрей, как свидетельствует Ипатьевская летопись (под 1161—1259 гг.), привлекает для строительства и украшения церкви рижских мастеров.

По своему происхождению слово *мастер* в русском языке является иноязычным, однако язык-источник до настоящего времени остается невыясненным. Этимологией этого слова занимался Н. В. Горяев. Германское, английское и голландское *master*, немецкое *Meister*, древневерхненемецкое *maistar* он возводил к итальянскому *maestro*, которое произошло от латинского *magister* (Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896).

А. Г. Преображенский считал, что это слово проникло из голландского или английского языка (Этимологический словарь русского языка), а М. Фасмер (Этимологический словарь русского языка) допускает, что слово *мастер* могло быть заимствовано из греческого через какое-либо языковое посредничество.

Отмечая, что *мастер* в смысле 'глава ордена' встречается в Смоленской грамоте после 1230 года, В. А. Богородицкий приводит из памятников письменности целый ряд фонетических вариантов этого слова (местерь, местерь, меистерь, магистрь, маанстрь, мѣштерь) и считает его заимствованием из латинского через немецкий.

В. А. Богородицкий обращает внимание на то, что *мастер* в значении 'мастер, ремесленник' встречается в «Повести временных лет»; в Ипатьевской летописи (под 1161 г.) этот термин представлен в виде *мастырь* (с переменной суффикса *-ерь* на *-ырь*).

Авторы «Краткого этимологического словаря русского языка» (М., 1961) Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская считают, что слово *мастер* является древнерусским заимствованием из греческого языка.

Есть основания полагать, что широкое распространение термина *мастер* в восточнославянских языках, в том числе и в русском, обязано и немецкому языку. Так, не вызывает сомнения, что украинское *майстер* и белорусское *майстар*, *майстэр* со значением 'мастер в каком-либо ремесле' восходят к немецкому *Meister* через польское языковое посредничество.

Термин *мастер* и его варианты в памятниках древнерусской письменности встречаются очень рано. И. И. Срезневский приводит самый ранний пример из «Повести временных лет» (под 989 г.). Представлен этот термин и в памятниках церковной и светской литературы XIII века (см.: И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка). В Смоленской грамоте 1284 года слово *мастер* употреблено в значении 'магистр Ливонского ордена'.

В XIV—XVI веках термин *мастер* употреблялся в разных жанрах литературы. Мы находим его в памятниках делового письма, в летописях и в переводных произведениях. «Владыка Василии повелѣ съліяти колоколѣ великѣ къ святѣи Софіи, и приведе мастера с Москвы» (Новгородская I летопись); «На другое мѣсто самъ мастерѣ Кирилѣ постави церковь въ свое имя, святѣи Кирилѣ» (Псковская

I летопись. 1373); «... толко мастера свершивъ сошли съ церкви, на том часю церковь паде...» (Новгородская IV летопись. 1429—1434); «А даю сыну своему Ивану людей своих полных... да и Онуфрея мастера» (Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.).

Анализ приведенных примеров показывает, что здесь *мастер* характеризуется значением 'специалист в какой-либо отрасли ремесла, промысла, в строительном деле' и т. д. В «Домострое» *мастер* — это обобщающий родовый термин, объединяющий ряд специальностей: «мастеровъ всякихъ было много: пконники, книжные писцы, серебряные мастера, кузнецы и плотники и каменщики и всякие кирпичники и стеньщики и всякие рукодѣльники» (Домострой по Косюшинскому списку и подобным).

Термин *мастер* для обозначения специалиста высокой квалификации широко отмечается в южновеликорусской письменности XVII века. Памятники указывают на то, что этот термин не был ограничен локально и представлял собой общерусское наименование.

Будучи принадлежностью как книжной, так и разговорной речи, он, тем не менее, в древнерусскую эпоху не являлся активной словообразующей основой. И. И. Срезневский в «Материалах для Словаря древнерусского языка» приводит лишь два примера, иллюстрирующих производные от *мастер* — *мастерские*, *мастерство*. Первый отмечается в Житии Стефана Пермского, памятнике XIV века: «Оутвори (црковь не) мастерскими кознями», а второй — в Хронографе XVII века «Премудро мастротѣ живописующих, сирѣчь о пзящномъ мастерствѣ иконописующих».

В период формирования русского национального языка у слова *мастер* появляется ряд новых значений и производных от него терминов, не отмечавшихся в письменности древнерусского периода. В «Словаре Академии Российской» конца XVIII века данный термин характеризуется следующими значениями: «ремесленник, имеющий право от ремесленной управы свободно отправлять свое ремесло и держать у себя подмастерьев и учеников», «искусный в чем-нибудь». В этом же лексикографическом труде мы находим производные: *мастерица*, *мастеров*, *мастеровать*, *мастеровой*, *мастерски*, *подмастерье*.

Шире представлены производные от *мастер* в разговорной и диалектной речи. В «Опыте областного великорусского словаря» термин *мастерица* выступает в значении

‘учительница русской грамоты’, носителем которого явились новгородцы и тихвинцы.

Наряду с этим *мастерица*, как свидетельствуют материалы В. И. Даля, имеет значение ‘старшая закройщица в швейной или модной лавке’, причем сфера территориального распространения слова не указывается. Образованное от *мастер — мастеров* имеет следующие значения: ‘нож мастера’ (вологодские и ярославские говоры), ‘московский крестьянин, забирающий рабочий припас у фабрикантов, раздающий его по селеньям и сдающий готовую работу на фабрику’ (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка; Опыт областного великорусского словаря).

Из других производных, отраженных в «Толковом словаре» В. И. Даля, мы встречаем *мастерица* ‘искусный в деле, ремесле’, *мастеренокъ* ‘мастеришка из ребят’, *мастеровъ*, *мастерицынъ* ‘ему, ей принадлежащий’, *мастерскій* ‘къ мастеру относящийся; ему принадлежащий’; *мастерской* ‘изобличающий мастера в деле; искусный’, *мастерская* (ремесленная); *мастерство* ‘рукоделие, ремесло, умение, искусство’; *мастеровой* ‘ремесленный’; *мастероватый* ‘довольно искусный, умеющий и ловкий в деле’; *мастеровато*, *мастероватость*, *мастерить*, *мастерить* (псковское, тверское — ‘делать, работать, по части какого-либо мастерства, ремесла, искусства’). Диалектное *мастеря* обозначает ‘кто мастерит, ладит что-либо’, а *мастеровать* — ‘ходить на заработки’.

Параллельно с *мастер* в разговорном просторечии употребляется *мастакъ* и его фонетический вариант *маштакъ*. Эти наименования в лексикографических трудах, отражающих древнерусский словарный состав, не отмечаются.

Формы, производные от *мастак*, известны русским диалектам. В тамбовских говорах значением ‘мастер, великий искусник’ характеризуется термин *мастачина*; в псковских и тверских говорах глагол *мастакать* употребляется в смысле ‘говорить одно и то же’, а в курских диалектах представлены термины *мастюкъ*, *мастюка*, *мастюшка* со значением ‘мастер, мастерица’ (В. И. Даль. Толковый словарь).

Мастер и его производные широко отмечаются и в современном русском литературном языке. В наше время слово приобрело ряд значений, не отмечавшихся лексикографическими трудами предшествующего периода, например: квалифицированный работник, занимающийся ка-

ким-либо ремеслом; квалифицированный ремесленник; ремесленник, принадлежащий к высшей группе сословной организации ремесленников; руководитель отдельного специального участка какого-либо производства; человек, достигший высокого мастерства, совершенства в работе и творчестве: мастер на заводе, у домны, сменный, часовой, оружейный, высоких урожаев, скоростного резания, высокой производительности труда, художественного слова, театра, живописи, спорта, шахматной игры и др. (Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка; см. также: *Velky ruský-česky slovník*. Praha, 1952; Словарь современного русского литературного языка).

Родовым наименованием лица, владеющего тем или иным ремеслом, в памятниках изучаемого периода являлся *ремесленник*, термин, который в настоящее время, кроме русского, встречается и в ряде западнославянских языков (ср. польск. *rzemieslnik*, чеш. *řemeslník*, в.-луж. *řemeslnik*). В этих же языках, а также в русском и украинском представлена и корневая морфема *ремесло*, являющаяся словообразующей основой для термина *ремесленник* (русск. *ремесло*, укр. *ремесло* и *ремество*, польск. *rzemiosło*, чеш. *řemeslo*, словацк. *remeslo*). А. Брюнкер считает, что слово *ремесло* на Руси появилось в результате заимствования из польского языка (*Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1970). Авторы «Краткого этимологического словаря русского языка» полагают, что *ремесло* могло быть образовано на восточнославянской языковой почве. Принимая во внимание, что слово *ремесло* известно и западнославянским языкам, его следует отнести к эпохе общеславянского языкового единства.

В письменности Киевской поры термина *ремесленник* не отмечено. Идентичный смысл в это время имел родственный термин *ремьствьникъ*, отраженный, в частности, в «Русской Правде». «За ремьствьника и за ремьствьницу по 12 гривне». Образованный от общеславянского слова *ремьство* (ср. русск. диал. *ремество*, укр. *ремество*, белорусск. *рамество*, др.-русск. *ремьство*, серб.-ц.-слав. *ремьство*), этот термин после падения редуцированных гласных изменился на *ремесник*. В таком виде он фиксируется в современных языках: укр. *ремесник*, белорусск. *рамесник*, польск. *rzemiśnik*. Знает этот термин и белорус-

ская письменность XVII века (см.: М. А. Корчиц. Строительная лексика в языке старобелорусской письменности XV—XVII столетий. Минск, 1970).

В великорусской письменности XIV—XVI веков встречается термин *ремесленник*, но он не имеет широкого распространения.

Образованный от основы *ремесленный* с помощью суффикса *-ик*, он в XVI веке известен и белорусской письменности (в памятниках этот термин встречается один раз), где являлся родовым термином для обозначения лиц, занятых изготовлением тех или иных изделий; выполнением конкретных трудовых процессов. Очевидно, слово *ремесленник* не было свойственно живой речи белорусов, это понятие в XVI—XVII веках здесь выражалось словом *ремесник*.

В русском языке слово *ремесленник* закрепилось в качестве литературной нормы со значением 'лицо, занимающееся ручным производством каких-либо изделий при помощи собственных орудий труда'. Кроме основного, появились и другие значения — 'человек, не вкладывающий в свою работу творческой инициативы, действующий по сложившемуся шаблону' (Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка) и ученик ремесленного училища (Словарь современного русского литературного языка).

Наряду с *ремесленник* в деловой письменности XVI века употребляется комплексный термин *ремесленные люди* со значением 'ремесленники'. Он зафиксирован в Писцовых книгах XVI века: «Да въ Ярославль въ большомъ на посадѣ, по даной торгового человѣка Никифора Федорова сына Дуткина, лѣта 7075 году, дв. монастырской подлѣ Спаского монастыря, а на монастырскомъ дворѣ живутъ 4 челов. дворниковъ — ремесленные люди, сапожные мастеришки, а оброку, сказали, емлютъ на нихъ въ монастырь по рублю съ человѣка». Этому терминованному словосочетанию в белорусской письменности XVI века соответствуют *люди ремесленные* и *люди ремесные*: «Людей ремесленных... от работы замковой волными чиним» (1597); «торговых людей ани ремесных за собою садити» (1523).

Как в белорусском языке, так и в русском эти словосочетания в современных словарях не отмечаются.

Ж. А. ЗАКУПРА

Рисунок В. Толстоногова

Как зюзя...

Выражение *пьян как зюзя* означает, что человек достиг последней степени опьянения. Именно в таком состоянии был Зарецкий из «Евгения Онегина» — «трибун трактирный и буйан, картежной шайки атаман», когда

С коня калмыцкого сваялся,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен...

«Простонародное» слово *зюзя* впервые попало в русский словарь (академический Словарь 1847 г.) в составе тавтологического оборота *напился зюзя зюзей*.

Какова же этимологическая расшифровка этого устойчивого сравнения, попавшего в пушкинский лексикон?

Рассматривая оборот *как зюзя...* в стилистическом плане на примерах из стихов Д. Давыдова и А. Пушкина, сибирский фразеолог А. И. Федоров пишет: «К сожалению, в настоящее время не представляется возможным установить этимологию этого оборота, что помогло бы определить сферу употребления его. По примерам, приведенным выше, можно предполагать, что этот оборот был распространен в офицерской, гусарской среде в 1-й половине XIX века» (сб. «Актуальные проблемы лексикологии». Томск, 1971).

Действительно, образ, лежащий в основе устойчивого сравнения *пьян как зюзя*, не столь прозрачен, как в выражении *пьет как сапожник*. Вопрос о его происхождении, тем не менее, уже возникал у собирателей поговорок.

Первым на этот вопрос попытался ответить М. И. Михельсон, автор известного труда о происхождении русской фразеологии. Выражение *как зюзя* объясняется им так: «Пьян как зюзя (иноск.) — совершенно, как губка пропитанная (в грязи)» (Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии). Чтобы признать такую этимологию верной, необходимо убедиться, что слово *зюзя* первоначально означало именно ‘губка, впитывающая жидкость или грязь’.

В русских говорах слово *зюзя*, как и в литературном языке, известно прежде всего в сравнительных оборотах *пьян как зюзя, што зюзя, ровно зюзя*. В назначении ‘мертвецки пьяный человек’ слово *зюзя* записано в вятских, заонежских, каргопольских, костромских, новгородских, ростовских, рязанских, рыбинских, пермских, пошехонских, тамбовских, шуйских, тверских, терских и кубанских, щигровских и ярославских говорах (по материалам картотеки «Словаря русских народных говоров» Института русского языка АН СССР в Ленинграде).

Восточнославянские параллели русского *зюзя* также напоминают пушкинскую характеристику Зарецкого: укр. *п'яний, як зюзя*; белор. *зюзь* ‘горький пьяница’ — *седзиць не дуж, упився, як зюзь*. Но все же значение ‘мертвецки пьяный’ — далеко не единственная семантическая характеристика слова *зюзя* в народной речи.

Вот те значения, которые, по всей видимости, и стали основой этимологической трактовки М. И. Михельсона: ‘человек, обмокший от дождя или падения в воду, замаравшийся грязью». Эти значения известны в вытегорских, вологодских, воронежских и олонекских говорах. Такой *зюзя* может быть мокрым и от слез, как в терских и кубанских говорах, где это слово означает ‘плакса’.

Кроме того, *зюзя* — это и ‘неопрятный, неряшливый человек’ (калужские, пермские, пинежские говоры), ‘нерасторопный человек’ (тамбовские), ‘разиня, зевака’ (терские и кубанские), ‘простофиля’ (рыбинские), ‘смирный, безобидный человек’ (московские, череповецкие).

Эта гамма значений диалектного слова *зюзя* отражается и в немногочисленных его производных: *напился как зюзечка* ‘до потери сознания’ (орловские), *зюзило* ‘пьяница’, ‘неряха’ (псковские), *зюзик* ‘зевака, разиня’ ‘нерасторопный человек’ (терские). От *зюзя* образован и глагол *зюзить* ‘пить’. «Пиво-то он зюзить любит», — говорят в Пинежье. Известен этот глагол и в шадринских говорах.

А в пермских он имеет несколько иное фонетическое подобие — *зюзлить* и употребляется с приставкой *вы-*. «Купил к празднику вина полведра, да с гостями все *вызюзил*» — такую пермскую фразу записал в 1856 году А. Луканин.

Как видим, в русских гсворах нет ни одного употребления слова *зюзя* в значении 'губка'. И не удивительно: вряд ли в русской деревне времен М. И. Михельсона губка была так распространена, чтобы с ней сравнивали пьяницу.

М. И. Михельсон, прекрасный знаток многих языков, выбрал, однако, именно губку для толкования выражений *пьян как зюзя, промок как зюзя* не случайно. Вероятно, это объяснение было невольно подсказано ему французским выражением *boire comme une éponge*. Последнее дословно переводится именно 'пить как губка', то есть до полного опьянения, как *зюзя*. Гипотеза М. И. Михельсона, таким образом, это скорее перевод русского выражения на французскую «образную систему», а не объективная его этимология.

Иное, более «славянское» объяснение этого выражения пытался дать М. Романов в своем «Словаре своеобразных слов в народном говоре Усьянско-Дмитриевской волости Северо-Двинской губернии» (1928), рукопись которого хранится в Институте русского языка АН СССР (Ленинград). «У русин древний бог пьянства превратился в христианского святого Зосиму, — пишет диалектолог. — Возможно, что имя Зосимы было близко к одному из имен этого бога (он имел их несколько: Бубилос, Рагута и др.). Тогда слово *Зюзя* должно быть именем этого божества». Выходит, пьян не как *губка*, а как *бог*. Проверим и это предположение.

Как ни странен факт, что русинский бог пьянства превратился в христианского святого, но он тем не менее отмечен энциклопедией Брокгауза и Ефрона. Изменение же имени Зосима в *Зюзя* уже гораздо менее вероятно: по фонетическим законам получилось бы скорее *Зося*. Но предположим, что *зюзя* все-таки фонетическое искажение имени Зосима.

Не правда ли, и в этом случае остается странным, что этот «бог» *Зюзя* в русских диалектах оказывается чересчур многоликим: это не только пьяница, но и неряха, разиня, простофиля и неторопливый, смиренный человек?

Остается посмотреть, с кем и с чем чаще всего сравнивают мертвецки пьяного человека. В русском языке явно не «божественного» происхождения сравнения: *пьян как сапожник, как лошадь, как свинья, как бочка*. Особенно распространены сравнения «профессиональные». Раньше говорили и *пьян как извозчик, как дворник, как лакей, как пожарник*. Сравните целую цепь «специализированных» синонимов глагола *выпить*, которую приводит В. И. Даль для каждого сословия: «сапожник настукался, портной настегался, музыкант наканифолился, немец насвистался, лакей нализался, барин налимонился, солдат употребил, купчик начокался, чиновник нахрюкался» (Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 793).

Устойчивые сравнения типа *пьян как сапожник* широко распространены и в других языках. Вот дословный перевод некоторых из них: англ. *пьян как лорд, как уличный скрипач или как волынщик*, франц. *пить как музыкант, певец, пожарный, гренадер, рыцарь-храмовник, звонарь, солевар или жнец*, нем. *пить как щеточник*, чеш. *пьян как щеточник, как старый гренадер, как торговец сукном и т. д.*

Довольно активна и модель сравнения с животными. В русском языке к *пьет как лошадь* можно добавить *как корова* и просто *как скотина, натянулся как пиявка* — выражение, записанное В. И. Далем. Ср. англ. *пить как рыба, пьян как сова* (ср. русский глагол *осоветь!*) и американский вариант этого сравнения — «как вареная сова».

Можно было бы привести и некоторые другие модели устойчивых сравнений этого типа: франц. *пьет как бочка*; нем. и чеш. *пить как дыра*; франц. *пить как швейцарец, как поляк* и чеш. *пить как датчанин*. Но ни в этих, выбранных из различных языков, ни в других фразеологизмах со значением ‘пить как зюзя’ не обнаружено слово, которое можно было бы трактовать как ‘бог’. Следовательно, «божественное» происхождение русского *зюзи* неверно и семантически.

Разгадка оказывается, как часто бывает в истории фразеологии, гораздо проще остроумных этимологических гипотез и анекдотов. На родине Пушкина, в Псковской области, давно известны слова *зюзя, зюся, зюха, зюська, зюжка, зюшка, зюра, зюрья* и под. «Подбери с полу и дай зюси» (Псковский р-н, д. Мелетово); «Надо зюхе нарвать хряпы [травы]» (д. Карамышево); «Зюзька бе-

гает по двору» (Печорский р-н, д. Лезги); «Зю́ська прямо крохотный, уж очень мал» (Середкинский р-н, д. Заборовка) — такие фразы на Псковщине ни у кого не вызовут недоумения: речь в них идет о... свинье!

Наша зюха большебрюха, как у брата дролечка, — поют остряки из д. Крякуша Карамышевского района. Это тоже сравнение. Но сравнение не человека со свиньей, как в выражении *пьян как зюзя*, а, наоборот, *зюхи*, то есть свиньи, с *дролечкой* — возлюбленной брата.

Итак, *зюзя* — это 'свинья'. Псковские диалектизмы *зюзя*, *зюся*, *зюха* — логическая связующая нить между всеми значениями, рассмотренными выше. Пьяного, нечестливого и извалявшегося в грязи человека многие народы сравнивают именно со свиньей. Слово *зюзя* стало и более общей отрицательной характеристикой человека, получив в отдельных говорах более конкретные контекстуальные уточнения отрицательной семантики — 'разница, зевака', 'нерасторопный человек', 'простофиля' и под.

Кроме псковских, слово *зюзя* в значении 'свинья' известно, по-видимому, и другим русским говорам. Об этом свидетельствуют такие его уменьшительные формы, как *зю́зьга* 'поросенок' (уральское), *зю́зька*, *зю́жка* 'кличка маленьких поросят' (курское, орловское, тверское) и *зю́тька* 'поросенок' (донское), записанные диалектологами. *Зю́зя*, *зюся*, *зюха*, *зюрька* и под. — не что иное, как названия свиньи, образованные от междометий *зю-зю*, *зюсь-зюсь*, *зюль-зюль*, *зюрь-зюрь*, *зюк-зюк*, *зюрька-зюрька* и под., которыми этих животных подзывают на Псковщине и в других районах России.

В картотеке «Псковского областного словаря» есть записи, где междометное и именное употребление этих слов оторвать друг от друга невозможно: «Зюк-зюк, зю́ка звали свиней, а топёрь больше па имени: бо́раф так Васька, свинья так Ма́шка» (Стругокрасненский р-н, д. Остров).

Таким образом, и семантические и фонетические факты решают вопрос о происхождении выражений *пьян как зюзя*, *напился зюзя-зюзей* в пользу диалектизмов *зю́ся*, *зю́зя* 'свинья', широко известных на родине Пушкина, который одним из первых употребил это народное выражение в литературе.

В. М. МОКИЕНКО

Рисунок В. Толстоногова

ШЕЛОНЬ

Название реки Шелонь, на первый взгляд, производит впечатление иноязычного, неславянского; можно предположить, однако, что здесь допустимо объяснение на основе славянских данных. Обратимся к древнейшим письменным источникам, упоминающим эту реку, — к псковским и новгородским летописям. В Псковской I летописи под 1217 годом находим: на Шолонѣ, под 1471 годом: на Шолони, то есть древнее псковское название реки, очевидно, было Шолона или Шолонь. В так называемом «Списке городов» (Новгородская летопись по синодальному харатейному списку): «на Шолонѣ Порховъ камень».

Новгородская I летопись дает несколько иную форму: въ Шелонѣ (1217, 1346), по Шелонѣ (1239), на Шелонѣ (1281, 1352), взя Шелону (1346). Следовательно, древнее новгородское название было Шелона, а не Шелонь. Вероятнее всего (как это и показывает упомянутое сообщение Псковской I летописи под 1217 г.), и в Псковской земле древнейшей формой являлось название Шолона, а Шолонь появилось позже. Что же может означать название реки Шолона, если исходить из псковских говоров.

Псковская земля была древнейшим местообитанием кривичей; это отмечено в летописи, где сказано про Изборск: «Трувор седево Изборску, а то ныне пригородок Псковской, а тогда был в Кривичех бѣлшій город». Это предположение подтверждает и латышское слово *krievs* 'русский' (собственно 'кривич') — древнейшее свидетельство непосредственного соседства кривичей с Латвией.

Говоря о происхождении названия реки Шелони, мы прежде всего можем ориентироваться на древнепсковский говор, который должен был явиться наследником кривичских говоров (Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков: Л., 1972, стр. 270—271). Одна из характерных особенностей псков-

ского говора — смешение звуков *с* и *ш*, *з* и *ж* («шепелявость» или «мазурень», «мазураканье» — как называли это явление А. И. Соболевский, А. А. Шахматов и другие слависты, не без основания сближавшие эту особенность псковских говоров с соответствующими чертами польских говоров Мазовшья — области Мазурских озер). «Как давно уже установлено исследователями, смешение букв *с* и *ш*, *з* и *ж* имеет место главным образом в древнепсковской письменности» (Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 267). В частности, нередко *ш* заменяет *с*, — например: перши (вместо: перси), донеши (вместо: донеси), шего (сего), Шолога (имя собственное: Солога, Селого) и много других примеров (см.: Ф. П. Филин, стр. 267, стр. 347—349). Можно предположить, что древнепсковское Шолона появилось вместо *Солона, то есть «Соленая»; это пока еще только чисто филологическая возможность, которая должна быть оправдана реалиями, действительными физико-географическими свойствами Шелони.

А эта река обладает и, в самом деле, особенностью, резко отличающей ее от всех других окружающих рек; берега ее во многих местах изрыты соляными источниками. Обратимся к географической литературе: «Окрестности берегов Шелони известны соляными источниками...»; «Около посада Солицы обнаруживаются выходы соляных ключей, обязанных своим происхождением породам девонской системы, содержащим залежи поваренной соли. Ключи выбиваются на берегу реки Шелони... Вкус воды горько-соленый... Окрестности посада Солец изобилуют такими же соленосными ключами, обнаруживающимися по берегам Шелони и ее притоков...»; «При впадении в р. Шелонь реки Мшаги расположено село Мшага... Около села находятся два соленых озера...» (П. П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи. V. СПб., 1885, стр. 785; III. СПб., 1867, стр. 372; В. П. Семенов. Россия. Т. III. Озерная область, стр. 325—326, 345).

Уже из этих свидетельств ясен совершенно исключительный характер берегов Шелони, определивший ее название, означавшее, по-видимому, просто «Соленая (Солонья) река». Псковская «шепелявость» способствовала позднейшей дестимологизации названия, да к тому же в древней новгородской письменности оно фигурировало как совсем малопонятное Шелона, что позже дало общепринятое Шелонь. Попутно заметим, что в псковских говорах мы и до сих пор не наблюдаем этой последней формы «в чистом виде» (первый неударяемый гласный звук в псковских говорах вовсе не соответствует литературному *-еы-*).

Следовательно, и языковые и географические данные полностью согласуются между собою, подтверждая нашу точку зрения, что название реки Шелонь имеет славянское происхождение. Не-

обходимо отметить и еще одно важное обстоятельство; все многочисленные реки и речки бассейна Шелони, за исключением двух-трех, носят чисто славянские имена.

Среди других пресноводных рек, носящих названия, образованные от слова *соль* (а их довольно много), нет ни одного, начинающегося на *ш-*. Так, речка Солоница (или Солонка) впадает в Пчевжу (бассейн Волхова); там же есть Солоницкое озерко, из которого Солоница и вытекает (длина Солоницы — около 30 км). Маленькая речушка Солонка (10 км протяжения) впадает в Ловать; другая, еще меньшая (4 км) (в сущности ручей) — в Ковжу. Речек с подобными названиями, имеющими основу *Солон-*, достаточно, и все такие названия возникли не вследствие того, что эти реки сами по себе соленые, а только потому, что на их берегах много соляных источников.

Характерным примером является довольно значительная (85 км) река Солоница Костромской области, протекающая через город Нерехту (в прошлом Соль Нерехотская) и посад Большие Соли. Берега ее, как и берега Шелони, в нескольких местах изрыты соляными разработками, которые потом были заброшены. Любопытно отметить зависимость оформления названий от размеров реки: наиболее крупная (Шолона — Шолонь) носит имя с формантом *-а, -о*, средние реки имеют формант *-ица*, а самые мелкие — *-ка*. Эту последовательность можно проследить на большом материале, хотя, разумеется, нельзя возводить ее в ранг закона, так как топонимические словообразовательные форманты часто весьма неустойчивы. Действительно, первая из упомянутых речек с названием Солоница носит и сокращенное имя Солонка (на равных правах), так как размеры (30 км) позволяют причислить ее и к средним (предпочтительнее), и к малым объектам этого рода. Однако восьмидесятиверстная Костромская Солоница с XV века (когда ее имя впервые вошло в письменные источники) до наших дней сохранила свое оформление *-ица* неприкосновенным.

Необходимо упомянуть еще об одном любопытном явлении — образовании особого названия юго-западного ветра, дующего на озере Ильмень как раз от Шелони: шелоник. Это слово из Новгорода распространилось на Белое море, Кольский полуостров, Обонежье, на Мезень, Байкал, Колыму и другие места; значение его в большинстве случаев почти одно и то же: 'юго-западный, западный или южный ветер', а то и 'юго-запад' (впрочем, наблюдаются отклонения, — например на Селигере *шелоник* — 'северный ветер'). Наличие этого слова в говорах — верный след былой новгородской колонизации.

А. И. ПОПОВ

Рисунок Ю. Космынина

В современном русском языке для названия отдаленной и глухой провинции, глухого захолустья иногда употребляется звучное слово *Т(ь)мутаракань* или *Тмуторокань*. Откуда взялось и что обозначало это загадочное слово?

Восходит оно к старому географическому названию, поэтому-то в нем и пишется прописная (заглавная) буква. Сейчас в этом слове против древнего написания делают «ошибки»: три орфографических (которые станут очевидны, если сопоставить современное написание *Тьмутаракань* с древнерусским *Тьмуторокань*) и одну грамматическую: существительное мужского рода превратилось в существительное женского рода, и вместо склонения *Тьмуторокань* — *Тьмутороканя* — *Тьмуторокою* и т. д. усвоило склонение *Тьмутаракань* — *Тьмутаракани* — *Тьмутара-*

кани и т. д. Правда, эти укоренившиеся ошибки перестали быть ошибками; став привычными, они получили права гражданства: теперь их уже никто не замечает. Так, историк А. Л. Монгайт в брошюре «Надпись на камне», особо останавливаясь на этом древнем географическом названии, не допускает даже мысли о том, чтобы его древняя орфография значительно отличалась от распространенной сейчас (стр. 101). Современная орфография этого слова укрепилась довольно прочно потому, что она отражает акающее произношение русского литературного языка, а появление ь вместо старого ъ было вызвано сближением со словом *тьма*. Таким образом, новое написание как бы получает обоснование, а мотивированные, обоснованные (хотя и неправильно) написания, как правило, устойчивы.

Древнерусская старейшая летопись «Повесть временных лет» несколько раз упоминает город *Тьмуторокань* как центр отдален-

ного, окраинного русского княжества. Из летописных упоминаний ясно, что эта окраинная и далекая русская область не была, однако, глушью, захолустьем, хотя точное место, где она находилась, в летописях не указано. Русские историки XVIII века потратили немало усилий, чтобы ответить на вопрос: «Где же находился город Тьмуторокань вместе со всем княжеством?». Было высказано немало любопытных соображений в ходе споров о загадочном городе. В 1792 году казаки случайно нашли на Таманском полуострове знаменитый Тьмутороканский камень с древнерусской надписью, сделанной в 1068 году после окончания геодезических работ по измерению ширины Керченского пролива: «Въ дѣто 6576 ин 6 Гльбъ князь мѣрилъ мо(ре) по леду ѿ Тьмуторокана до Кърчева 10 000 и 4000 саже (нѣ)» (см. подробнее об этом: Л. Е. Лопатина.— «Русская речь», 1968, № 3).

Здесь требует пояснения только дата: она обозначена по применявшейся в Древней Руси системе отсчета лет «от сотворения мира», которое будто бы произошло за 5508 лет до «рождения Христа».

Споры о местонахождении Тьмуторокана прекратились. Вместо проблемы местонахождения города всплыл вопрос о происхождении названия *Тьмуторокань*. Обзор литературы по этому вопросу дан в «Этимологическом словаре русского языка» М. Р. Фасмера.

Для этимологизации имени прежде всего необходимо установить древнейший его облик. Для этого свидетельств русского языка и памятников древнерусской письменности оказывается недостаточно, и поэтому возникает потребность привлечь данные из других языков.

Еще в начале XVIII века член Академии наук в Санкт-Петербурге Г. З. Байер, отыскивая место, где находился город Тьмуторокань, заметил звуковое сходство этого названия с названием города *Таматарха*, упоминавшегося у византийских и греческих авторов. Особую ценность при этом представляли сообщения о Таматархе в сочинении византийского императора Константина Багрянородного «De administrando imperio» (948—952). Из византийских источников можно было установить, что *Тьмуторокань* — *Таматарха* находился на восточном берегу Керченского пролива — Босфора Киммерийского, по терминологии греков. Впрочем, следует отметить, что греческое название Тьмуторокана имеет несколько вариантов: *Та Матарха* (начало слова принято за греческий артикль *та*), *Таматарха*, *Матра́хон* (род. пад.), *Мѣтраха*, *Метра́хон* (род. пад.). Особенно важно для нас написание *Тюматарха* в списке епархий XV века (в то время как в списке VIII века — *Таматарха*).

Любопытно, что иногда византийцы передавали название горо-

да двумя словами. Вполне вероятно, что и русское название первоначально состояло из двух слов, которые потом слились в одно. Звуковой состав греческого *Тамá Тарzá* близок к звуковому составу русского *Тъмугорокань*. Особенно похожи в этих словах согласные, из которых четыре первых совпадают полностью, а пятый согласный звук *к* русского слова весьма близок соответствующему по порядку звуку *х* в греческом наименовании. Оба звука — заднеязычные глухие согласные, но *к* — смычно-взрывной, а *х* — щелевой. Подобное соответствие русского *к* греческому *х* наблюдается обычно при передаче особенно глубокого заднеязычного звука *κ* тюркских языков в собственных именах или заимствованных словах.

Мягкость конечного русского *н* в слове *Тъмугорокань*, очевидно, обязана грамматическим причинам. Многие русские названия городов по своему происхождению — притяжательные прилагательные, которые образовывались с помощью старинного общеславянского суффикса *-й-* (*-j-*). Этот древний суффикс в современных славянских языках, в том числе и в русском, уже исчез, но оставил себя следы в виде чередования конечных согласных основы (см. об этом подробнее: И. С. Козырев. — «Русская речь», 1973, № 3).

Итак, мы установили, что слово (или даже два слова), которое легло в основу русского географического названия *Тъмугорокань*, состояло из следующих согласных звуков: т-м-т-р-к-н.

С гласными звуками в этих названиях дело обстоит гораздо сложнее, ибо многие из них подверглись сильным изменениям. Конечный редуцированный гласный *-ъ* в древнерусском варианте названия *Тъмугорокань* появился как специфическое русское окончание именительного и винительного падежей (в X—XI веках *-ъ* произносился как очень краткий звук *э*). Впоследствии этот звук исчез, но имевшаяся перед ним мягкость согласных в большинстве случаев сохранилась. Буква, соответствующая этому звуку, получила значение мягкого знака (о судьбе общеславянских звуков *ь* и *ъ* в русском языке см.: И. Г. Добродомов. — «Русская речь», 1968, № 5, стр. 112—117). Конечный гласный в греческом *Тамáтарга* и предпоследний в древнерусском *Тъмугорокань* совпадают, и поэтому для исходного слова можно предположить, что в нем был этот же звук *-а-*.

Историю гласных *о* в сочетании со звуком *р* следует рассматривать вместе, во всем полногласии *-оро-*, которое соответствует греческому *-ар*. Еще в поздний период общеславянского языка сочетания гласного с так называемым плавным согласным *р*, *л* подвергались изменениям, если они находились внутри слова в положении между согласными. Характер этих изменений можно проследить на истории имени императора Карла Великого (742—814), которое превратилось у славян в титул: у восточных славян — *король*, у

западных (кроме чехов, поляков и словаков) — *кромль*, у южных (а также у чехов и словаков) — *краль* с некоторыми более поздними фонетическими преобразованиями. Наряду с восточнославянским корнем *король* в русском языке представлены и слова, содержащие этот же самый корень в инославянской огласовке: это заимствованное из польского языка название *кролик*, а также чешское по происхождению слово *краль* (первоначально карточный термин со значением 'дама').

Итак, в старинном русском географическом названии *Тъмutoroкань* развилось полногласие *-оро-*, а в греческом *Таматарга* сохранилось старое сочетание *-ар-* без всякого изменения.

Соотношение между русским гласным *у* и греческим *а* едва ли удалось выяснить, если бы не современное название *Тамань* с конечным носовым согласным *н*, получившим на русской почве смягчение. В греческой передаче этот согласный *н* был устранен по грамматической причине: он, как и такой же согласный в самом конце слова, был отброшен из-за своего сходства с греческим окончанием винительного падежа *-н*. А в русском слове сочетание гласного и согласного *-ан-* в положении перед следующим согласным изменилось в особый носовой гласный *-а(-о^н-)*, который позже изменился в самый обыкновенный гласный *-у-*. Из всех современных славянских языков носовые гласные сохранил (и то в несколько преобразованном виде) лишь польский язык. Очень возможно, что если бы поляки знали сами о Тъмutoroкане с глубокой древности, а не через русское посредство, то они сохранили бы носовой гласный там, где русские имеют звук *-у-*. В родственном славянском языке литовском языке слово *ганкá* сохранило свой весьма древний облик, польское *гэка* имеет носовой гласный *е* в корне, а в русском языке мы имеем *рука* с гласным *у* в корне из прежнего носового гласного *о^н*. Сходным образом шло изменение сочетания гласного с носовым согласным и в старых заимствованных словах. Например латинское слово *pondus* 'тяжесть' дало в русском языке *пуд*, но в мордовских языках сохранена русская очень старая форма еще с носовым звуком: эрзян. *pondo*, мокш. *pondá*.

Следовательно, гласный звук *у* в названии *Тъмutoroкань* исторически поглотил согласный *н*. Поэтому указанные ранее шесть согласных должны быть дополнены седьмым согласным *н* и расположиться в такой последовательности: т-м-н-т-р-к-н.

Чтобы объяснить последнее оставшееся соответствие гласных звуков между древнерусским гласным *-ъ-* и греческим *-а-*, необходимо учесть, что древнерусский гласный звук *ъ* обычно появлялся на месте еще более древнего краткого *-у-*. Следовательно, объяснять приходится уже не соответствие *ъ — а*, а соответствие *у — а*, которое было более ранним. Русский язык не знал изменения *а* в

у, а греческий — изменения у в а. Для данного случая возможно такое предположение: для древнерусского и для византийского вариантов слова первоисточниками послужили разные диалекты одного языка, где когда-то происходил переход а в у. Кстати вспомним, что и грекам был известен редкий вариант названия с звуком у в первом слоге — Тюматарха в списке епархий XV века.

Древнейшая русская рукопись «Повесть временных лет» последний раз называет *Тьмуторокань* в 1094 году. В знаменитом «Слове о полку Игореве» упоминается далекий и уже загадочный город *Тьмуторокань* со своим таинственным *тьмутороканским болваном* (статуей).

Постепенно воспоминания об этом удивительном городе, где сталкивались разные культурные влияния: Древняя Русь, тюркские кочевники (булгары, хазары, половцы и др.) и блестящая Византия, — стерлись в памяти наших предков. Только интерес к древним летописям вернул из забвения звучное имя *Тьмуторокань* для обозначения далекой и глухой провинции, чему, вероятно, способствовала экзотичность звучания слова.

Однако первая часть древнего названия города *Тьмутороканя* (Таман-тарқан) надолго осталась жить и сохранилась в русском языке до настоящего времени, только смягчив конечный согласный. Отсюда нынешнее название *Тамань*. Географическое наименование *Тамань* — древний осколок таинственной *Тьмуторокани*. От Тамани пошло и название Таманского полуострова.

Что касается этимологии названия, то, как справедливо указывает К. Г. Менгес вслед за М. Р. Фасмером («Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXIX, 1960), оно выводится из двух древних тюркских титулов *таман* (Древнетюркский словарь. Л., 1969) и *тарқан*. Первый из них сохранился как нынешнее название города *Тамань*, а судьба второго в русском языке прослежена в статье «Веселая этимология. Таракан в этимологическом аспекте» («Русская речь», 1970, № 6). Точно так же из двух титулов состоит и русское название города *Астрахань*, причем второй титул — тот же самый, что и в названии *Тьмуторокань*.

Рассматривая происхождение и историю древнерусского географического имени *Тьмуторокань*, мы занимались топонимическим исследованием (топонимика — лингвистическая дисциплина, изучающая географические названия). Для изучения географических названий приходится прибегать не только к языковедческим исследованиям относительно современного состояния и истории самых разнообразных языков, но и к историко-этнографическим и географическим сведениям в их самом разнообразном переплетении.

И. Г. ДОБРОДОНОВ
Рисунок Е. Захарова

ОБУЧЕНИЕ ДЕЛОВОМУ ПИСЬМУ

Продолжение. Начало см.: «Русская речь»,
1973, № 4

Унификация форм написания деловых бумаг и правильное грамматическое их оформление — это только первая, начальная и не самая сложная часть общей проблемы обучения деловому письму в школе. Гораздо труднее и сложнее вторая часть проблемы — обучение владению деловым стилем речи. Здесь на каждый случай невозможно дать готовые образцы. Да это и не нужно, если выработать у учащихся чувство стиля. Для этого необходимо обучить учащихся владению особенностями, специфическими языковыми средствами делового стиля речи и в то же время очень осторожно, умелому обращению с ними, чтобы не допустить штампованного, трафаретного их употребления.

При решении этой задачи большую пользу приносит сравнительный анализ произведений различных стилей речи, например сравнение биографий и характеристик учащихся с биографиями писателей и характеристиками литературных героев художественных произведений, а также стилистический анализ пародий на различные стили речи, в которых делается упор на употребление наиболее присущих для того или иного стиля речи языковых средств.

Сравнение целесообразно проводить по плану написания деловых бумаг, так как этот план более краток и более четко прослеживается. Литературные и деловые биографии и характеристики строятся в основном по одному и тому же плану, но пишутся совершенно по-разному. Сравните:

Автобиография

Я, Павлов Виктор Васильевич, родился 26 октября 1926 г. в г. Ржеве Калининской области в семье рабочего. В 1934 г. поступил в Ржевскую среднюю школу № 2. В 1941 г. окончил 7 классов этой школы и поступил в Ржевский сельскохозяйственный техникум...

Биография Николая Алексеевича Островского

Николай Алексеевич Островский родился 29 сентября 1904 года в селе Вилия Острожского уезда Волынской губернии. Сын рабочего, он с детских лет изведал всю тяжесть нищенского существования. Всего три года проучился Островский в сельской школе (1910—1913) и вынужден был пойти в пастухи... (А. Дементьев, Е. Наумов, Л. Плошкин. Русская советская литература. М., 1970, стр. 215).

Пункты плана — детство, учеба, начало трудовой деятельности и т. д., раскрывающиеся одним-двумя предложениями в деловых бумагах, занимают иногда не одну страницу в литературном изложении (см., например: «Русская литература». Под редакцией Н. И. Громова. М., 1971, стр. 93—96 [о Пушкине], 214—216 [о Гоголе]; М. Зощенко. Рассказы и повести. Л., 1959. Тарас Шевченко, стр. 624—629 [детские годы] и др.). Они обрастают многочисленными подробностями, отступлениями, описаниями эпохи, литературных и политических кругов и т. п.

В деловых характеристиках по сравнению с характеристиками литературных героев не дается описания внешности и внутреннего мира человека. Сравните:

Характеристика

Георгиева Александра Петровича

Георгиев Александр Петрович, 1934 года рождения, русский, член ВЛКСМ с 1950 года. Образование среднее. В 1952 г. окончил механический факультет Московского автодорожного техникума...

Характеристика Тараса Бульбы

Тарас — храбрый казак, умный опытный воин. Его любят и ценят товарищи, недаром они выбирают его своим атаманом и беспрекословно подчиняются его распоряжениям в бою. Тарас, по словам Гоголя, богатырь, похож на «крепкий дуб»... (П. А. Шевченко, С. М. Флоринский. Родная литература. М., 1971, стр. 173—174).

В деловой характеристике говорится о деловых качествах человека; из личных качеств указываются только те, которые помогают раскрыть деловую сторону или общественное лицо человека. В характеристиках, представляемых абитуриентами, часто содержатся фразы, употребляемые для описания литературных героев: «У него хороший слух»; «Он хорошо играет на баяне»; «Она хорошо читает стихотворения» и т. п. Какое отношение имеет это качество к работе человека в коллективе, как оно дополняет его общественное лицо — ничего не говорится. Следовательно, в деловой характеристике об этом нужно писать иначе: «Принимал активное участие в общественной работе, был баянистом школьного оркест-

ра» или «принимал участие в общественной работе школы, участвовал в организации общешкольных и классных вечеров, помогал другим и выступал сам как чтец и декламатор».

При сравнительном анализе образцов различных стилей речи особое внимание следует обращать на языковые средства выражения, так как именно они, возможность их сочетания, своеобразие употребления создают специфику речи.

Необходимо отметить, что наряду с определенными языковыми особенностями делового стиля речи (подробную характеристику языковых особенностей делового стиля речи см.: «Русская речь», 1973, № 4) в рассмотренных литературных биографиях и характеристиках широко употребляются разнообразные изобразительные средства (эпитеты, метафоры, сравнения и т. п.), в то время как в однотипных деловых бумагах они почти отсутствуют. Единственно допустимым в деловом стиле речи является употребление определений и обстоятельств. Однако возможности их применения весьма ограничены. Употребляются они только в самых крайних случаях — при выражении настоятельной просьбы, характеристики содержания дел или качеств, необходимости принятия неотложного решения и т. п. Небрежное отношение к языковым средствам, использование художественных языковых изобразительных средств, а также разных пластов лексики (разговорной, просторечной, диалектной и др.) в деловых бумагах приводит к смешению стилей речи, делает речь, несмотря на содержание, неуместной, нелепой и даже смешной. Так, например, выглядит деловое письмо, написанное как обычное, личное, разговорным языком, с использованием просторечий.

На Ваш № 475/16 от 6/III 1968 года.

Здравствуй! В первых строках моего письма спешу сообщить, что письмо ваше мы получили, за что большое вам спасибо. Все живы, здоровы, чего и вам желаем...

Насчет дела, о котором вы спрашивали, могу сообщить, что эти вахляки с завода запчастей совсем перестали посылать шестереночки...

Ждем ответа, как соловей лета.

Заместитель директора
механического завода

А. П. Чечкин

(«Литературная газета», 5 июня 1968).

Это письмо наглядно показывает, к чему приводит небрежность или неумение пользоваться стилистическими языковыми средствами.

Однако многие, понимая, что в деловом стиле речи не место разговорным и просторечным выражениям, впадают в другую крайность, считая, что деловая речь только тогда приобретает характерный для нее вид, когда пишут не так, как обычно в жизни,

а совсем иначе подчеркнуто книжно, наукообразно, вычурно, используя как можно больше непонятных, но звучащих «учено» канцелярских штампов.

С этой целью в деловых бумагах вместо глаголов неоправданно часто стараются употреблять отглагольные формы на *-ие* (*-ие*): «прошу разрешения на посещение библиотеки» вместо «прошу разрешения посетить библиотеку» и т. п., а также называют эти формы одна на другую: «в связи с заболеванием прошу разрешения на продление отпуска».

Широкое распространение получило также употребление знаменательных частей речи в роли предлогов: «в районе 5 часов» вместо «около 5 часов»; «при наличии отсутствия деталей» вместо «при отсутствии деталей» и т. д... Чаше стараются употреблять старые канцелярские штампы, грамматически не оправданные в наше время, например, форму предложного падежа отглагольных существительных после предлога *по*: «зарегистрироваться по возвращении, явиться по прибытии на место» — в значении «после прибытия». Подобные деловые бумаги, написанные с использованием таких «показательных», «стилизующих» средств, выглядят ошеломляюще «учено» и строжайше официально. Например: «На Ваш № 475/16 от 6/III 1968 года в настоящем сообщаем, что в силу того, что фактическое наличие запрашиваемых сведений в части частей к редуктору РМ-250 подтвердилось отчасти частично, обращаемся с просьбой разрешить пролонгировать с целью увеличения, наличия...» («Литературная газета», 5 июня 1968).

За нагромождением канцелярских штампов и отыменных предлогов трудно понять смысл такого письма. В то же время главная особенность делового стиля речи — простота, доступность понимания, четкость. Следовательно, каждый учащийся должен понять, что существующие трафареты построения деловых бумаг не только не предполагают, а категорически не допускают их наполнения канцелярскими и словесными штампами.

При составлении деловых бумаг следует постоянно помнить, что деловой стиль речи — это живая нормативная литературная речь, только более строгая, четкая, немногословная, с ограниченным употреблением эмоционально языковых средств, со специфическими оборотами речи.

Кандидат филологических наук
В. А. ИВАНОВА

На стр. 138—141 образцы
деловых бумаг

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В воскресенье, 7 января, организуется лыжный поход
на станцию Усово.
Сбор у школы в 9 часов утра.

Пионервожатый

ДЕЛОВОЕ ПИСЬМО

Письмо-запрос

Москва, ВЦСПС, ЦК профсоюза рабочих строительства

Прошу разъяснить, правильно ли с нас взимают, ссылаясь на разъяснение Стройбанка СССР, плату за проезд к месту работы, находящемуся более чем в 3-х километрах от места жительства.

Рабочий СМУ-15 г. Львова
Горюнов П. И.

3/III 1971 г.

Письмо-ответ

Рабочему СМУ-15 г. Львова тов. Горюнову П. И.
г. Львов, ул. Ожешко, д. 3

Сообщаем, что Ваше письмо ЦК профсоюза рассмотрено. Постановлением Совета Министров СССР от 24 августа 1955 г. № 1551 строительным организациям предоставлено право при отсутствии коммунального транспорта перевозить рабочих и служащих к месту работы и обратно бесплатно, если их местожительство находится на расстоянии более 3 км от места работы.

Разъяснение Стройбанка СССР от 25/V 1967 г. № 18—012 подтверждает этот порядок и не противоречит данному постановлению,

Секретарь ЦК профсоюза *Подпись* (Петров)

ПРОТОКОЛ

ПРОТОКОЛ № 6

общего комсомольского собрания
учащихся 9-й спецшколы г. Москвы
от 25 декабря 1971 года

Присутствовало 38 человек.
Председатель — Скворцов Виктор.
Секретарь — Гущина Нина.

Повестка дня:

I. Итоги успеваемости комсомольцев за I полугодие 1971 учебного года.

II. Организация общешкольного вечера, посвященного встрече Нового года.

I. С л у ш а л и: Итоги успеваемости комсомольцев за I полугодие 1971 учебного года (докладчик — секретарь комсомольской организации Петров Николай).

Петров Н. отметил, что большая часть комсомольцев в I полугодии имеет хорошие и отличные оценки. Но есть и неуспевающие комсомольцы, например: Коршунов И., Сидорова З., Крюков Н., Сидорова З. имеют двойку по алгебре и геометрии, Коршунов И. — по истории, Крюков Н. — по русскому языку.

В прениях выступили:

Васильев Юрий: Зоя Сидорова долго болела в этом полугодии. Я считаю, что мы должны ей помочь и предлагаю свою помощь в занятиях по алгебре и геометрии.

Николаева Аня указала, что комсомольцы Коршунов и Крюков недобросовестно относятся к учебе, часто пропускают уроки, приходят на занятия неподготовленными.

П о с т а н о в и л и:

1. Потребовать от комсомольцев Коршунова И. и Крюкова Н. более серьезного и ответственного отношения к учебе.

2. Поручить Васильеву Ю. заниматься по алгебре и геометрии с Сидоровой З.

3. Через месяц заслушать отчет всех неуспевающих комсомольцев об их учебе.

II. С л у ш а л и Сообщение Масловой Лидии об организации общешкольного вечера, посвященного встрече Нового года.

П о с т а н о в и л и:

1. Новогодний вечер провести 27 декабря.

2. Ответственными за организацию и проведение вечера назначить Маслову Л., Филатова М., Гостева Н.

3. Ответственный за выпуск новогоднего номера стенгазеты — Петров Владимир.

Председатель собрания *Подпись* (Скворцов)
Секретарь *Подпись* (Гущина)

ОТЧЕТ

ОТЧЕТ

старосты VII «Б» класса 9-й спецшколы г. Москвы
о работе по сбору металлолома

Учащимся VII «Б» класса было поручено провести сбор металлолома. Работа по сбору металлолома выполнена.

Собрано 85 кг металлолома.

В работе участвовало 28 человек.

Не принимали участия в работе 5 человек: Сидорова А. и Петрова З. (по болезни), Викторов Н., Пронин Н. и Воронина Л. (без уважительных причин).

Особенно активно работали: Николаева Н., Лебедева И., Прохоров В., Сидоров А., Пищулин О.

10/IV 1971 г.

Староста VII «Б» класса
Васильева

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Петров Иван Алексеевич, родился в селе Ратислово Владимирской области 10 июля 1927 г. в семье рабочего.

В 1942 г. окончил 7 классов Ратисловской средней школы и поступил во Владимирский сельскохозяйственный техникум на механический факультет.

В 1945 г. окончил техникум и был направлен на работу в г. Владимир.

С 1946 по 1949 г. проходил службу в рядах Советской Армии. После демобилизации из Армии (с 1950 по 1955 г.) работал механиком Ковровского механического завода.

В 1943 г. вступил в члены ВЛКСМ. На II и III курсах техникума был профоргом курса.

В 1953 г. был принят в ряды КПСС.

В 1951–1953 гг. избирался членом цехового комитета профсоюза. С 1953 по 1955 г. был председателем заводского комитета профсоюза.

С 1956 г. работаю инструктором отдела заработной платы Владимирского областного совета профсоюзов.

Я женат, имею двоих детей: сына Сергея, 10 лет, и дочь Инну, 7 лет.

Моя жена, Петрова Лидия Ивановна, 1930 г. рождения, работает учителем географии в средней школе № 2 г. Владимира.

Отец мой, Петров Алексей Андреевич, 1905 г. рождения, работал механиком в Ратисловской МТС. Погиб на фронте в 1944 г.

Моя мать, Петрова Галина Ивановна, 1907 г. рождения, — домохозяйка.

10/VI 1969 г.

Подпись (Петров)

В «Русской речи» (1973, № 2) была опубликована статья заведующей кафедрой русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, профессора К. В. Горшковой «Научные сведения о родном языке в школе». В ней поднимался актуальный вопрос о лингвистических основах изучения русского языка. Публикация вызвала живой интерес педагогической общественности. Сегодня мы предлагаем нашим читателям статью старшего научного сотрудника лаборатории обучения русскому языку Института содержания и методов обучения АПН СССР А. Ю. Купаловой.

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА В НОВОЙ ПРОГРАММЕ

Продолжается переход школы на новые программы по русскому языку. Одна из главных особенностей нового содержания школьного предмета «русский язык» — повышение его научного уровня. Это относится и к такому разделу курса, как синтаксис.

Следуя «золотому» правилу методики — «не нести в школу... не принятых или не отстоявшихся в науке идей, положений, терминов» (А. В. Тэкучев) и имея в виду интенсивное развитие современной синтаксической теории, необходимо определить некоторые исходные положения в ориентации школьного курса на современные научные данные. Последние могут быть признаны современными по отношению к моменту их возникновения в науке (недавно намеченные, только что сформулированные, сейчас разрабатываемые). Современны и то, что, став общепризнанным, в известной мере традиционным, не отвергается в языкознании сегодня, не опровергается новейшими идеями и выводами (хотя и не остается неизменным, развивается, уточняется). Источником со-

вершенствования школьного курса должны стать, на наш взгляд, прежде всего достижения синтаксической науки, современные во втором толковании данного понятия. Так, теория словосочетания в современном языкознании считается традиционной. Использование положений и выводов, последовавших из разграничения теории словосочетания и теории предложения, открывает путь к значительному совершенствованию содержания школьного курса синтаксиса.

В традиции школы — ориентация на разные аспекты рассмотрения языковых явлений. Например, предложение характеризуется по цели высказывания (коммуникативный аспект), по строению (конструктивный), по выражаемым смысловым отношениям (семантический) и др. Многоаспектность школьного синтаксиса вполне закономерна. Ведь характеристика синтаксического явления с разных точек зрения помогает лучше понять разные его стороны, осмыслить существующие между ними связи и отношения.

При решении вопроса о содержании курса русского языка в школе необходимо учитывать соответствие отбираемого материала задачам обучения и степень разработанности того или иного направления в лингвистике.

Опыт школы показывает, что содержание школьного курса в значительной степени зависит от того, какая из задач обучения предмету выдвигается на первый план. Почему, например, раньше в одном ряду изучались повествовательные, вопросительные и восклицательные предложения, хотя в науке давно известна иная классификация предложений по цели высказывания (повествовательные, вопросительные и побудительные)? Потому, что изучение этой темы было подчинено задаче усвоения пунктуационных правил — постановке знаков препинания в конце предложения. Почему при изучении сложносочиненного предложения внимание учащихся сосредоточивалось преимущественно на его структуре, а при рассмотрении бессоюзного — и на смысловых отношениях между частями предложения? Потому, видимо, что для применения основного пунктуационного правила в первом случае достаточно найти части сложного предложения. В бессоюзном же предложении важно не только определить место постановки знака препинания, но и выбрать нужный знак в соответствии со смысловыми отношениями между частями высказывания.

Школа осуществляет идеи развивающего обучения. И задача преподавания родного языка состоит не только в том, чтобы формировать навыки правописания (включая и пунктуационные), но и в том, чтобы на основе осмысленного, сознательного восприятия учащимися системы языковых средств развивать их мышление и речь.

Ставя задачу осмысленного восприятия учащимися синтаксических явлений, необходимо позаботиться о том, чтобы характеристика их давалась на основе раскрытия существенных признаков, отличающих данное явление от ряда сходных. В этом отношении синтаксические понятия, составляющие основу содержания школьного курса, нуждаются в ряде случаев в уточнении, а подчас и в переосмыслении.

Почему, например, простое по строению, легкое для запоминания и воспроизведения учащимися, традиционное определение предложения заменено в учебнике для IV класса сообщением об основных признаках предложения, не столь удобным для работы в привычном стиле. Потому, что прежнее определение («Сочетание слов или отдельное слово, выражающее законченную мысль, называется предложением») или несколько уточненный его вариант («Предложение — это сочетание слов или слово, в котором заключается сообщение или вопрос») не содержат тех опознавательных признаков, по которым мы можем решить, выражает ли данное слово или сочетание слов законченную мысль. Кстати сказать, и отправное положение традиционного определения предложения требует уточнения, поскольку слово или сочетание слов, с одной стороны, и предложение, с другой, вряд ли соотносятся как родовое и видовое понятия.

Учащиеся уже в IV классе знакомятся теперь не только с назначением предложения (служить средством общения, средством выражения мыслей, чувств, побуждений), но и с такими его признаками, как грамматическая основа, синтаксическая связь слов, интонация конца предложения. Правда, на данном этапе обучения школьники могут пользоваться знанием указанных признаков, опираясь в основном на «чувство родного языка», на практические навыки, так как знания эти весьма неполные, предварительные. Но важно, что вычленены признаки, действительные для опознания изучаемого синтаксического явления.

В систематическом курсе синтаксиса (VII—VIII классы) предполагается углубление основных синтаксических

понятий. Оно может быть достигнуто путем более полного, разностороннего рассмотрения изучаемого явления в единстве таких его признаков, как грамматические значения, средства их выражения; путем большего обобщения понятия. Например, для осмысления такого признака предложения, как грамматическая основа, недостаточно интуитивно-семантического подхода (о чем говорится в предложении?, что делает предмет? и т. д.) или формально-грамматического (подлежащее выражается именем существительным в именительном падеже и т. д.), которыми мы ограничиваемся на начальных этапах обучения школьников. Необходимо, видимо, раскрыть, в силу каких грамматических значений и при помощи каких грамматических средств определенное слово или сочетание слов становится центром, основой предложения.

Возникает задача — раскрыть перед учащимися в доступной для них форме грамматическое значение основы предложения — синтаксическое время и синтаксическое наклонение (эти категории в составе предикативности могут быть отнесены к общепризнанному в науке), показать основные средства их выражения. Важно также научить школьников видеть, что данные признаки характерны для любого предложения, и на этой основе изучать разновидности предложений, различающихся в том или ином отношении характером грамматической основы. Важно также показать, что грамматическая основа — один из необходимых, но не единственный признак предложения (ср. *Мы находились.....* — грамматическая основа есть, но ее недостаточно, чтобы составить предложение; *Мы находились в лесу* — *Мы находились в лесу до вечера* — одно и то же сочетание главных членов составляет основу разных предложений — высказываний).

Работа над синтаксическими понятиями на основе рассмотрения их существенных сторон отвечает не только задаче осмысленного восприятия учащимися приобретаемых ими знаний, но и развития речи, формирования пунктуационных навыков.

Так, при изучении грамматической основы предложения необходимо сосредоточить внимание учащихся не только на значениях, общих для предложения любого типа, но и на смысловых различиях, которые зависят от тех или иных способов выражения этих значений (в двусоставных и односоставных предложениях; в предложениях с простым и составным сказуемым, глаголь-

ным и именным; в односоставных предложениях с разными способами выражения главного члена). Практическую работу над рассматриваемыми явлениями языка целесообразно проводить с учетом сферы употребления каждого из них в соответствии с задачей и условиями высказывания. При таком подходе к изучению синтаксиса в школе можно рассчитывать на активное воздействие обучения на синтаксический строй речи учащихся.

Внимание к интонации конца предложения способствует предупреждению ошибок при письменном оформлении высказывания («Чтобы определить, какое это предложение. Надо найти его грамматическую основу»), а также ошибок в интонационном оформлении устного высказывания («Неполным предложением называется. Предложение с опущенным членом, который легко восстанавливается в контексте»). Рассмотрение интонационного рисунка предложений, разных по цели высказывания, и разъединение двух классификаций (по цели высказывания и по эмоционально-экспрессивной окраске предложения) делает более осмысленной работу над соответствующими пунктуационными правилами.

Особое значение приобретает такой характер обновления содержания отдельных тем, при котором школьный синтаксис представлял бы собой не сумму разрозненных сведений о синтаксических явлениях языка, а стройную систему, элементы которой находятся в определенных связях и отношениях.

Когда речь идет об обновлении систематического курса школьного синтаксиса, об уточнении и переосмыслении ряда традиционно изучавшихся в нем понятий, на первый план выдвигается задача — соотнести с достаточной последовательностью сами синтаксические категории, системно связанные в языке. Обратимся с этой точки зрения к наиболее заметному изменению в содержании школьного синтаксиса, предусмотренному проектом новой программы, — разграничению двух единиц: словосочетания и предложения.

Об этом изменении часто говорят как о введении в школьный курс нового понятия. Однако дело не столько во введении еще одного понятия в традиционный курс, сколько в разграничении и переосмыслении того материала, который до сих пор недифференцированно рассматривался в учении о предложении.

Непротиворечивость и обучающая действенность ново-

го содержания школьного синтаксиса во многом будет зависеть как раз от того, насколько последовательно и убедительно в нем будут разграничены и соотнесены категории, связанные с предложением, с одной стороны, и словосочетанием, с другой. Новое понятие «словосочетание» нужно использовать как своеобразное средство для более выпуклой характеристики предложения, которое было и остается главным объектом изучения в синтаксисе. Так, в сопоставлении с номинативной ролью словосочетания ярче выступает назначение предложения — быть средством формирования и сообщения мыслей.

Раскрыть перед учащимися значение синтаксического времени и наклонения, присущее основе предложения, в данном случае поможет сопоставление ее с определительным словосочетанием. Ср.:

солнечный день
солнечного дня
солнечному дню
и т. д.

День солнечный
День был солнечный
День будет солнечный
Был бы день солнечный
Пусть будет день солнечный

Если средством выражения синтаксических значений словосочетания рассматриваются известные способы подчинительной связи (согласование, управление, примыкание), то, видимо, необходимо показать учащимся те виды (и способы) связи, которые обеспечивают выражение грамматических значений, возникающих только в предложении (интонация, порядок слов и др.). Иначе, как доказать ученику, что «солнечный день» (при произнесении без интонации сообщения) — это словосочетание, а «День солнечный» — предложение (лексический состав и морфологическая характеристика слов, образующих обе конструкции, одинаковы).

В ходе отработки непротиворечивой системы школьного синтаксиса возникают вопросы, связанные, естественно, не только с разграничением понятий «словосочетание» и «предложение». Это и упорядочение иерархии понятий, и пересмотр некоторых классификаций, и восстановление в цепи изучаемых категорий недостающих в ней звеньев, и выбор новых путей в практической работе, способствующей развитию синтаксического строя речи учащихся, и многое другое. Решение этих задач — необходимое условие повышения научного уровня преподавания синтаксиса в школе.

А. Ю. КУПАЛОВА

● МУЗЫКА КОМПОЗИТОРА... СЛОВА ПОЭТА...

А. И. Кочеджи из Рязанской области спрашивает, правильно ли, что дикторы, объявляя вокальный номер, говорят: музыка композитора [такого-то], слова поэта [такого-то]. Разве поэты пишут слова, а не стихи?

Конечно, выражение «музыка композитора [такого-то] на стихи поэта [такого-то]» во многих случаях было бы точнее, чем выражение «музыка композитора [такого-то] на слова поэта [такого-то]», так как оно указывает на творческое равноправие музыканта и поэта, создавших то или иное сольное или хоровое произведение.

Вместе с тем следует отметить, что вполне закономерен второй приведенный вариант. Он верно отражает своеобразие жанра песни, романса, оратории и т. п. как жанров музыкальных, в которых есть музыка и слова, то есть текст (здесь *слова* — буквально «текст к музыке»). Это хорошо показано у Тургенева. В его романе «Дворянское гнездо» читаем: «Лаврецкий навел речь на его [Лемма] сочинение и, полшутя, предложил ему написать для него либретто.

— Гм, либретто! — возразил ему Лемм, — нет это не по мне: у меня уже нет той живости, той игры воображения, которая необходима для оперы; я уже теперь лишился сил моих... Но если бы я мог еще что-нибудь сделать, я бы удовольствовался романсом; конечно, я желал бы хороших слов...».

Выражение «музыка (или романс) на слова» утвердилось в русском литературном языке давно, и основание для этого было в самой специфике русской культурной жизни.

Известно, например, что на протяжении всего XIX века было очень распространено домашнее музицирование. Романсы распевались представителями всех сословий, повсюду — от аристократического салона до лакейской и девичьей. Их сочиняли нередко совсем неизвестные авторы-любители, создавая вместе и музыку и текст. Обратимся опять к Тургеневу: «Кстати, — продолжал он [Паншин], — я написал вчера новый романс; слова тоже мои. Хотите, я вам спою». А в очерке М. Горького «О С. А. Толстой» есть такая фраза, посвященная С. Л. Толстому: «Он, впрочем, пробовал сочинять музыку, и, однажды, играл у меня пианисту А. Гольденвейзеру романс на слова Тютчева „О чем ты воешь, ветр ночной“».

Как видим, выражение «музыка на слова» было общепринятым. Оно и теперь употребляется.

Т. С. Карская

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРАВИЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ

Продолжение. Начало см.: «Русская речь»,
1973, № 4

ПО НЕСКОЛЬКУ — ПО НЕСКОЛЬКО. Неопределенно-количественные числительные *сколькo*, *столькo*, *несколько* и близкие к ним по значению слова *много*, *немного* склоняются как собирательные числительные. И. *ско́лько*; Р. *ско́льких*; Д. *ско́льким*; В. *ско́лько*, *ско́льких*; Т. *ско́лькими*; П. о *ско́льких*.

В устной речи часто можно встретить несклоняемые формы, особенно в дательном падеже в сочетании с предлогом *по*: *живут по несколько семей в квартире; ждем по несколько месяцев; по сколько рублей вы получили?*; *по столько лет не виделись.*

Изредка неизменяемая форма употребляется и в родительном падеже: *«Ввиду поступления много жалоб о нарушении правил внутреннего распорядка...»* (из объявления домкома, 1966); *«Это изделие стоит несколько других изделий...»* (устная речь; запись в магазине, 1970). В письменной литературной речи такого рода употребления совершенно недопустимы. Неизменяемые формы типа *по несколько*, *по сколько* поддержаны другими безаффиксными формами числительных в конструкции с *по* в распределительном значении: *по пять рублей, по семь человек, по сорок тетрадей.*

Отмеченные несклоняемые разговорные варианты неопределенно-количественных числительных все же не выходят за пределы устного употребления; в письменных формах литературного языка норма применения склоняемых форм устойчива.

САМ ФАКТ — САМЫЙ ФАКТ; САМУ — САМОЕ — САМОЮ; САМО — САМОЕ; САМ И САМЫЙ.

Местоимения *сам* и *самый* относятся к разряду определительных (ср.: *каждый, весь, всякий, иной*). Представляя собой варианты краткой и полной формы одной и той же непроемной основы, местоимения *сам* и *самый* в ряде лексических значений твердо и последовательно различаются (см. ниже); в некоторых же случа-

ях наблюдается смешение этих форм, вызывающее колебания в их употреблении.

Тенденция к размежеванию грамматических функций этих местоимений привела к тому, что за местоимением *самый* закрепилось, в первую очередь, значение превосходной степени (предельности меры), которое проявляется и в сочетаниях с прилагательными: *самый добрый, самый красивый*, и в сочетаниях с неодушевленными существительными: *до самого дома, в самый жар, на самом верш, с самого начала, в самый раз*.

Местоимение *сам* чаще всего определяет лицо, подчеркивая его самостоятельное, независимое, личное действие: *я и сам знаю, сам во всем виноват, сама все делает, пусть товарищ сам скажет*. На этом же значении основываются фразеологические сращения *сам-друг, сам-третей, сам-пят* (ср. также просторечное употребление в роли существительного со значением 'хозяин, глава': *сам идет; сам приехал!*).

В указанных значениях формы *сам* и *самый* не смешиваются. С конца прошлого века участились случаи употребления местоимения *сам* вместо формы *самый* в значении уточнения места, времени, подчеркивания определенности объекта при неодушевленных существительных: *изменился сам порядок вещей* (вместо *самый порядок*); *сама жизнь требует* (ср. *самая жизнь требует*); *важными оказываются сами принципы руководства* (ср. *самые принципы руководства*) и т. д. Тенденция замены формы *самый* вариантом *сам* в отмеченном значении особенно заметна в устной речи: *важен сам факт, это усложнит саму постановку вопроса; само описание должно быть иным и под*. Эта норма употребления укрепились и в современной письменной речи: «...Их больше волнует сам процесс создания спектакля, который обогащает личность духовно» («Правда», 12 июля 1972); «Последние звезды тихо погасли в посветлевшем небе. Само небо уплотнилось и сузилось» (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке); «Очевидно и то, что сама идея создания системы коллективной безопасности в Европе представляется натовскими генералами сугубо крамольной» («Правда», 1972).

Формы жен. рода *сама* — *самая*, как и формы муж. рода *сам* — *самый*, в современном употреблении разошлись в грамматическом значении: местоимение *самая* используется прежде всего в функции грамматического элемента аналитической формы превосходной степени (*самая теплая, самая тихая*), местоимение *сама* употребляется преимущественно в определительном значении.

Изменения нормы употребления особенно интенсивно происходят в форме вин. падежа местоимения женского рода *самоё* и *саму*. Тенденция к унификации падежных окончаний способствует закреплению в вин. падеже формы *саму*, которая в современном

употреблении выступает в качестве преобладающего варианта. «Этим же словами можно сейчас смело определить и саму атмосферу, в которой оказались уже прибывшие на 39-й чемпионат мира хоккеисты» («Известия, 6 апреля 1972»); «Видимо, её саму смущали размеры добычи» («Труд», 2 сентября 1970); «Бензином и соляркою Дыша — соня, Вся улица вселяется в саму себя» (Б. Слуцкий. Самострой вселяется); «Гудулы издавна стремились украсить свой быт. Столы и лавки, сундуки и кровати, полки для посуды и саму посуду орнаментировали „сухой“ (или „чистой“) резьбой» («Турист», 1971, № 6).

Устаревший вариант *самое* употребляется реже, обычно с оттенком книжности: «Самое норму следует, видимо, рассматривать не как нечто изолированное, а как систему норм...» (В. Г. Костомаров, А. А. Леонтьев. Некоторые теоретические вопросы культуры речи). Этот вариант удерживается во фразеологическом сочетании *самое себя* (походить на самое себя; организация уничтожила себя самое; презирают себя самое и т. д.). Известны случаи ошибочного смешения надежных и родовых форм. Иногда авторы неправильно употребляют форму *самое* в им. и даже род. падеже: «Кибернетика — это область знания, где господствует полюс точности, где самое фантазия направлена прежде всего на то, чтобы выразить математически сложнейшие связи и отношения» (В. Кожин. Кибернетика без вымысла); «Сафариха все про всех понимает, про все на свете, кроме самого себя» (Ф. Кнорре. — «Дружба народов», 1971, № 3).

Встречаются случаи родового переосмысления формы — она употребляется в сочетании с существительными сред. рода: «Его уму непостижимо, как смел поэт написать, что во время тяжелой боевой переправы через болото мошка покусала не только бойцов, но и самое солнце!» (И. Муратов. — «Литературная газета», 25 сентября 1968).

Диалектный по происхождению вариант *самою* в форме вин. над. ед. числа, употребительный в разговорной речи, представляет собой отклонение от литературной нормы: «Забегал в дом, взял ребенка, схватил ее самую за руку...» (Пушкар. В горящую избу); «...Ее душевным миром он не интересовался ничуть, более того, считал его убогим, а самую ее жалкой и некрасивой» (Чайковская. Самое удивительное).

В качестве укрепившейся универсальной и нейтральной литературной нормы в форме вин. падежа ед. числа жен. рода можно рекомендовать вариант *саму*, наряду с традиционной книжной формой *самое*.

(Продолжение в следующем номере)

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● УПОТРЕБЛЕНИЕ КАЛАМБУРОВ В РЕЧИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XIX ВЕКА

В № 4 журнала «Русская речь» я прочитал заметку об употреблении каламбуров в русской среде в XVIII веке. Хотелось бы знать, употреблялись ли каламбуры в речи русского общества в последующее время? — пишет К. М. Михайлов из Мценска.

В первые десятилетия XIX века шутки, остроты, каламбуры становятся элементом непринужденной речи образованных людей. Это находит свое отражение в частной переписке (см., например, письма Карамзина к И. И. Дмитриеву, Е. А. Карамзиной; письма А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому и др.). Любопытен в этой связи черновой отрывок из романа Пушкина 1831 года «Рославлев», описывающего события 1811—1812 годов. Изображая обед в доме знатного московского аристократа, Пушкин показывает, с каким нетерпением хозяин и гости ожидали bon-mot от г-жи де Сталь, присутствующей на обеде: «при каждом ее слове гости устремляли на нее глаза и изумлялись не слыша от [нее] ни единого остр(ого) слова. Наконец, вырвалось у ней двусмыслие и даже довольно [вольное]. Все подхватили его, захохотали, поднялся шёпот удивления... гости встали изо стола примиренные с m-me de Сталь. Она сказала каламбур, который они поехали развозить по городу».

Эту картину мог записать Пушкин по воспоминанию о детстве и отрочестве в родной семье. Склонностью к веселому балагурству, не заслоняющей, впрочем, серьезного отношения к литературе и искусству, отличались отец поэта Сергей Львович и дядя Василий Львович — люди, «страстно искавшие всю свою жизнь гостинных и эффектных бесед, переносившие удачное bon-mo, перед ними сказанное, из дома в дом, и, с своей стороны, сами занятые, для потехи других, тем, что французы называют деланием ума, *taire de l'esprit*» (П. В. Анненков. Пушкин в александровскую эпоху). Друзьями дома были лучшие представители литературной знати начала столетия, остроумнейшие собеседники — Н. М. Ка-

рамзин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, И. И. Дмитриев.

Атмосфера веселого, остроумного общения царил в салонах Москвы, Петербурга и других городов. Так, в 20-е годы излюбленным местом встреч московских представителей мира искусства был салон «царицы муз и красоты» З. А. Волконской, любившей, как говорит Пушкин, «игры Аполлона». В Петербурге славился дом В. В. Энгельгардта, остроты и забавные куплеты которого ходили по городу. Известностью пользовался также салон кн. Е. И. Голицыной, где Пушкин находил «разговор непринужденный, блистательный, веселый, просвещенный». Ценилось острое слово в кругу русской интеллигенции, жившей в начале XIX века в Дерпте. Центром ее здесь явился дом Протасовых, где бывали известные в тот период А. Ф. Воейков, его жена А. А. Воейкова, «вдохновенный» Н. М. Языков, учившийся тогда в Дерптском университете. Часто сюда приезжал В. А. Жуковский.

Остроты, шутки были очень популярны в некоторых писательских обществах. Они культивировались членами «Арзамаса», этого, по выражению Пушкина, «Иерусалима ума и вкуса». Собрания общества носили шутливо-сатирический характер, сводясь в основном к защите нового слога Карамзина и «погребению» литературного общества «Беседа любителей русского слова». Орудием противодействия «Беседе» служили ирония и издевка над защищаемым ею торжественным, возвышенным стилем. К шутке, насмешке над «Беседой» прибегали и те арзамасцы, которые в своем творчестве воздерживались от критических оценок литературной деятельности «беседчиков». Так, «если Жуковский оставался в стороне во время начавшейся „войны на Парнасе“ и не выступал печатно против своих противников, то в протоколах и речах его в Арзамасе звучала несвойственная литературным его произведениям едкая насмешка» (М. С. Боровкова-Майкова. Вводная статья к протоколам Арзамаса.— В кн. «Арзамас и арзамасские протоколы»).

В занятия «Арзамаса» входило также «не сидеть самим во время собрания покойниками, а заниматься различными приятностями, читая друг другу стихи, царапать друг друга критическими колкостями» («„Арзамас“ и арзамасские протоколы»). Естественно поэтому, что так называемые «протоколы» и «речи» арзамасцев насыщены шутками, остротами. Шутливый характер носили и закреплённые за каждым членом общества прозвища.

Деятели «Арзамаса» — П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, К. Н. Батюшков, В. Л. Пушкин, А. С. Пушкин — на всю жизнь сохранили любовь к веселому балагурству, никогда не упуская случая сказать острое словцо в личном общении друг с другом (см. переписку П. А. Вяземского и А. И. Тургенева, П. А. Вязем-

ского и А. С. Пушкина, А. С. Пушкина и В. А. Жуковского), в непринужденных беседах и в литературной полемике (ср. полемический намек Пушкина в следующем тексте, каламбурно сближающем два смысла выражения *старый слог* — 1) перевод встречающегося в «Слове о полку Игореве» сочетания *старые словесы* и 2) *старый слог*, защищаемый А. С. Шишковым в его сочинении «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка»: «Ему [Шишкову], вероятно, было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя Слова о плку И<гореве> предпочитали *Новый слог старому*»).

Не следует думать, конечно, что все литературные группировки первых десятилетий XIX века обнаружили тяготение к игре словом. Так, собрания членов «Беседы любителей русского слова» протекали в очень торжественной обстановке. В публичные чтения включались преимущественно произведения, в которых элементы комизма были крайне редки. Исключение составляют басни Крылова, а также некоторые произведения Державина, отмеченные чертами юмора, например «Модное остроумие». Вместе с тем Державин, Крылов, а также другие деятели «Беседы» — Грибоедов, Катенин — в своем творчестве и частной переписке не чуждались шуток и каламбуров (см., к примеру, комедию Грибоедова и Катенина «Студент» или переписку Грибоедова с С. Н. Бегичевым, А. А. Жандром, П. А. Катениным).

Особо нужно сказать о Пушкине. Он, по словам современников, удивлял всех неистощимостью в остроумии (см. об этом в книге «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников»). Приведем два приписываемых Пушкину каламбура: «— А, понимаю, — смеясь заметил Пушкин, — точно есть разница: я *молокосос*, как вы говорите, а вы *виносос*, как я говорю» (В. П. Горчаков. Выдержки из дневника об А. С. Пушкине); «Но Стамати принял это за чистую монету и с некоторою гордостью самодовольно отвечал: „C'est notre Jean-Jacque Rousseau“. Здесь Пушкин не в силах был более удерживать себя; вскочил со стула и отвечал уже по-русски: „это правда, что он Иван, что он Яковлевич, что он Руссо, но не Жан-Жак, а просто *рыжий дурак*!“» (И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний). В последнем примере игра слов строится на совпадении в произношении, с одной стороны, фамилии Rousseau, а с другой — двух знаменательных слов гоух 'рыжий, рыжеволосый' и sot 'глупец, дурак'.

Поэт жил и воспитывался в среде, которая усиленно культивировала остроумие. Постоянно слыша *jeux d'esprit*, Пушкин, естественно, впитывал в себя принятую в обществе того времени манеру остроумного общения. Ее раскрывала поэту также французская литература, которую он знал, по словам Б. В. Томашевского, «от

Монтескье до романов Кребильона-сына». Меткие изречения, остро-ты встречал Пушкин на страницах французской классики (драмы, прозы и поэзии). Ими изобиловали рано усвоенные поэтом басни и новеллы «мудреца простосердечного» Лафонтена, сатиры и послания Буало, комедии «Мольера-исполина», создания Расина. Превосходно знал Пушкин насыщенные шутками эпиграммы Ж.-Б. Руссо, произведения «колкого Бомарше» и «сына Мома и Мивервы» Вольтера.

Атмосфера юмора, иронии окружала Пушкина также в период обучения в лицее. Остроумными людьми были преподаватели, такие как профессор математики, физики и астрономии Карцев, предпочитавший вместо лекций рассказывать анекдоты или выслушивать их от лицейцев. В лицейский период Пушкин знакомится с членами «Арзамаса» и, разделяя их литературные взгляды, стремится участвовать «в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей русского слова» (А. С. Пушкин. Письмо П. А. Вяземскому, 27 марта 1816).

Итак, особое распространение шутки, каламбуры получают в конце XVIII — начале XIX века, когда они становятся элементом непринужденной речи культурного человека независимо от характера его деятельности. Первые десятилетия XIX века отмечены расцветом каламбуров в писательской среде. Прибегая к каламбурам в разговорном общении и частной переписке, писатели вместе с тем вводят их в свои сочинения.

Хотя каламбуры, употребляемые в литературе и в речевом обиходе, по своему построению, по способам создания не различаются, между ними есть существенная разница. Первые обычно служат выражению определенной авторской задачи, авторского отношения к героям и событиям. Вторые же не преследуют каких-либо целей, кроме одной — развеселить, рассмешить слушателя. Отличие может быть также в степени завершенности. Каламбуры, создаваемые в непринужденном разговоре, в силу того, что они возникают походя, не всегда отличаются тем мастерством, которое свойственно каламбурам в литературном произведении. Естественно поэтому большее стремление исследователей к изучению каламбуров, встречающихся в творческой практике мастеров слова.

Е. П. Ходакова

● МЮЗИКЛ

Читатель В. Поливанов из Вологды просит рассказать о происхождении и значении слова *мюзикл*.

Вот уже несколько лет на театральных афишах рядом с привычными всем нам словами *опера, оперетта, драма, комедия* мы

встречаем новое и пока еще не совсем привычное для нас слово *мюзикл*. Спектаклей-мюзиклов становится все больше. Это, например, «Весна в Москве» (Театр оперетты), «Опять премьеры» (Театр киноактера), названный мюзиклом спектакль «Мсье де Пурсоньяк» по комедии Мольера (Театр имени Станиславского) и др.

Каково же происхождение слова *мюзикл*, что оно значит?

Напрасно мы стали бы искать его в толковых словарях русского языка, его там еще нет, и только в словаре-справочнике «Новые слова и значения» под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина находим слово *мюзикл*. Оно определяется здесь так: «*Мюзикл* — музыкально-сценическое произведение, преимущественно комедийного характера, использующее разнообразные жанры и выразительные средства современной и бытовой музыки, хореографии, оперетты, оперы... Кинофильм такого жанра».

Слово *мюзикл* — английское, переводится как «музыкальный». В русском языке это слово воспринимается как существительное и получает соответствующее грамматическое оформление.

О правомерности существования жанра, называемого словом *мюзикл*, до недавнего времени велись споры в среде критиков-музыковедов, театроведов, артистов. Приведем лишь некоторые из высказываний: «На западе оперетта окостенела... полностью завершив свое развитие. Легкий музыкальный театр продолжался в других формах, близких к тому, что мы называем эстрадой, и в конце концов родился новый жанр — мюзикл, но он похож на оперетту только тогда, когда не хотят видеть разницы, да и происхождением своим он обязан отнюдь не оперетте» («Комсомольская правда», 3 сентября 1970); «Ныне возникают попытки пересмотра традиционных музыкальных форм оперетты. Уже допускается пришедшее из мюзикла смешение стилей» («Советская культура», 5 августа 1967).

Мы не музыковеды и не будем вдаваться в профессиональные тонкости спора. Нам важно лишь подчеркнуть следующее: в русский язык вошло новое слово, за которым стоит определенная реальность, в данном случае новый жанр театрального искусства. И оно, это слово, далеко не единственное. В последнее время наша театральная лексика значительно пополнилась новыми словами. Достаточно вспомнить такие широко вошедшие в обиход слова, как *ревю*, *мюзик-холл* и др.

Но всегда ли бывает достаточно оправданно появление нового слова в русском языке, стоит ли за этим словом новое понятие или же это простое перенесение иностранного слова для обозначения уже существующего понятия, явления? Поясним нашу мысль только одним примером. Не так давно в эстрадном искусстве су-

ществовал термин «эстрадное представление, обозрение». Сейчас это неплохое, с нашей точки зрения, название почти всегда заменяется словом *ревью* и даже существуют его разновидности: музыкальное *ревью*, *айс-ревью*.

Что же значит слово *ревью*? Что это: новый вид искусства, новый жанр? Оказывается, нет. *Ревью* — это и есть «эстрадное или театральное представление, состоящее из отдельных сцен, номеров, объединенных одной, обычно злободневной темой» (Словарь современного русского литературного языка).

Почему же все-таки произошла эта замена — непонятно, так как качественно нового значения слово *ревью* по сравнению с выражением *эстрадное представление, обозрение* не содержит. А ведь появление каждого слова в русском языке, его закрепление в нем должно быть обоснованным, за этим словом должно стоять новое понятие, которое этим, и только этим, словом обозначается наиболее точно.

Что касается слова *мюзикл*, то его появление нам кажется вполне оправданным, ибо это слово обозначает новое понятие, новый жанр, новый вид театрального представления. Слово *мюзикл* прочно вошло в русский язык, это доказывает частое его употребление в статьях, рецензиях на спектакли и т. д. Если несколько лет назад для критиков термин *мюзикл* был необычным, по выражению Л. Жуковой, «новомодным термином» («Театр», 1966, № 6), то теперь и существование *мюзикла* как жанра все меньше подвергается сомнению, и термин утратил свою необычность.

О *мюзикле* пишут сейчас как об окончательно сформировавшемся виде театрального представления. В подтверждение этого приведем отрывок из статьи К. М. Симонова «Доброго будущего»: «...искусство экспериментального молодежного коллектива с его сложными партитурами массовых сцен, где и музыка, и пластика в какие-то моменты спектаклей ставит их на грань *мюзикла*, а в какие-то моменты на грань балета» («Комсомольская правда», 5 мая 1973).

В. С. Филиппов

● О ПЕРЕПИСЫВАНИИ КНИГ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

«Расскажите, пожалуйста, как переписывали книги в Древней Руси», — просит Н. П. Красных из Свердловска.

Переписывание книг от руки в монастырях Древней Руси до того, как началось их печатание в XVI веке, было единственным средством их распространения среди грамотных людей. Чем популярнее и нужнее было сочинение для целей богослужения, тем

чаще его переписывали и тем больше было количество списков. Около 85 тысяч книг требовалось для богослужения в Древней Руси в XI—XIII веках, как сообщает об этом Б. В. Сапунов в статье «Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков» («Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР». Т. 11. М.—Л., 1955). Исследователь русских рукописей XI—XIV веков Н. В. Волков, указывая на Киево-Печерский монастырь как крупнейший центр книгописания на раннем этапе истории рукописной книги, пишет, что отсюда книги «отсылались в другие русские местности, где... распространялась христианская вера, строились церкви и учреждались монастыри» (Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. [СПб.], 1897).

Наиболее часто при богослужении требовалось Евангелие. Н. В. Волков насчитывает 144 списка Евангелия. Современная исследовательница евангельских текстов Л. П. Жуковская в статье «Сколько книг было в Древней Руси?» («Русская речь», 1971, № 1) рассказывает о том, что, по данным новейшего обследования, проведенного Археографической комиссией, имеется около 390 сохранившихся до нашего времени Евангелий за тот же период, который исследовал Н. В. Волков. Наконец, советский литературовед С. А. Бугославский привлек в своем исследовании «Сказания о князьях Борисе и Глебе» свыше 170 списков этого очень популярного на Руси произведения неизвестного нам автора. Оно насквозь пронизано лирическим чувством и идеей единства Русской земли.

Вносились ли в текст какие-нибудь изменения при переписке? Да, вносились. Но на вопрос о том, как изменялся язык произведения от списка к списку, проникали ли в него черты, отражавшие живое произношение писавшего, или писец старался эти черты изгонять в угоду сохранения норм старославянских церковных книг, крупнейшие исследователи древнерусских рукописей не дают однозначного ответа.

А. А. Шахматов считал, что крупнейший русский писатель XI—XII веков Нестор писал Житие Феодосия-игумена Киево-Печерского монастыря «вполне по тогдашнему правописанию церковных, пожалуй, болгарских книг» («А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов». М.—Л., 1947), а русские черты в языке древнейшего дошедшего до нас списка конца XII века этого Жития обязаны тем, кто позднее переписывал это сочинение. Другой крупнейший знаток древнерусских рукописей и истории языка Н. Н. Дурново, напротив, стремился доказать, что «некоторые тексты, писанные русскими писцами, заключали меньше русизмов,

чем их оригиналы», и приводил как пример то же Житие Феодосия по Успенскому сборнику.

Можно согласиться с мнением А. А. Шахматова и считать, что черты живого разговорного языка Древней Руси, порою даже помимо воли переписчика, проникали в церковные тексты и умножались на протяжении веков. Это вызывало необходимость вновь браться за восстановление первоначального варианта текста и вообще проводить подобного типа работы по реконструкции первоначального текста сочинения. Но располагаем ли мы хоть какими-нибудь, пускай немногочисленными, объективными данными в языке конкретного списка, которые подтвердили бы то или другое из высказанных мнений? Случаи описок в тексте, отклонений от грамматически правильного употребления форм в нем часто можно объяснить влиянием того текста, с которого списывался данный список. На основе этих описок и отклонений мы можем предположить, какие формы были в промежуточном списке.

Интересны некоторые примеры из Жития Феодосия по списку Успенского сборника XII—XIII веков. Успенский сборник написан двумя писцами и, как полагают в последнее время некоторые ученые, в разных монастырях (см.: М. В. Щепкина. О происхождении Успенского сборника.— Сб. «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 60—80). Первый писец, переписавший листы с 1-го по 48-й (последний не полностью) писал менее внимательно и менее грамотно, то есть чаще отступал от старославянской традиции в орфографии, чем второй писец, переписавший всю остальную часть рукописи.

По нашим наблюдениям, первый писец в Житии Феодосия допустил 41 описку, а второй, хотя переписал текст несколько большего объема, ошибся только в восьми случаях, пропустив две или три буквы и заменив одну букву другой. Неизвестный нам первый писец слово *рѣкъъ* 'я сказал' написал на листе 40 во 2-м столбце. Древнерусский язык знал или форму *рѣхъ* 'я сказал' или *рекохъ*, имевшую то же значение, но более новую. Предполагаем, что в списке, который переписывался, было *рѣхъ* — старая форма, которую мы часто встречаем и в древнерусских памятниках. Писец Успенского сборника переписал две первые буквы *рѣ*, а затем решил «подновить» глагол, выбрав в данном случае форму, более близкую к разговорному языку, и приписал остальные буквы *къхъ*.

Таким образом, в *рѣкъъ* причудливо объединились старая *рѣхъ* и новая *рекохъ*. Это свидетельствует о том, что в данном случае подновлен текст промежуточного списка.

Еще один пример из Жития Феодосия, из части, которую переписал первый писец. «Въ воиньствѣ оденни» (в одежде воина) — читаем в первом столбце 45-го листа. В промежуточном списке,

очевидно, было: *въ воицѣствѣ одежи*. Писец Успенского сборника, начав писать *оде*, приписал к этим буквам еще три: *мии*. Получилась форма, древнерусскому языку несвойственная: *одемии*. В древнерусском могло быть *одежи* или *одѣнии*, но со вторым словом прилагательное должно было получить иное окончание, то есть должно было быть: *воицѣствѣмъ одѣнии*. Замена слова *одежи* в том списке, с которого он списывал, на *одемии* в данном случае указывает на выбор формы, более далекой от разговорного языка, но более близкой к книжно-славянской традиции. Ведь не случайно слово *одежа*, *одежда* употребляется и в современном русском языке, а в разговорном просторечии звучит как *одѣжа*, в то время как слово *одеице* не сохранилось до наших дней.

Наблюдая такие явления, на наш взгляд, можно восстанавливать отдельные отрывки из текста более ранних списков популярных в Древней Руси сочинений. Эти фрагменты свидетельствуют о том, что в какой-то степени правы оба исследователя: и А. А. Шахматов, и Н. Н. Дурново. Тексты при переписке менялись, и эти замены не всегда носили односторонний характер.

В. Г. ДЕМЬЯНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
В. А. ЕРЕМИН, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ,
Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

и. о. отв. секретаря В. М. ПАНЬКИН

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волконка, 18/2,
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, Н. М. Кузьмина*

Сдано в набор 12/VI-1973 г. Подп. к печ. 24/VIII-1973 г. Т-11757 Тираж 80 000
Формат бумаги 84×108³/₃₂. Усл. печ. л. 8,4. Бум. л. 5. Уч.-изд. л. 40,1. Зак. 2484